

СОДЕРЖАНИЕ

Рекомендаций по стилю журнала	1
<i>Питер Фут</i>	
Безопасность каспийской энергии	
Меняющаяся модель безопасности в постсоветской Центральной Азии	3
<i>Геннадий Чуфрин</i>	
Нефть Каспия и безопасность региона	13
<i>Малик Шойнбаев</i>	
Политика США по отношению к Черноморско-Каспийскому региону	21
<i>Томас Валасек</i>	
Значение каспийской нефти и газа для диверсификации импорта энергии странам Визegradской группы	31
<i>Яцек Цихотский</i>	
Проблемы радикализма исламских организаций в Кыргызстане	37
<i>Вячеслав Хамисов</i>	
Региональные аспекты энергетической безопасности Кыргызстана	47
<i>Людмила Баум</i>	
Узбекистан и США	
Балансирование американского участия в Узбекистане	55
<i>Питер К. Фостер</i>	
Вновь размышляя об оружии массового поражения	
Оружие массового поражения: риторика и реальность	75
<i>Рональд Хиггинс</i>	
Балтийская реформа в области безопасности	
Путь перехода: от прошлого к эффективным вооруженным силам	89
<i>Михаэль Х. Клеммесен</i>	
Вклад “мозговых центров”	
“Мозговые центры” и транснационализация внешней политики	111
<i>Джеймс Дж. МакГанн</i>	
Оказание воздействия: “мозговые центры” и дебаты о расширении НАТО	119
<i>Рональд Д. Асмус</i>	

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Международная и национальная безопасность в мировом сообществе XXI века: контуры новых реалий <i>Евгений Мощелков</i>	125
Лучшее из трудов военных академий Неприятие людских потерь в “прохладной войне” <i>Паскаль Жирардэн</i>	131

Правила представления рукописей

Журнал *КОННЕКШНС* будет рад получить рукописи по тематике, имеющей актуальное значение для сообщества в области безопасности в масштабах всего Евро-Атлантического Партнерства, включая вопросы (но не ограничиваясь только ими) политики в области безопасности и обороны, вопросы регионального характера, вопросы стратегии, доктрины, операций, силовых структур, применения технологий, профессионального военного образования и обучения, военной этики, военной истории и руководства. Особо приветствуются работы, в которых представлены оригинальные концепции или идеи, новые подходы к старым проблемам и свежая интерпретация.

Авторов работ просят руководствоваться следующими общими принципами:

Представленные рукописи должны быть написаны либо по-английски, либо по-русски.

Как правило, количество слов в рукописи может варьироваться от 3500 до 7500, включая сноски, при этом слова должны быть написаны в строчку. Однако приветствуются и более краткие по объему статьи, особенно, если это касается взглядов и мнений, актуальных для дискуссии по определенной проблематике, как, например, письма редактору.

Рукописи должны быть представлены в электронном формате, на дискете или посредством электронной почты, в версии MS Word97 или в более поздних версиях. Адрес для электронных сообщений: pfpconsortium@marshallcenter.org.

Рукописи должны сопровождаться соответствующими диаграммами, схемами или другим иллюстративным материалом, которые делают контекст статьи более ярким. Диаграммы, схемы и т.п. не должны быть вставлены в структуру текста рукописи. Их необходимо сохранять в качестве отдельных документов. В настоящее время для нас достаточно трудно осуществлять иллюстрирование в виде карт и фотографий, поэтому, прежде чем делать такие иллюстрации, обратитесь, пожалуйста, в Консорциум за советом.

Рукописи не должны выходить за рамки стандартного научного стиля с использованием норм правописания американского варианта английского языка, либо норм правописания русского языка; использование постраничных сносок является более предпочтительным, чем использование сносок в конце статьи или по "гарвардской" системе.

Аббревиатуры или сокращения, принятые в военной терминологии, могут быть использованы в структуре текста в том случае, если первоначально термин пишется полностью, а за ним следует его аббревиатура

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

в скобках. При этом следует избегать употребления военного жаргона и сленга.

Все представленные работы должны сопровождаться краткими (в один параграф) биографическими данными автора, включающими занимаемую им в настоящее время должность, номер телефона, адрес электронной почты, а также почтовый адрес.

Все представленные работы будут рассматриваться анонимно как минимум двумя внешними рецензентами из Редакционного совета, которые затем представят свои рекомендации редакторам в отношении опубликования прочитанной ими статьи. Рукописи будут оцениваться исходя из их оригинальности и уровня содержательности или дискуссии, соответствия и актуальности теме, а также стилистической правильности оформления письменной речи.

Редакторы оставляют за собой право на редакторскую правку в отношении стиля, грамматики и объема статьи, но не будут проводить каких-либо редакторских изменений, которые могут повлиять на целостный характер содержания или дискуссии, не уведомив при этом автора статьи о таких изменениях. Рукописи, не принятые к публикации, возвращаются автору. Ни Консорциум ПРМ, ни Редакционный совет не хранят неопубликованные рукописи.

Меняющаяся модель безопасности в постсоветской Центральной Азии

Геннадий Чуфрин¹

В мире найдется всего немного регионов, которые испытали на себе столь глубокое и длительное воздействие событий 11 сентября 2001 года, как Центральная Азия. С момента начала возглавляемой США антитеррористической операции в форме военной кампании, направленной против режима “Талибан” и сети “Аль-Каеда” в Афганистане в ответ на эти события, другие государства Центральной Азии – все они являлись бывшими республиками Советского Союза (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) – испытывают сильное влияние из-за этих событий, хотя каждое из них в разной степени. В данной работе будут проанализированы изменения в отношении ситуации в области безопасности в постсоветской Центральной Азии, последовавшие за военным поражением режима “Талибан” в Афганистане; влияние, которое оказало недавнее размещение военных сил США/НАТО в регионе на политические курсы государств региона, а также реакция России и Китая на данные изменения.

Изменение ситуации в области безопасности

Ко второй половине 2001 года ситуация в области безопасности в Центральной Азии стала необычайно напряженной. Обедневшее население Ферганской долины, связывающей Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан, было глубоко разочаровано проводимым официальным социально-экономическим курсом и быстро попало под влияние экстремистского Исламского движения Узбекистана (ИДУ), которое было тесно связано с режимом “Талибан” в Афганистане. Бойцы ИДУ угрожали начать очередной раунд вооруженного конфликта (первые два произошли в 1999 и 2000 годах) и разумно полагали получить решительную и активную поддержку со стороны “Талибана”, тем более, что последний добился полной победы в гражданской войне в Афганистане, событие, которое, кажется, последовало сразу вслед за убийством Ахмада Шаха Массуда, харизматического лидера оппозиционного Северного Альянса. Таким образом, вполне логично, что при таких обстоятельствах возглавляемая США антитеррористическая операция в Афганистане получила желанное развитие в области безопасности со стороны правящих режи-

¹ Профессор Геннадий Чуфрин преподает в Институте мировой экономики и международных отношений, Москва, Россия.

мов постсоветских государств Центральной Азии. Эти государства не только заявили о своей полной политической поддержке данной операции, но большинство из них также позволило транспортным и военным самолетам США пролетать на своей территории. Узбекистан и Кыргызстан согласились сдать в аренду США и их западным союзникам производственные мощности аэропортов в Ханабаде и Манасе для их использования против вооруженных сил “Талибана” в Афганистане.

Эти драматические решения первоначально выглядели как краткосрочные соглашения на случай непредвиденных обстоятельств в чрезвычайных условиях, но уже через несколько месяцев они стали неотъемлемой частью новых стратегий в области безопасности центрально-азиатских государств. Сейчас, год спустя, кажется, что основные военные задачи антитеррористической операции в Афганистане успешно выполнены, но ни Узбекистан, ни Кыргызстан, ни, коли на то пошло, какое-либо другое государство Центральной Азии – не выказывают никакого намерения сократить уровень своего сотрудничества с США и их западными союзниками в области безопасности и в военной сфере. Более того, в своих переговорах с западными коллегами лидеры Узбекистана и Кыргызстана, например, открыто демонстрируют свой интерес в продолжении западного военного присутствия на своих территориях.

Так, имея такие намерения, узбекское правительство позволило Соединенным Штатам модернизировать и реконструировать авиабазу в Ханабаде, которую ВВС США используют с момента начала военной кампании в Афганистане², а также в прессе появились сообщения, что аэропорт “Манас” близ Бишкека в Кыргызстане тоже будет реконструирован.³ В настоящее время на авиабазе в Манасе размещается около 2000 военнослужащих, а также несколько военных самолетов из США, Франции, Италии, Турции, Испании и ряда других стран-членов НАТО. Официально аренда аэропорта в Манасе западными членами антитеррористической коалиции завершается в начале 2003 года. Но в случае, если данная аренда будет продлена, это приведет к тому, что этот все еще в основном гражданский аэропорт будет преобразован в полномасштабную авиабазу, способную разместить порядка 5000 военнослужащих и около 50 военных самолетов сил коалиции.⁴

Подобно своим соседям в Узбекистане и Кыргызстане, лидеры Казахстана, самого большого и самого важного со стратегической точки зрения государства Центральной Азии, продолжают расширять с Соединенными Штатами свое военное сотрудничество и сотрудничество в области безопасности. Хотя в стране и нет постоянного военного при-

² Независимая газета, 9 августа 2002 г.

³ Коммерсант, 2 июля 2002 г.

⁴ Независимая газета, 1 марта 2002 г.

сутствия США, американо-казахское сотрудничество в рамках Партнерства ради мира (ПРМ) и Международной программы военного образования и обучения (МПВОО) сейчас стало обычным явлением и набирает обороты, становясь все более объемным и интенсивным. Среди новых элементов, расширяющих это сотрудничество, были недавние поставки американского военного оборудования для потребностей мобильных сил Казахстана.⁵ Таджикистан также неуклонно совершенствует свои отношения в области безопасности с США и их союзниками по НАТО. Начало этому процессу положило предложение Таджикистана о предоставлении американским самолетам прав на посадку в аэропорту города Душанбе во время первого этапа военной операции в Афганистане, затем последовало официальное вступление Таджикистана в программу ПРМ, таким образом, завершив список всех постсоветских центральноазиатских государств в качестве ее членов.

И только Туркменистан стоит немного в стороне от основного рула развивающихся событий. Решение воздержаться от установления более тесных отношений в области безопасности с Западом официально объясняется нейтральным статусом страны. Наиболее вероятным, однако, представляется, что, унаследовав большие запасы оружия, включая самолеты после распада Советского Союза,⁶ Туркменистан чувствует себя достаточно комфортно в отношении того, что касается состояния его военного потенциала.

Однако, случай Туркменистана не затушевывает явную тенденцию, прослеживаемую в последнем развитии событий в области безопасности в Центральной Азии, что может быть описано как появление новой модели региональной безопасности, основной акцент которой сделан на сотрудничестве с США и их союзниками по НАТО. Она заменяет предыдущую модель, которая опиралась на взаимоотношения государств с Россией и на Договор о коллективной безопасности СНГ (ДКБ) в качестве ее ядра.

Существует множество причин для таких фундаментальных изменений. Первая среди них – это продемонстрированная США способность действовать решительно и эффективно в кризисных ситуациях, когда они сумели относительно быстро преодолеть открытое вооруженное сопротивление сил “Талибана” и нанести им сокрушающее поражение. Лидеры центральноазиатских государств не могли не сравнивать эффективность военной операции США с очень медленным и неопре-

⁵ Независимая газета, 9 августа 2002 г.

⁶ Более детальная информация по данной теме содержится в Mark Eaton “Major trends in military expenditure and arms acquisitions by the states of the Caspian region,” в *The Security of the Caspian Sea Region*, под ред. Gennady Chufirin (Oxford: Oxford University Press, 2001).

деленным развитием многосторонних антитеррористических сил, которое неоднократно предпринималось в прошлые годы Россией и другими центральноазиатскими государствами-членами ДКБ (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан). Кстати, именно низкая эффективность в деятельности ДКБ подвигла Узбекистан завершить свое членство в этой организации в 1999 году.

Даже несмотря на то, что непосредственная угроза вооруженного конфликта с боевиками ИДУ была предотвращена благодаря военным успехам США в Афганистане и несмотря на то, что пресловутый лидер ИДУ Джума Намангани был, по сообщениям, убит там в бою, центральноазиатские лидеры (в частности, в Узбекистане) прекрасно понимают, что тем не менее нельзя игнорировать опасность экстремистской исламистской деятельности в их странах.

Уже другой лидер ИДУ, Тахир Юлдашев, заявил о своем намерении продолжать борьбу против правящего режима в Узбекистане, в то время, как другая радикальная исламистская организация “Хизбат-Тахрир” (Партия Исправления) завоевывает популярность в этом государстве и в других государствах Центральной Азии.

Таким образом, пока Договор о коллективной безопасности СНГ все никак не может определиться с опасениями и ожиданиями центральноазиатских государств, другая региональная организация по безопасности, Шанхайская организация сотрудничества, уже доказала свою эффективность в борьбе с угрозами международного терроризма, экстремизма и сепаратизма. Эта организация, все еще находящаяся в стадии формирования, была основана в июне 2001 года в качестве преемницы Шанхайского форума. В состав ее членов входят Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

Центральноазиатские государства разочарованы не только низкой эффективностью таких многосторонних схем региональной безопасности, группируемых вокруг России, но также часто не удовлетворены состоянием своего двустороннего сотрудничества с Россией по вопросам безопасности и военного характера. Наиболее жесткая критика исходит от Узбекистана, который обвинил Россию в частых задержках или провалах в выполнении своих ранних договоренностей в отношении поставок российского оружия, материалов и вспомогательного оборудования для усиления боеготовности узбекских национальных вооруженных сил.

Другой важной причиной заинтересованности центральноазиатских государств в сотрудничестве в области безопасности с Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО является, безусловно, финансовая причина. Действительно, начиная с самых первых этапов размещения своих вооруженных сил в Центральной Азии, западные страны произ-

водят регулярные выплаты за пользование производственными мощностями местных аэропортов.

Такие платежи стали существенной добавкой к бюджетным поступлениям принимающих государств. Кроме того, модернизация этих аэропортов и строительство дополнительного жилья и хранилищ предоставила столь необходимые здесь (и хорошо оплачиваемые) возможности работы для местной рабочей силы. Если сдача в аренду этих аэропортов будет продлена, то ожидаются дополнительные доходы и рабочие места. Так, например, предлагаемое продление аренды стратегически важного аэропорта “Манас” может потребовать до 500 миллионов долларов США на его реконструкцию. По сообщениям, США готовы пойти на эти затраты и платить ежегодно до 300 миллионов долларов за использование модернизированной военно-воздушной базы “Манас”.⁷

Иными словами, страны региона, в особенности Узбекистан, например, больше не рассматривают западное военное присутствие в Центральной Азии как нечто странное, экстравагантное, определенное на короткий срок действия, но, напротив, они видят такое присутствие долгосрочным и, возможно, даже постоянным элементом их архитектуры региональной безопасности.

Реакция соседей

Излишне говорить, что такие последние изменения, произошедшие в структуре безопасности Центральной Азии, а также восприятие безопасности государствами этого региона являются предметом особой озабоченности для их соседей, в особенности России и Китая, и заставляют их реагировать на это обстоятельство.

Для Китая, военное присутствие США в Центральной Азии, о котором совсем еще недавно нельзя было даже подумать, создало буквально наихудший вариант развития сценария в области безопасности. Рассматриваемый на фоне растущей американо-китайской напряженности в Восточной Азии, он предполагал только то, что Китай попытается сделать все возможное, чтобы изменить или, по крайней мере, смягчить ситуацию. Для достижения этих целей Китай содействовал двусторонним и многосторонним контактам по вопросам безопасности с центральноазиатскими государствами. Так, например, заявленное намерение Казахстана предложить свой международный аэропорт в Алматы для использования самолетов США/НАТО “в случае чрезвычайных ситуаций”, вызвало серьезную озабоченность в Китае и стало важной темой для обсуждения на недавней двусторонней встрече.⁸ Китай

⁷ Независимая газета, 25 апреля 2002 г.

⁸ Независимая газета, 23 августа 2002 г.

также проявил особенную активность в окончательном формировании Шанхайской организации сотрудничества и в придании ей статуса потенциально функционального регионального органа безопасности. Следуя этой цели, Китай был одним из самых активных участников на саммите Шанхайской организации сотрудничества, который проходил в Санкт-Петербурге в июне 2002 года и на котором был принят Устав, таким образом, создавая настолько необходимую правовую основу для его дальнейших действий. Несмотря на активность, еще преждевременно ожидать, что эта организация будет играть какую-либо значительную роль в региональной безопасности; центральноазиатские члены этой организации, напротив, хотят, чтобы она рассматривалась в качестве противовеса политике США в области безопасности в Центральной Азии.

Что касается России, страны, которая до последнего времени играла доминирующую роль в вопросах безопасности в Центральной Азии, ее отношение к последним событиям в области безопасности в регионе остается противоречивым. С одной стороны, Москва воздерживается от какой-либо официальной критики в адрес сообщенных планов США/НАТО о продлении срока их военного присутствия в Центральной Азии. По всей видимости, такое поведение является логическим продолжением прежней политики России в оказании поддержки международной антитеррористической коалиции и ее миссии в Афганистане. С другой стороны, среди значительной части российской политической элиты, включающей высших военных чиновников и лиц, работающих в области безопасности, а также чиновников из министерства иностранных дел, большого количества депутатов российского парламента, представляющих различные политические партии, наблюдается рост озабоченности в отношении этих планов.

По мнению этой группы российских политиков, если военное присутствие США в постсоветской Центральной Азии станет долгосрочным или постоянным, то это может иметь негативные последствия для российских интересов в области глобальной и региональной безопасности. Во-первых, они полагают, что это, вполне вероятно, приведет к охлаждению и без того напряженных отношений с Китаем, который может рассматривать продолжающееся молчаливое согласие России в отношении военного размещения США в центральноазиатских государствах (среди которых формальные члены Договора о коллективной безопасности СНГ) как политику, наносящую вред если не букве, то, по крайней мере, духу китайско-российского стратегического партнерства. Во-вторых, собственное влияние России на развитие событий в области политики и безопасности в Центральной Азии может продолжать прогрессивно снижаться до его полной и бесповоротной потери, по крайней мере, в некоторых странах (одной, но не единственной из

таких стран является Узбекистан). В-третьих, Россия также неизбежно утратит свою доминирующую позицию игрока в области безопасности в обширном Каспийском регионе. И это связано, в первую очередь, с тем, что укрепление позиций США в Центральной Азии сопровождается схожими процессами на Южном Кавказе, в Азербайджане и в особенности в Грузии.

Эти доводы особенно яростно отстаивались их сторонниками, которые направили свой критицизм не только против деятельности США в Центральной Азии (и в связи с этим и на Южном Кавказе), но и, хотя это не было выражено прямо, против прозападного смещения курса политики России в области внешних сношений и безопасности, начатого президентом Владимиром Путиным вслед за событиями 11 сентября 2001 года. Так как эти взгляды имели распространение в широких секторах российского общества, президент Путин был вынужден пойти на уступки сторонникам жесткого курса. В итоге, в середине мая 2002 года Договор о коллективной безопасности СНГ был формально преобразован в структурированный на более высоком уровне военно-политический альянс, и это было сделано для того, чтобы усовершенствовать уровень военного сотрудничества среди его членов.⁹ Немногим ранее, с целью повышения роли ДКБ в сфере безопасности государств Центральной Азии было решено расширять военно-техническое сотрудничество с региональными государствами и увеличивать поставки им российского оружия по сниженным ценам.¹⁰ Кроме того, силами быстрого реагирования СНГ, которые были созданы в октябре 2000 года, были предоставлены права на использование авиабазы в Канте, Кыргызстан.¹¹ В практических целях это решение могло позволить России укомплектовать авиабазу в Канте собственными войсками, даже невзирая на то, что Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан являются участниками сил быстрого реагирования. Это также предполагало уравновесить наличие военной базы в Манасе, используемой силами США/НАТО. Комментируя эту конкретную ситуацию, Эсен Топоев, министр обороны Кыргызстана, пытался обосновать ее, говоря, что, в то время как инфраструктура в Манасе должна использоваться исключительно для поддержания военных операций в Афганистане, база в Канте будет использоваться «для специальных операций против других вражеских сил, которые могут угрожать безопасности центральноазиатских государств».¹²

⁹ Независимая газета, 16 мая 2002 г.

¹⁰ Независимая газета, 28 февраля 2002 г.

¹¹ Коммерсант, 2 июля 2002 г.

¹² Коммерсант, 2 июля 2002 г.

Еще более сильное напоминание остальному миру о российских намерениях сохранить свою роль в области безопасности региона было сделано путем проведения самых крупных в истории России морских учений в северной части Каспийского моря в начале августа 2002 года.¹³ Более десяти тысяч российских военнослужащих, шестьдесят военных кораблей и более тридцати боевых самолетов и вертолетов приняли участие в этих маневрах, демонстрируя готовность России защищать свои национальные интересы в этой части света. Несмотря на то, что совместно с российскими войсками там также участвовали войска из Казахстана и Азербайджана, это был, конечно, явный показ российской военной мощи и решимость России использовать ее в какой-либо кризисной ситуации. Эта демонстрация силы была также адресована и соседям России в данном регионе, убеждая их в способности России действовать решительно и убедительно в качестве гаранта региональной стабильности.

Новая модель безопасности Центральной Азии

Подводя итог анализу, приведенному выше, можно заключить, что возникает новая модель региональной безопасности в постсоветской Центральной Азии. Данная модель может быть охарактеризована следующим образом:

1. Ее основным элементом является западное военное присутствие в регионе, которое было установлено с началом возглавляемой США антитеррористической операции в Афганистане. Хотя первоначально ожидалось, что размещение вооруженных сил США/НАТО в регионе будет носить краткосрочный характер, оно, вероятно, станет постоянным фактором обстановки в области безопасности.
2. Новая модель безопасности отвечает стратегическим интересам не только Соединенных Штатов и их западных союзников, но также и правящим элитам большинства региональных государств, которые рассматривают военное размещение США/НАТО в Центральной Азии как эффективную гарантию их выживания в их бескомпромиссной борьбе с радикальными исламистскими и экстремистскими силами.
3. В России и Китае растет опасение по поводу развития данных событий. Пытаясь смягчить или нейтрализовать негативные последствия их позиций в региональных делах, относящихся к политике

¹³ Независимое военное обозрение, 27, 16 августа 2002 г.

и безопасности, оба государства хотят повысить роль Шанхайской организации сотрудничества. Россия намерена также активно использовать Договор о коллективной безопасности СНГ в качестве эффективного инструмента в поддержании своего традиционного – хотя в последнее время и значительно уменьшившегося – влияния в данном регионе.

Нефть Каспия и безопасность региона

Малик Шойнбаев¹

С момента обретения независимости в начале 90-х годов прикаспийские государства активизировали свою деятельность по освоению природных ресурсов Каспийского моря, что привлекло внимание ряда стран (США, Турции, Китая, стран Ближнего Востока) к данному региону. Такое внимание было связано, прежде всего, с обнадеживающими результатами на ряде месторождений и с вводом в строй нефтепровода Каспийского трубопроводного консорциума (КТК).

Подтвержденные запасы нефти и газоконденсата Каспийского моря оцениваются в 88 миллиардов тонн, природного газа – в 51 триллион кубометров. Однако эти оценки в большей степени отражают современное состояние изученности недр каспийского бассейна. Пока на перспективных шельфовых структурах пробурено всего несколько поисково-разведочных скважин.²

Однако, по прогнозам Американского агентства по энергетике, к 2015 году потребление нефти в мире возрастет на 50%. Кроме того, нефтяных запасов Северного моря при условии сохранения нынешних темпов добычи должно хватить еще на 10–14 лет, после чего вновь начнет расти зависимость Запада от нефтяных ресурсов Ближнего Востока. По прогнозируемым оценкам, спрос на нефть и природный газ в Европе к 2010 году будет неудовлетворенным на 10%, а к 2020 году – на 30%, что заставит Европу искать новые источники углеводородного сырья. Ожидается большой спрос на энергоресурсы в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии.³

В этих условиях неурегулированность статуса Каспийского моря, обострившаяся геополитическая борьба, в том числе за транспортные магистрали, проблемы охраны окружающей среды и биоресурсов, развития судоходства и другой экономической деятельности могут вызвать конфликтную напряжённость в районе Каспийского моря.

В перспективе, развитие нефтяных ресурсов Каспийского моря, наряду с аналогичным развитием других регионов, таких как Латинская Америка, сократит рост ближневосточной доли в мировом экспорте нефти. Несмотря на то, что каспийские ресурсы вряд ли кардинально изменят положение зоны Персидского залива как мирового лидера

¹ М. Шойнбаев является главным экспертом Совета безопасности Республики Казахстан.

² “Выгода – наш рулевой”, 23 февраля 2001 г., www.Rambler.ru.

³ “Выгода – наш рулевой”, 23 февраля 2001 г., www.Rambler.ru.

по экспорту нефти, они все же будут оказывать существенное влияние на мировой рынок.

Например, углеводородные ресурсы континентальной части Казахстана составляют 2,8 миллиарда тонн нефти и 1,8 триллионов кубических метров газа, включая запасы таких крупных месторождений, как “Тенгиз”, с запасами нефти свыше 1 миллиарда тонн, и “Карачаганак” с запасами газа в 1,3 трлн. кубометров и конденсата около 700 млн. тонн.⁴

Несомненно, большие ожидания прикаспийских стран связаны с освоением углеводородных структур на шельфе Каспия. Как известно, консорциумом международных компаний получены обнадеживающие результаты разведочного бурения в Восточном Кашагане. Например, прогнозируемые оценки только казахстанского сектора Каспия составляют порядка 13 млрд. тонн нефти и 2 трлн. кубометров газа.⁵ Все это свидетельствует о хороших перспективах Казахстана как лидирующего производителя и экспортера нефти в Каспийском регионе.

Ясно, что все богатства Каспия можно использовать только в том случае, если прикаспийские страны будут уважать интересы друг друга. К сожалению, на сегодняшний день назвать складывающуюся в огромном регионе обстановку абсолютно безопасной не представляется возможным, хотя бы из-за событий в Афганистане и на Кавказе. Кроме того, с лета прошлого года заметно обострились отношения между Азербайджаном и Ираном. В свою очередь, Турция – стратегический союзник США по НАТО – обещала оказать Азербайджану военную помощь, если последний подвергнется нападению со стороны Ирана. Поэтому каспийский регион в последние годы выступает потенциальной зоной нестабильности.

В настоящее время ситуация все более осложняется. События 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними антитеррористическая операция в Афганистане стали катализатором радикальных геополитических процессов и передела сфер влияния в мире. Особенно наглядно это проявляется в Центральной Азии. В силу ряда факторов регион сегодня все отчетливее превращается в один из наиболее напряженных перекрестков столкновения интересов крупных держав.

Такой вывод определяется воздействием ряда следующих факторов:

- наличием больших запасов углеводородного сырья;
- нерешенным правовым статусом Каспийского моря;

⁴ “Новая битва за Каспий”, 24 апреля 2002 г., www.Rambler.ru.

⁵ “Новая битва за Каспий”, 24 апреля 2002 г., www.Rambler.ru.

- противоречиями между отдельными государствами о принадлежности некоторых месторождений;
- спорами о приоритетных маршрутах транспортировки каспийской нефти.

Судя по всем признакам, глубинной причиной нынешних процессов в Центральной Азии является нарастание борьбы за контроль над нефтяными ресурсами Каспия.

Стратегическая конкуренция между США, Россией и Китаем за влияние в регионе на данном этапе пока приносит больше дивидендов Соединенным Штатам. Вашингтон добился установления в Афганистане проамериканского политического режима, создания долговременных баз присутствия в Центральной Азии, активизировал проработку вопросов прокладки нефтепровода из каспийского региона, в частности, по маршруту Афганистан – Пакистан – Индийский океан.

Россия, хоть и с опозданием, но активизирует свои действия в рамках Евразийского экономического союза и в сфере безопасности. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. На майской сессии Совета коллективной безопасности в Москве принято решение о преобразовании Договора о коллективной безопасности (ДКБ) в международную региональную организацию. Китай также предпринимает шаги в восстановлении почти забытого проекта строительства трубопровода Западный Казахстан – Западный Китай, который в дальнейшем можно будет протянуть в Индию через Кашмир в обход Афганистана.

Существует проблема разработки каспийских месторождений нефти и газа, связанная с территориальными вопросами всех пяти прикаспийских государств – Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана. С момента распада СССР и до сих пор остаются неурегулированными вопросы правового статуса Каспийского моря. Это тормозит принятие окончательных решений по разделу этого водного бассейна и разграничения его на национальные секторы. Соответственно, с правовой точки зрения, ставится под сомнение разработка месторождений Каспия, ведущаяся в настоящее время прикаспийскими государствами.

Точки зрения России, Казахстана и Азербайджана по проблеме деления Каспия по срединной линии практически совпадают. Позиция Туркменистана весьма близка к позициям вышеназванных государств. Но позиция Ирана остается неизменной: Каспий должен быть разделен на равные доли по 20 процентов. Кроме того, Тегеран до недавнего времени был категорически против двусторонних договоренностей. Иранская сторона ссылается на документ, принятый в 1996 году в Ашхабаде на Форуме пяти прикаспийских государств, в котором подчеркивается,

что любое решение относительно правового статуса должно приниматься на основе консенсуса.⁶

Естественно, что в такой обстановке апрельский (2002 года) Саммит прикаспийских государств в Ашхабаде, как и ожидалось, не дал никаких результатов. Поиск консенсуса по ряду обстоятельств оказался тупиковым, и теперь сторонам необходимо договариваться на двусторонней основе. Если “парам” Россия-Казахстан, Азербайджан-Россия и Казахстан-Азербайджан удалось договориться, то можно ожидать, что их успех могут повторить Туркменистан, Азербайджан и Иран.

Казахстан и Россия первыми достигли взаимопонимания и пришли к договоренностям по вопросам освоения дна Каспийского моря. Руководители данных государств подписали в мае текущего года протокол Соглашения от 6 июля 1998 года по разграничению северной части Каспийского моря в целях осуществления прав на недропользование.⁷ Три ранее спорных месторождения углеводородов, которые попадают на модифицированную срединную линию, будут осваиваться на паритетной основе. Аналогичный протокол планируется подписать между Россией и Азербайджаном.

Иран, занимая бескомпромиссную позицию и выдвигая неприемлемые условия для других каспийских государств, значительно замедляет процесс определения правового статуса Каспийского моря, болезненно относясь к проникновению в регион западных компаний. Это во многом затрудняет решение вопроса об инвестициях в разработку нефтегазовых месторождений и транспортную составляющую. Если президент Ниязов пойдет на переговоры и на заключение соглашений в двустороннем формате (а это жизненно необходимо Ашхабаду для привлечения инвестиций), то Тегеран будет поставлен перед фактом согласованных действий стран Содружества независимых государств (СНГ), которые отнюдь не отрицают необходимости выработки нового статуса Каспия только на основе пятистороннего консенсуса. В этом направлении, вероятно, и будет проходить последующий процесс определения правового статуса Каспийского моря.

Единственной возможностью эффективной транспортировки энергоресурсов на внешние рынки является строительство трубопроводов. Ситуация осложняется тем, что в регионе отсутствует естественный доступ к открытому морю, а значит, к рынкам сбыта, а также тем, что во многих государствах региона еще не стабилизировалась внутривнутриполитическая ситуация. Строительство трубопроводов через территории

⁶ “Пять стран – пять позиций”, 18 апреля 2002 г., www.Rambler.ru.

⁷ “Казахстанская правда”, 28 мая 2002 г.

соседних государств, в свою очередь, обуславливает необходимость долгосрочного сотрудничества и сохранения региональной стабильности.

В данной обстановке может обостриться проблема выбора маршрутов транспортировки нефти. Усилится давление со стороны третьих держав, заинтересованных как в скорейшей реализации каспийских нефтяных проектов, так и в удалении реальных конкурентов на мировом рынке углеводородов.

В настоящее время, например, уже заработал нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), качающий казахстанскую нефть из Тенгиза в Новороссийск. И трубы КТК, с учетом её максимальной проектной мощности в 67 миллионов тонн в год, вполне хватит в ближайшие годы для экспорта всей нефти, добываемой сегодня в Казахстане.⁸

В свою очередь, Казахстан, как и другие прикаспийские страны, заинтересован в развитии альтернативных маршрутов для экспорта своей нефти за рубеж, в том числе, чтобы избежать зависимости от российских тарифов (недавно Россия на 13 % повысила цены за транспортировку энергетических ресурсов через свою территорию). Сходные проблемы стоят перед Туркменистаном и Азербайджаном.

По оценкам экспертов Китайской национальной нефтяной компании, к 2010 году спрос на импортную нефть в стране достигнет 60–80 млн. тонн.⁹ В связи с этим строительство нефтепровода Западный Казахстан – Западный Китай становится весьма перспективным проектом.

На Евразийском саммите, проходившем недавно в Алматы, не было сомневающихся в том, что иранский маршрут транзита каспийских энергоресурсов на мировые рынки мог бы стать самым экономичным. Признавали это и американцы. Но их интересовал вопрос, каким образом оценить политические риски в ситуации, когда Иран поддерживает мировой терроризм? Хотя, как успокоил гостей из Тегерана глава МИД Казахстана К. Токаев, уже “сейчас проводится технико-экономическое обоснование проекта экспорта казахстанской нефти через Иран”.¹⁰

Некоторые прикаспийские государства, в том числе Казахстан, могут стать участниками проекта строительства, а затем эксплуатации нефтепровода Баку-Джейхан. Правда, здесь очень многое будет зависеть не столько от политической стабильности в странах прохождения данного нефтепровода и от военно-политического присутствия США в Центральной Азии и Закавказье, сколько от уровня добычи нефти в азербайджанском и казахстанском секторах Каспия, так как рентабель-

⁸ “Континент”, №9, май 2002 г., с. 32

⁹ “Континент”, №9, май 2002 г., с. 33

¹⁰ “Казахстанская правда”, 9 апреля 2002 г.

ность этого трубопровода будет определяться его постоянным наполнением. Пока же каких-либо существенных успехов здесь нет.

Государства Центральной Азии при выборе маршрутов транспортировки своей нефти, по всей видимости, в первую очередь, будут руководствоваться экономическими, а не политическими соображениями. Такая позиция диктуется современной экономической ситуацией в регионе.

От этого выбора также будет зависеть и приоритетный маршрут транспортировки нефти на мировые рынки. А будет ли это КТК, Баку-Джейхан или какой-либо другой путь – покажет будущее.

С выходом работ на Каспии в плоскость масштабных практических разработок становятся актуальными вопросы сохранения экологического баланса в регионе. Среди проблем прикаспийской территории наиболее актуальны следующие: снижение ресурсного потенциала водных и наземных экосистем, угроза исчезновения мест обитания промысловых видов животных, в том числе осетровых, сокращение видового разнообразия фауны и флоры.

Среди многочисленных причин, определивших данные проблемы, наиболее значимы следующие:

- загрязнение Каспия (в связи с подъемом уровня моря) при затоплении и подтоплении объектов нефтегазового и энергетического комплекса;
- истощение подземных вод в результате неконтролируемого извлечения и использования на питьевые и технические нужды;
- загрязнение и деградация почвенно-растительного покрова в результате хозяйственной деятельности;
- загрязнение атмосферного воздуха при сжигании попутного газа и в результате пыления токсичных промышленных отходов;
- отсутствие правового регулирования экологических проблем Каспия на региональном уровне;
- отсутствие интегрированной базы данных системы оптимального управления водными и прибрежными экосистемами;
- слабое региональное взаимодействие по сохранению экосистем Каспия.

Таким образом, позиция стран Центральной Азии была и остается неизменной – Каспий должен стать зоной сотрудничества.

С учетом обостряющейся конкуренции на мировых рынках сбыта энергоносителей наличие альтернативных маршрутов транспортировки углеводородов выступает одним из главных инструментов, способных снизить зависимость от мировой геополитической конъюнктуры и укрепить независимость стран Центральной Азии.

Казахстан последовательно придерживается своей первоначальной позиции, основанной на уважении принципов международного права и использовании мирового опыта. Мы отдаем себе отчет в том, что четкое разграничение национальных юрисдикций на Каспийском море будет способствовать укреплению региональной безопасности и развитию сотрудничества. В условиях непримиримого соперничества, бескомпромиссности и затягивания процесса определения статуса моря, элементы которых сейчас преобладают, страны и народы региона чувствуют себя, мягко говоря, не вполне комфортно. Будущее Каспия должно основываться на общих ценностях и согласованных принципах межгосударственных взаимоотношений, направленных на утверждение системы региональной безопасности и сотрудничества.

Благодаря региональному сотрудничеству каждая страна добьется реализации своих интересов. Это эффективный путь, доказанный мировым опытом. Если страны бассейна Каспийского моря создадут региональную организацию и проложат нефтепроводы вокруг Каспийского моря, то они смогут наладить своё производство нефти и выбрать наилучший маршрут для ее вывоза. И тогда большая нефть Каспийского моря пойдет на мировой рынок – таким образом, будет нетрудно добиться огромной экономической выгоды. Поэтому самый удачный выбор – это всестороннее сотрудничество.

В заключение, хотелось бы отметить, что сегодня основной задачей всех центральноазиатских стран бассейна Каспийского моря является разумное использование углеводородных богатств в целях достижения стабильности и процветания наших государств и, таким образом, увеличения благосостояния наших народов.

Политика США по отношению к Черноморско-Каспийскому региону

Томас Валасек¹

История политики США в отношении стран, расположенных на Каспийском и Черном морях, является непродолжительной. Подобно другим советским республикам, чья история независимости была прервана российским (а затем советским) доминированием, страны бывшего советского юга вновь приобрели независимость в 90-х годах 20 века. Во время советской эпохи, контроль, исходивший из Москвы, над обширной, расположенной в одиннадцати часовых поясах территорией был настолько полным, что политика Вашингтона в отношении Советского Союза едва ли делала различия в разнообразных этнических, культурных, политических и религиозных традициях Кавказа и Центральной Азии, существенно отличающихся от российских. Богатства минеральных ресурсов региона также не пользовались большим интересом со стороны США, так как регион был всецело в сфере российского контроля, имея при этом на юге границы с враждебным Ираном и нестабильным Афганистаном.

Хаотичный и внезапный распад Советского Союза привел к возникновению ряда обретших независимость государств с различными политическими традициями. Некоторые из них – такие как Армения или Грузия, имели длинную историю, восходящую к временам Христа. Возникнув на руинах старого СССР, они уже обладали всеми атрибутами, которые делают территорию страной: историей, фольклором, интеллигенцией и в некоторых случаях уже готовыми правительствами, ожидавшими в изгнании своего часа. По всей территории Каспийского моря картина была, однако, очень различной. Казахстан, Узбекистан или Кыргызстан не существовали до тех пор, пока они не были изобретены российскими или советскими проектировщиками. В отличие от Центральной Европы или западных территорий бывшей советской империи, в Центральной Азии до российского прибытия не существовало традиции независимых национальных государств, по крайней мере, вдоль современных границ. Регион по праву гордился городами-государствами, такими как Бухара или Самарканд, которые являлись центрами власти, культуры и образования во времена, предшествовав-

¹ Томас Валасек является старшим аналитиком Центра оборонной информации (ЦОИ) в Брюсселе. Г-н Валасек как аналитик ЦОИ занимается вопросами европейской безопасности: европейскими организациями по безопасности, конфликтами на Балканах и конфликтами в бывших Советских республиках.

шие появлению здесь России, но их опыт был либо уничтожен, либо предан забвению. Новые границы, начерченные российской имперской бюрократией, а затем советскими проектировщиками, были разработаны для того, чтобы в большей степени разделить, а не объединить. Целые этнические группы были переселены или разъединены границами, имевшимися либо заново созданными; все делалось в попытке создать области постоянной нестабильности и таким образом гарантировать потребность в непрерывном российском или советском военном и политическом присутствии.

Все это сделало задачу создания политического курса США в отношении бывшего советского юга кошмаром. Каждое государство или группа государств представляли собой клубок различных проблем. Переход к независимости нельзя было назвать гладким: в Азербайджане, Грузии и Таджикистане вспыхнули гражданские войны. Соединенные Штаты столкнулись не только с задачей определения своей логически последовательной роли в этом регионе, они также зачастую были вынуждены сдерживать волны насилия, которые грозили опрокинуть правительства (Грузия и Армения), разъединяли государства (Грузия и Азербайджан) или ожесточали гражданское население (Таджикистан). Нет ничего удивительного, что политика США в регионе, по крайней мере, к середине 1990-х годов, делала основной акцент на простом удержании стран от распада или истребления друг друга.

В то же время, в отношении стран бывшего советского юга – особенно в регионе Каспийского бассейна – начался своего рода ажиотаж во внешнеполитических кругах в Вашингтоне. Такое оживление подкреплялось соблазном находящейся в регионе нефти и продолжением мистики “большой игры”, гонкой девятнадцатого века между Россией и Британией за военное завоевание Центральной Азии. Большая игра сейчас не более, чем воспоминание, но нефть и газ в регионе реальны. Чтобы быть уверенным, что они попадут в нужные руки, госдепартамент США даже создал специальное управление дипломатии по энергии Каспийского бассейна для координации политики США в отношении богатых нефтью Азербайджана и Казахстана, а также соседних (потенциально транзитных) стран. Интерес США собственно к каспийским энергетическим ресурсам характеризовался всеми атрибутами старомодного нефтяного бума. После краткосрочного преобладания в рассуждениях по внешней политике в Вашингтоне в середине 1990-х годов, этот интерес был вытеснен противоракетной обороной после прибытия Джорджа Буша в Белый дом и практически исчез из общественных рассуждений (но не дипломатических) после событий 11 сентября 2001 года.

За одиннадцать лет с момента распада Советского Союза, возник целый набор доминирующих принципов, определяющих политику США

по отношению к бывшему советскому югу. Сам по себе список остается подвижным и, как показали события 11 сентября, – подвержен радикальным и внезапным изменениям. Но, как кажется, три основные цели определяют политику Вашингтона на сегодня: желание заполучить энергетические ресурсы региона, построение демократии и разрешение конфликтов, а также стремление не допустить, чтобы террористические движения утвердились в регионе как в бассейнах Черного и Каспийского морей, так и на прилегающих территориях.

Энергетические ресурсы

Нефть является одновременно и наиболее важным фактором политического курса США, и наиболее часто неправильно интерпретируемым. Во-первых, давайте избавимся от мифов. Каспий не является вторым Ближним Востоком, и нефть в этом регионе не может существенно повлиять на проблему снабжения/потребностей США на длительное время. (Запасы газа в Каспийском море намного более обещающие, но экспорт будет в основном идти в Турцию, Западную Европу и, возможно, в Азию). У стран Каспийского бассейна (за исключением Ирана) просто нет такого количества нефти, чтобы серьезно и надолго причислить их к мировым резервам, и их воздействие на мировые цены на нефть также будет ограниченным. Их потенциальный вклад в энергетические потребности США также минимален. Соединенные Штаты до сих пор производят около половины потребляемой ими нефти, а другая половина в большинстве своем импортируется из источников, находящихся на американском континенте, особенно из Венесуэлы и Канады.²

Ожидается, что разрыв между потреблением и производством нефти в США будет расти. Нефтяные запасы на территории США все более оскудевают, в то же самое время ожидается, что потребление возрастет на двадцать пять процентов в следующие двадцать лет,³ что неизбежно влечет за собой поиск дополнительных иностранных источников нефти. Однако, основной объем импорта пойдет с Ближнего Востока, обладателя львиной доли мировых разведанных запасов нефти. Каспий, с его нефтяными запасами, примерно равными запасам Северного моря, просто не в состоянии помочь справиться с ожидаемым дефицитом в нефтяных потребностях США.

² См. веб-сайт Администрации США по энергетической информации в отношении данных, касающихся производства и потребления в США нефти, <http://www.eia.doe.gov/>

³ *International Energy Outlook 2002*, Table A4: World Oil Consumption by Region, Reference Case, 1990 – 2020, U.S. Energy Information Administration. < <http://www.eia.doe.gov/>>.

Тем не менее, политика США состоит в том, чтобы разнообразить источники нефти не только для собственных нужд, но и для других импортеров нефти. Идея состоит в том, чтобы уменьшить зависимость от какого-либо отдельного региона и минимизировать потенциал каких-либо политических сдвигов в одной стране/регионе, которые могут существенным образом повлиять на поставки нефти и таким образом повлечь за собой глобальный экономический кризис. Переключение на новых экспортеров, не входящих в Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК), также способствует недопущению роста мировых цен на нефть: «Включение каспийской нефти может ослабить монополию ОПЕК, предоставляя больший рычаг в ценовой политике Саудовской Аравии и других стран ОПЕК, в конечном счете, ведя к более низким мировым ценам на нефть», - сказал один американский эксперт, выступая в Палате представителей США.⁴ Более того, американские компании входят в состав самых крупных мировых производителей нефти, и их интересы в разработке и экспорте каспийских энергоресурсов полностью совпадают с желанием США расширить мировые источники нефти.

Задача разработки азербайджанских и казахских минеральных богатств требует большего, чем просто открыть двери для американских компаний к странам-производителям. Каспий – ненадежная территория для ведения нефтяного бизнеса. Большинство его нефтяных месторождений залегают под водой, а действующий в настоящее время правовой статус Каспийского моря все еще требует определения спустя одиннадцать лет после распада СССР (некоторыми странами Каспийское море рассматривается в качестве моря, другими – как озеро). Конференция президентов пяти прибрежных государств, состоявшаяся в апреле 2002 года и предполагавшая разделение водной поверхности и дна Каспийского моря, закончилась желчными разногласиями. Все еще оспариваются права на владение целым рядом нефтяных месторождений – Азербайджан и Туркменистан обратились в суд по одному из таких месторождений, а летом 2001 года иранский военный корабль выдворил исследовательское судно компании «Бритиш Петролеум» со спорной территории близ азербайджано-иранской границы. Производители по понятным причинам не очень-то рвутся инвестировать миллионы долларов в скважины, которые могут быть экспропрированы или разрушены в результате нападения.

Выясняется, что и экспорт нефти – нелегкая задача. Самый короткий маршрут, связывающий каспийскую нефть с мировыми транспор-

⁴ Brenda Shaffer, «U.S. Policy Toward the Caspian Region: Recommendations for the Bush Administration», *CSP Policy Brief #5*, Caspian Studies Program, Cambridge University, July 2001.

тировочными маршрутами, лежит через Иран. Но эмбарго США, введенное на торговлю с Ираном и инвестиции в эту страну, исключает этот вариант на прогнозируемое будущее. Прямая линия на запад, через Армению, также не обсуждается из-за блокады со стороны Азербайджана и Турции в связи с войной 1994 года в Нагорном Карабахе. Запланировано строительство нового трубопровода, который соединит азербайджанские (а возможно, и казахские) нефтяные месторождения с Турцией через Грузию, но компании все еще должны сделать первые шаги по этому дорогому и отчасти спорному проекту. Трубопроводы через территорию России вызывают недовольство стран-производителей, но в настоящее время остаются единственной альтернативой совместно с меньшим по объему трубопроводом, идущим через территорию Грузии.

Интересы США в разработке каспийской нефти, таким образом, диктуют многосторонний подход. Вашингтон будет стремиться к большей политической стабильности в задействованных странах (посредством обучения местных политических элит, обучением и оснащением сил безопасности), к укреплению своей внешней безопасности (через военное присутствие, совместные учения, обучение), а также поощрять разрешение региональных конфликтов и оказывать помощь в их разрешении. Действительная задача облегчения доступа американских компаний к контрактам на каспийскую нефть в очень незначительной степени подтвердила опасения администрации США. Правительства в регионе склонны рассматривать коммерческие связи с американскими компаниями как стратегическую выгоду и в общем-то жаждут привлечь американские деньги и ноу-хау в максимально возможном масштабе.

Но привлекательный аспект каспийской нефти явно имеет для Соединенных Штатов свои границы. В отличие от Саудовской Аравии, например, на бывшем советском юге не содержится в достаточном объеме минеральных резервов, чтобы рассматривать их стратегическими или необходимыми для Соединенных Штатов. Другие интересы входят в противоречие со слишком активным участием. Вашингтон долгое время сопротивлялся тому, чтобы предложить существенную военную помощь или размещение войск на Кавказе и в Центральной Азии из-за боязни охлаждения отношений с Москвой (угроза терроризма, а вовсе не нефть, изменила эти взгляды после событий 11 сентября). Страны Каспия так и не были приняты в НАТО, несмотря на неоднократные просьбы Грузии и Азербайджана на вхождение в альянс. По заключению влиятельной корпорации «РАНД» (до событий 11 сентября), «ни у НАТО, ни у Запада нет жизненно важных интересов в Каспийском регионе, чтобы делать на них ставку. Участию НАТО на Каспии не

должен отдаваться высший приоритет в отношении ресурсов, планирования или внимания”.⁵

Также было бы неверным рассматривать ограниченное участие США в Каспийском бассейне исключительно лишь сквозь призму нефти и газа. Военная помощь и совместные учения служат ряду других полезных целей. Предотвращение военных конфликтов на Кавказе само является целью, независимо от наличия минеральных ресурсов в регионе. И во все возрастающей степени в политическом курсе США по отношению к бывшему советскому югу – и во внешней политике США в целом – преобладает целенаправленная решимость предотвратить в будущем террористические атаки на Соединенные Штаты.

Терроризм

События 11 сентября сконцентрировали коллективную энергию американской внешней политики и оборонных учреждений на борьбе с терроризмом. Отношение США к Каспию и Черному морю было скорректировано в русле таких же изменений, может быть, даже в большей степени, чем в отношении других регионов, из-за близости Каспия к Афганистану. Основные меры США по борьбе с терроризмом в регионе хорошо известны: американские силы проводят военные операции против режима “Талибан” и “Аль-Каеды” с недавно организованных военных баз в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане. Менее известно, что помощь Центральной Азии со стороны США в борьбе с терроризмом началась почти за два года до событий 11 сентября. Последние несколько лет Вашингтон ведет тонкую игру в оказании помощи центральноазиатским государствам в их борьбе против воинствующего исламизма, в то же время пытаясь не торпедировать американско-российские отношения, игру, которая драматически изменилась после трагедии со Всемирным торговым центром.

Большинство центральноазиатских государств годами борются с теми же силами, базирующимися в Афганистане, которые в настоящее время преследуются и американцами, – “Талибаном” и “Аль-Каедой”. Радикальное Исламистское движение Узбекистана (ИДУ) является предметом особой обеспокоенности: базирующееся в Афганистане, ИДУ совершило несколько набегов на Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан, где оно напало на местные силы безопасности и захватило в заложники иностранцев с целью получения выкупа (по сообщениям, лидер ИДУ был убит в прошлом году во время американской бомбардировки). Большинство центральноазиатских режимов рассмат-

⁵ Richard Sokolsky and Tanya Charlick-Paley, “NATO and Caspian Security: A Mission Too Far?” Project Air Force (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1999), 96 – 98.

ривают радикальный ислам как единственно серьезную угрозу их выживанию, и развернули операции по безопасности против боевиков и тех, кто их поддерживает, арестовав тысячи реальных (а иногда просто воображаемых) врагов.

Но в своей основе центральноазиатские государства являются бедными, и боеспособность их военной силы, которую они унаследовали от Советского Союза, колеблется от слабой до практически не существующей. Борьба с терроризмом требует от них поиска помощи от какой-либо страны, которая могла бы оказать им основную финансовую и военную поддержку. Чаще всего на их призыв о помощи откликнулась Россия, которая также боролась с теми же радикальными силами в Чечне. Под эгидой Содружества независимых государств – объединения в области безопасности и экономического сотрудничества бывших Советских республик, Россия и центральноазиатские государства провели большое количество контртеррористических учений. Но российская помощь доставалась дорогой ценой: оружие и деньги Москвы покупали влияние, если не полное превосходство, в регионе и цементировали российский контроль над минеральными ресурсами Каспия.

Соединенные Штаты, действовавшие осторожно, чтобы не испортить отношений с Москвой, но желавшие подтолкнуть центральноазиатские государства к полной политической и экономической независимости, спокойно и осмотрительно начали предоставлять свою помощь в конце 1990-х годов. Это помогло организовать ЦЕНТРАСБАТ, центральноазиатский батальон, где проходят службу представители Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Значительная часть американских усилий была сконцентрирована на пограничном контроле, чтобы остановить поток героина из Афганистана и предотвратить контрабанду оружия массового поражения из бывшего Советского Союза. Узбекистан – центральноазиатская доминирующая держава и страна, которая больше других желала бросить вызов московской монополии в области безопасности в регионе, была отобрана Вашингтоном для самого тесного военного сотрудничества. Начиная с 1998 года, Соединенные Штаты поддерживают тесные двусторонние отношения с ташкентским правительством, помогая Узбекистану в его попытках построить важную военную инфраструктуру, такую как новое министерство обороны.⁶

Начиная с 11 сентября, Соединенные Штаты менее обеспокоены российской чувствительностью и более сконцентрированы на искоренении исламистских террористических сетей в Центральной Азии. Только за

⁶ “Regional Security Issues in Central Asia,” отчет о встрече, Фонд Карнеги за международный мир, том 2, №. 8 (3 ноября, 2000 г.). <<http://www.ceip.org/files/events/gulomov.asp?pr=2&EventID=218>>.

несколько месяцев, силы США разгромили главные силы “Талибана” и “Аль-Каеды” и изгнали их остатки с территории всей Средней Азии и Ближнего Востока. Действуя таким образом, Вашингтон по большей части рассчитывал на сеть недавно созданных военных баз на территории бывших советских республик, о существовании которых было даже невозможно подумать до событий 11 сентября. Сама же Россия официально присоединилась к альянсу по борьбе с терроризмом, хотя ей и пришлось проглотить горькую пилюлю американского военного присутствия в Центральной Азии.

В долгосрочной перспективе, Соединенным Штатам придется искать общие подходы с Россией, если они хотят, чтобы Центральная Азия была стабильной и относительно свободной от терроризма. Если вооруженные силы США должны будут покинуть эту территорию (а Пентагон подтверждает, что у него нет планов держать их на центральноазиатских базах неопределенное время), то Россия как доминирующая держава в этом регионе возьмет на себя дополнительные военные обязанности. Но это потребует изменения не только динамики американо-российских отношений (процесс, который уже начался), но также радикального улучшения в отношениях России со своими южными соседями. Сейчас, когда борьба в Афганистане сошла на нет, перед Вашингтоном встанет сложная задача найти пути укрепления независимости центральноазиатских государств и одновременно стимулировать Россию играть более конструктивную роль в этом регионе.

Построение демократии, укрепление независимости

В прошедшем десятилетии бывший советский Юг являлся одним из самых неустойчивых регионов в мире. Из десяти стран Черноморско-Каспийского региона только Украине и Туркменистану удалось избежать конфликтов. Все остальные страны с момента объявления ими независимости пострадали либо от гражданской войны, внешних атак или вооруженных террористических вторжений. Раздоры разрушали экономику региона и подрывали центральные правительства – черноморско-каспийская территория замусорена рядом непризнанных, самопровозглашенных государств, таких как Приднестровье, Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия. Там, где центральные правительства продолжают осуществлять контроль, он часто сводится к минимуму (Грузия) или тоталитарен по своей природе (напр., Туркменистан).

Неудивительно, что одним из главных столпов политики США в этом регионе является укрепление институтов гражданского общества в государствах, приобретших независимость, и поощрение демократии. Предоставляя финансовую и техническую помощь местным правительствам, неправительственным организациям, а также юридическим си-

стемам и системам безопасности, Соединенные Штаты надеются укрепить независимость самих государств и предотвратить будущие войны. Вашингтон играет активную роль в помощи по разрешению различных еле сдерживаемых конфликтов, в особенности на Южном Кавказе, и является одним из сопредседателей Минской группы, выступающей посредником в нагорно-карабахском конфликте.

Такая политика США обусловлена рядом мотивировок. Наиболее очевидная из них, но часто пропускаемая наблюдателями, ищущими скрытые мотивы за действиями Вашингтона, состоит в простом мнении, что американское беспрецедентное политическое, военное и экономическое господство накладывает на их лидеров обязательства использовать влияние страны для укрепления мира и демократии. Американская внешняя и оборонная политика, в большей мере, чем у какой-либо еще страны, является по существу “миссионерской” по своей природе.

Но в этой игре имеются также и другие практические соображения. Одной из основных причин активизации международного терроризма является появление слабых и несостоявшихся государств. В таких местах, как Афганистан, отсутствие центральной власти позволило террористическим группам действовать безнаказанно, так как ужасно тяжелые социальные и экономические условия заставляли людей идти к террористам на службу. Будущие разрушенные государства на Каспийском море могут вскормить терроризм и религиозный радикализм, которые, в свою очередь, могут породить атаки типа 11 сентября. По словам одного из экспертов Палаты представителей США, “Кавказ, и в особенности горные районы, занимающие территорию на стыке Северного и Южного Кавказа, являются потенциальным “Афганистаном”, со всеми вытекающими для нас последствиями. Международный терроризм, направленный против Соединенных Штатов, никогда там еще не проявлялся, но уже совершено много жестоких и незаконных актов против местных органов власти и отдельных граждан, что говорит о его потенциале”.⁷ То же самое можно сказать и о Центральной Азии, особенно о Таджикистане, и в меньшей степени, об Узбекистане.

Усилия США на арене строительства демократии не всегда и не во всем последовательны и часто терпят неудачу по сравнению с другими приоритетами. Для того, чтобы выстроить системы безопасности для центральноазиатских государств вслед за событиями 11 сентября, Вашингтон непреднамеренно укрепил те самые авторитарные режимы в Центральной Азии, чья недемократическая политика критиковалась им в прошлом. В Узбекистане, например, президент Ислам Каримов

⁷ Подготовленный отчет д-ра Чарльза Х. Фэйрбакса для слушаний перед Подкомитетом по Европе Комитета по международным отношениям, Палата представителей, 10 октября 2001 г.; <http://www.house.gov/international_relations>.

использует свой привилегированный статус в коалиции по борьбе с терроризмом, возглавляемой США, чтобы обеспечить себе президентский срок до конца жизни. “Всего за три месяца (после событий 11 сентября) президент Узбекистана Каримов поднялся от положения центральноазиатского самодержца к положению стратегического партнера Соединенных Штатов”, – написал один из экспертов.⁸ Но это обязательно делает интерес Соединенных Штатов в построении демократии менее оптимистическим; необходимость борьбы с угрозами “Талибана” и “Аль-Каеды” просто продиктовала иной политический курс. Настоящее испытание для США в деле их приверженности обязательствам все еще ждет их: найдется ли у Вашингтона воля оказать давление на своих центральноазиатских союзников, чтобы демократизировать их? Продолжат ли США свое участие в делах региона, если и когда непосредственная военная угроза пойдет на убыль? Покажет время.

⁸ Fiona Hill, выступление перед Подкомитетом по Центральной Азии и Южному Кавказу Комитета внешних отношений Сената США, 13 декабря, 2001 г.

Значение каспийской нефти и газа для диверсификации импорта энергии странам Визеградской группы

*Яцек Цихотский*¹

Дискуссия о значении каспийской нефти и газа началась с момента распада СССР, когда в Каспийском регионе появились первые западные концерны (сначала в Азербайджане, а затем – в Казахстане). Основным вопросом дискуссии является диверсификация источников импорта энергии в Европу. Западноевропейские страны воспринимают увеличение своих поставок из Каспийского региона как один из путей уменьшения их зависимости от нефти, поступающей из стран, связанных с ОПЕК, особенно из стран Персидского залива. Для Центральной Европы и для стран Визеградской группы в частности² каспийские энергетические ресурсы могут стать потенциальной альтернативой нефти, импортируемой из России (или транспортируемой через ее территорию), которая в настоящее время в основном удовлетворяет спрос в этих странах. В настоящее время большинство существующих транспортных маршрутов каспийской нефти пролегает через территорию Российской Федерации. Следовательно, Россия эффективно контролирует поставки каспийской нефти в Центральную Европу и способна оказывать влияние на ее цену. Такая ситуация означает, что в будущем каспийская нефть, поставляемая странам Визеградской группы, не будет гарантировать полностью диверсифицированный набор импортных поставок, как того требует Европейский Союз. Настоящей диверсификации можно было бы достигнуть только в том случае, если бы уже существующие нефтепроводы Баку-Супса и Одесса-Броды использовались для транспортировки каспийской нефти на рынки Центральной Европы. Но здесь возникает ряд проблем.

Энергетические потребности Визеградской группы и зависимость от российского экспорта нефти

В настоящее время страны Визеградской группы ежегодно потребляют порядка 38 миллионов тонн нефти и нефтепродуктов. Около 85 процентов этого количества нефти импортируется из Российской Федера-

¹ Яцек Цихотский является исполняющим обязанности директора Центра восточных исследований, Варшава, Польша.

² Странами Визеградской группы являются Польша, Чешская Республика, Словакия и Венгрия.

ции. Словакия является страной, наиболее зависимой от российских поставок; российские поставки удовлетворяют 100 процентов потребностей Словакии в нефти, включая потребности словацкой нефтехимической промышленности (ежегодно около 5,3 млн. тонн в целом).³ Импорт российской нефти также удовлетворяет 80 процентов потребностей Польши и Венгрии (около 16,6 млн. тонн и 5,8 миллионов тонн соответственно).⁴ Чешская Республика импортирует российской нефти меньше всего: около 65 процентов (5,2 млн. тонн).⁵ Такая ситуация находится в противоречии с основными принципами ЕС по энергетической политике, которая требует, чтобы страны-члены ЕС ограничились своей зависимостью от импорта энергетического сырья от одной страны или региона до одной трети от их общих потребностей. Поэтому страны Визegradской группы, стремящиеся к вступлению в Европейский Союз, ищут возможности разнообразить свои нефтяные поставки.

Это далеко не легкий процесс. Существует ряд факторов в поддержку максимально возможного использования российской нефти восточноевропейскими странами. Одним из наиболее важных факторов является привлекательная цена: баррель российской нефти на несколько долларов дешевле, чем та же баррель нефти из других регионов.⁶ Кроме того, линии связи между Словакией, Чешской Республикой, Венгрией и Польшей, наследие времени, когда эти страны входили в общую с СССР экономическую систему, чрезвычайно важны. Все еще действующий нефтепровод “Дружба” является удобным маршрутом для импорта нефти с востока. Значительная часть нефтехимической инфраструктуры в странах Визegradской группы разрабатывалась для переработки российской нефти, которая обладает специфическим химическим составом. Российские концерны также пытаются сохранить свои доминирующие позиции среди импортеров на рынок Центральной Европы. Крупнейшие из них, “Лукойл” и “Юкос”, продолжают вкладывать инвестиции в регион, они также активно участвуют в приватизации местных нефтяных компаний. Россия делает инвестиции в нефтяной бизнес в странах Визegradской группы не только потому, что эти страны являются важными рынками (около 25 процентов всего экспорта нефти идет из России за пределы Содружества независимых государств)⁷, но также и потому, что эти страны представляют собой транзитный регион. Важный транспортный маршрут российской нефти на западноевропей-

³ *Oil Information 2001*, International Energy Agency (Paris: OECD, 2001); данные на 2000 г.

⁴ там же

⁵ там же

⁶ там же

⁷ *FSU Energy* 7:12 (29 марта 2002 г.).

ский рынок – вышеназванный нефтепровод “Дружба” – проходит через этот регион.

Несмотря на эти взаимоотношения, страны Визеграда рассматривают возможные методы диверсификации нефтяного импорта, для того чтобы стать менее зависимыми от российских сырьевых материалов. Поэтому в последние годы власти этих стран все более и более заинтересованы в энергетических ресурсах из региона Каспийского бассейна.

Нефтяные ресурсы Каспия

Согласно оценкам Американской администрации по энергетической информации (АЭИ), в настоящее время в регионе Каспийского моря насчитывается около 4,8 млрд. тонн подтвержденных запасов нефти. Также, согласно оценкам, считается, что это количество может возрасти вплоть до 37 млрд. тонн, благодаря месторождениям, которые еще не были апробированы.⁸ Крупнейшие месторождения находятся на территории Западного Казахстана и в казахской части шельфа Каспийского моря. В настоящее время производство нефти в этом регионе, в особенности в Казахстане и Азербайджане, насчитывает порядка 56 млн. тонн ежегодно.⁹ Около 70 процентов нефти, извлекаемой в регионе, идет на экспорт, главным образом, в Россию. Эксперты АЭИ оценивают, что к 2010 году производство нефти в регионе возрастет более чем в три раза, и из-за очень незначительного роста внутреннего потребления большинство сырьевых материалов будет продолжать идти на экспорт. Независимо от того, насколько точны данные оценки, мы можем предполагать, что Каспийский регион является местом, обладающим значительными нефтяными ресурсами (они особенно важны с точки зрения европейских нефтяных ресурсов). В ближайшие годы объем производства и экспорта нефти будет достаточно большим, чтобы отвечать будущим потребностям стран Визеградской группы (спросу, определяемому потребностью в диверсификации их импорта). В этом контексте основной проблемой на будущее является разработка транспортного маршрута в Центральную Европу, который смог бы осуществлять транспортировку каспийской нефти независимо от российской системы нефтепроводов.

Возможные транспортные маршруты для каспийской нефти и проблема диверсификации импорта в странах Визеградской группы

В настоящее время каспийская нефть транспортируется по трем основным маршрутам:

⁸ Госкомстат (Российский статистический ежегодник), 2001 г.

⁹ там же

- трубопровод Атырыл (Казахстан) – Самара (Россия), построенный в советское время и недавно модернизированный для того, чтобы его транспортные возможности позволяли экспортировать 15 млн. тонн ежегодно. На территории Российской Федерации этот нефтепровод соединяется с российской нефтепроводной системой, позволяя нефти идти через систему “Дружба” дальше на Запад или к нефтяным терминалам Балтийского побережья, в российский Приморск или в страны Прибалтики.
- Новый нефтепровод из Тенгиза (Казахстан) до Новороссийска – российского терминала на Черном море, который вступил в эксплуатацию осенью 2001 года, с пропускной способностью на сегодня около 30 млн. тонн ежегодно и с запланированной способностью – 60 млн. тонн. Новороссийск также является конечным пунктом для азербайджанской нефти, идущей по Бакинскому нефтепроводу. В настоящее время сырье из Новороссийска транспортируется на танкерах по Черному морю и через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы к Средиземному морю, а затем к нефтяным терминалам северо-западной Европы.
- Небольшой новый нефтепровод из Баку (Азербайджан) в Супса – грузинский нефтяной терминал на Черном море. Этот нефтепровод, вступивший в эксплуатацию в 1999 году, идет по Южному Кавказу и имеет пропускную способность около 5 млн. тонн ежегодно. Параллельно нефтепроводу проходит железнодорожная ветка, которая также используется для транспортировки нефти из Баку в Батуми (грузинский железнодорожный терминал на Черном море). Нефть с обоих терминалов транспортируется на танкерах через турецкие проливы в Западную Европу и на другие черноморские терминалы, такие как Одесса.

Первые два маршрута используются для экспорта нефти, вырабатываемой в Казахстане. Российский терминал в Новороссийске также является местом назначения для нефти из Азербайджана и нефти, поступающей из российских месторождений в Сибири. Третий маршрут – это экспортный маршрут для азербайджанской нефти, а по железной дороге перевозятся небольшие объемы сырья из Казахстана. Третий транспортный маршрут нефти является единственным, который не проходит через российскую территорию. Его основной недостаток, однако, состоит в низкой пропускной способности по сравнению с другими маршрутами.

Существуют планы строительства в ближайшие годы нового нефтепровода с пропускной способностью порядка 50 млн. тонн ежегодно, из

Баку, через Грузию, в Джейхан – турецкий терминал на Средиземном море. Оттуда каспийская нефть будет транспортироваться на танкерах к европейским терминалам и даже на американский рынок. Консорциум, возглавляемый “Бритиш Петролеум Амоко”, планирует начало работ по инвестированию на весну 2003 года. Этот проект горячо поддерживается администрацией США и поэтому, несмотря на высокие затраты и серьезные трудности, скорее всего, он будет реализован.

Обзор существующих и запланированных маршрутов транспортировки каспийской нефти на европейские рынки показывает, что только один из них гарантированно обеспечивает действительную диверсификацию импорта нефти для стран Визegradской группы и действительное уменьшение их зависимости от российского сырья. Он также может способствовать уменьшению их зависимости от нефтепроводов, проходящих через территорию Российской Федерации. По этому маршруту можно было бы транспортировать каспийскую нефть через Южный Кавказ на грузинские терминалы, а затем на танкерах к терминалам на западном побережье Черного моря. В настоящее время наиболее привлекательным терминалом является недавно построенный терминал в Одессе, откуда нефть может транспортироваться далее по новому нефтепроводу, соединяющему Одессу с южной веткой нефтепровода “Дружба” в Бродах, на Западной Украине. Из Брод каспийская нефть может идти в Словакию по системе “Дружба”, а также в Венгрию и Чешскую Республику. Также имеются планы протянуть нефтепровод в Бродах в Польшу и подсоединить его к польской системе, что позволило бы транспортировать эту нефть на север, к терминалу в Гданьске.

Строительство терминала и нефтепровода Одесса-Броды уже завершено. Его пропускная способность – 12 млн. тонн ежегодно, а целевая способность – около 40 млн. тонн. В настоящее время нефтепровод готовят для введения в эксплуатацию. Но чтобы описанный вариант был реализован и чтобы четыре страны Визegrada получали 10–15 млн. тонн ежегодно, что необходимо для желательного уровня диверсификации импорта, должны быть выполнены два условия:

- Украинская сторона должна изменить правила управления нефтепроводом Одесса-Броды, сделав его коммерчески более ориентированным; они также должны задействовать в данном инвестировании западные концерны, занятые производством каспийской нефти, и компании, которые предоставят рынки для нефти в Европе.
- Нефтепровод Баку-Супса должен не только сохранить свою сегодняшнюю пропускную способность, но и попытаться нарастить ее.

С этим, однако, могут возникнуть трудности из-за строительства в регионе большого нефтепровода Баку-Джейхан.

Разумеется, нельзя забывать и о затратах на транспортировку нефти; из-за необходимости перегрузки нефти с танкеров и наоборот затраты для таких маршрутов не будут низкими и могут оказаться менее конкурентоспособными, чем затраты на транспортировку через северный маршрут, через Россию. В случае с Чешской Республикой, Венгрией и Словакией, у которых нет выхода к морю, затраты, связанные с этим маршрутом, будут, несомненно, сопоставимы с затратами на нефтепровод Баку-Джейхан, который будет перекачивать нефть к танкерам в Средиземном море, к нефтяным терминалам в Западной Европе и опять через нефтепроводы к Центральной Европе. (Польша находится в иной ситуации, так как у нее есть терминал в Гданьске, на северном побережье).

Хотя каспийская нефть и может потенциально стать важным элементом диверсификации для энерготехнических материалов в странах Визegradской группы, ограничения, связанные с ее транспортировкой, могут закончиться пшиком. Для использования независимого маршрута транспортировки нефти в Центральную Европу потребуется поиск компромиссного решения от украинских властей, а также участие западных концернов, работающих в Каспийском регионе. Можно, однако, предсказать, что в ближайшие годы все большие и большие объемы каспийской нефти, особенно из Казахстана, пойдут для четырех стран Визegrada через территорию Российской Федерации по нефтепроводам и по железной дороге. В заключение, стоит отметить, что деятельность по поиску диверсификации импорта нефти, которая предпринимается странами Визegradской группы, в основном мотивируется их попытками вступить в ЕС. Интенсивность такой деятельности по диверсификации во многом зависит от будущей энергетической политики ЕС и от решимости Брюсселя следовать выполнению этих правил.

Проблемы радикализма исламских организаций в Кыргызстане

*Вячеслав Хамисов*¹

Исламское возрождение после обретения независимости странами Центральной Азии развивается вширь и вглубь. Пятимиллионное население Кыргызстана на 80 процентов состоит из приверженцев ислама. Количество исламских религиозных организаций в Кыргызстане за десятилетие выросло в 31 раз. Если в 1991 году было 39 мусульманских мечетей, то сейчас их стало 1225. В данной работе будет проведено исследование такого мусульманского возрождения в Кыргызстане, в особенности, что касается экстремистских организаций мусульманского толка, а также будут проанализированы некоторые последствия такого возрождения для молодой республики.

Определение исламских групп как экстремистских религиозных организаций

В городе Кара-Су создан единственный в Центральной Азии Центр изучения Корана. Здесь представлены тексты на 70 языках мира. Коран издается и распространяется на казахском, уйгурском, туркменском языках, а также на русском языке. Поле для переводческой деятельности большое. Среди мусульман республики больше половины составляют кыргызы, 15% – узбеки, остальные – уйгуры, дунгане, казахи, татары, башкиры, турки, чеченцы, даргинцы и т.д.²

Возвращение к исламу подразумевает обращение к ранним социальным моделям поведения, которые формировали образ людей вполне определенного типа. По М. Веберу, ислам – это религия воинов-завоевателей, членов рыцарского ордена борцов за веру. Карл Поппер отмечает, что, с точки зрения социологии, ислам – это иерархически организованная военная религия. Именно такие черты, как воинственность, рыцарский аскетизм, возможность образования орденовой закрытой организации, привлекают внимание современной молодежи Центральной Азии.

В 90-ые годы на фоне исламского возрождения появилось относительно новое явление – религиозный радикализм, который, вторгаясь в политическую сферу, все более приобретает черты экстремиз-

¹ Вячеслав Хамисов является ученым секретарем Международного института стратегических исследований, Бишкек Кыргызстан.

² Ж. Жоробеков, «Религиозная политика Кыргызстана в транзитный период», Бишкек, 2000 г.

ма. Радикализм произведен от политической активности внешней среды центральноазиатского региона – идеологического экспансионизма исламских стран и крупных религиозных организаций неисламского направления. Изнутри экстремизм зависит от состояния репрессивных и некорректных действий по отношению к исламским организациям отдельных национальных государств. Отсюда выросли проблемы исламской мобилизации и роста религиозного экстремизма, с которыми столкнулась Центральная Азия.

В Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии экстремистские организации квалифицируются экспертами по вполне определенным устоявшимся политическим признакам. Наиболее общая типология строится по признакам “правые” и “левые” экстремисты. Иное дело в Центральной Азии: здесь нет чистых форм такого типа, а наблюдается сложное переплетение различных видов радикализма, переплетающегося порой с террористическими группами.

Чтобы разобраться в этом сложном клубке понятий об экстремизме, нужно, на наш взгляд, сначала очертить два уровня понимания.

Чаще всего споры и дискуссии ведутся на первом уровне. Здесь определились два лагеря. Первый – это позиция приверженцев возрождения традиционного ислама. Второй – это позиция религиозных радикалов, получивших в средствах массовой информации синтетическое название “ваххабитов”. Между двумя лагерями происходят бурные дискуссии, поскольку здесь сталкиваются два подхода к проблеме возрождения ислама. Первый подход в большей степени ориентируется на традиционные ценности веры и этики. Второй подход придерживается модернизма и вторжения в сферу политики.

В таблице, приведенной ниже, обозначены группы наиболее радикальных религиозных организаций. В Южном Кыргызстане представлен почти весь спектр радикальных исламских организаций Ферганской долины Центральной Азии.

В таблице представлены организации, о которых наиболее часто упоминалось в СМИ Центральной Азии. Среди этих групп отчетливо заметны следующие тенденции:

- Список начинается с радикальной исламской организации “Таблех”, которая выступает за чистоту раннего ислама, и заканчивается “Исламским движением Узбекистана” (ИДУ), которое Департамент США признал международной террористической организацией. Боевые действия ИДУ на территории Баткенской области и в самом Узбекистане достаточно хорошо известны.

Таблица 1: Радикальные исламские религиозные организации Ферганской долины

Название организации	Год образования	Зона влияния	Поддержка из-за рубежа	Субъект, определяющий экстремизм деятельности
Таблих	1920-е гг., Индия	Ферганская долина	Пакистан, Индия	Силовые структуры
Адолат уюшмаси (Общество справедливости)	1991г., Наманган	Ферганская долина	-	Силовые структуры
Ислом лашкарлари (Воины ислама)	1991 г.	Ферганская долина	-	Силовые структуры
Товба (Покаяние)	1991 г., Наманган	Ферганская долина	Распространилась из Азербайджана	Силовые структуры
Нур (Свет)	1992 г., Ташкент	Города Термез и Денау, Узбекистан	Турция	Силовые структуры
Исламское движение Узбекистана	1990-ые г. Узбекистан	Ферганская долина. С 1997 г. деятельность на юге Кыргызстана.	Афганистан (движение Талибан), “Аль-Каида”	Духовные управления Узбекистана и Кыргызстана; Силовые структуры; Госдепартамент США

Источники: Министерство внутренних дел Республики Узбекистан, В. Пономарев.

– Религиозные исламские организации “Нур”, “Товба”, “Ислом лаш-

карлари”³ были репрессированы через несколько лет после образования. Частично они влились в ИДУ, частично - продолжали действовать на нелегальной основе.

Для стран Центральной Азии действия нелегальных религиозных экстремистских организаций остаются серьезной проблемой.

Но существует и второй уровень явления. Он связан с растущим транснациональным пространством, в котором пытается закрепиться радикальный ислам. Это виртуальное пространство современных коммуникаций, связи, СМИ и, главным образом, интернета.

Такое пространство характеризуется глобальными характеристиками, мировыми связями и социокультурным содержанием, привносимым 21-м веком. Пространство характеризуется автономией, в соответствии с контекстом и категориями глобализации и антиглобализации.⁴

В свете событий 11 сентября именно транснациональный уровень изучен недостаточно полно. Он зачастую подается экспертами односторонне, без анализа процессов антиглобализации, куда активно встраиваются экстремистские организации.

Не замечать этого – значит способствовать эволюции политизации процессов по схеме “исламский фактор – исламский фундаментализм – исламский радикализм – исламский экстремизм”.

В ряду таких транснациональных явлений – активизация партии “Хизб ат-Тахрир” в Центральной Азии. Рост ее влияния в Центральной Азии после 1998 года не сравним с вялотекущим воздействием ее филиалов на арабском Востоке и тем более в Западной Европе, отчасти в России. Партия в своей идеологической работе использует просчеты реформ стран Центральной Азии по становлению рыночной экономики и демократических основ государства.

Партия “Хизб ат-Тахрир” как международная организация начинает свою историю с 1952 года. Она имела связи с экстремистской религиозной организацией “Братья-мусульмане”. Начиная с 1996 – 1998 годов, в листовках партии все сильнее стала звучать центральноазиатская проблематика. В ответ в Узбекистане начались массовые репрессии. Именно в тот период от партии отделились названные в таблице группы “Акромийлар” и “Хизб ан-Нусра”. Эти группы выступали за более скрытые и более радикальные методы работы.

³ О. Молдалиев, “Религиозный экстремизм и международный терроризм как факторы дестабилизации Центральной Азии”, Рабочая группа по Центральной Азии, Алматы, 2001 г.

⁴ В. Хамисов, “О проблемах религиозного экстремизма в Кыргызской части Ферганской долины”, в *Проблемы религиозного экстремизма в Центральной Азии*, Алматы, 2001 г.

Таблица 2: Радикальная исламская нелегальная партия “Хизб ат-Тахрир”

Название организации	Год образования	Зона влияния	Поддержка из-за рубежа	Субъект, определяющий экстремизм действий
Хизб ат-Тахрир аль-Ислами (Партия возрождения ислама;) – нелегальная религиозная партия	1991 г. Узбекистан	Ферганская долина. Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан. Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР.	Иордания, Палестина, Египет, Тунис, Кувейт, Турция, Западная Европа	Духовные управления мусульман Узбекистана и Кыргызстана; Силловые структуры; Президент Республики Узбекистан
От партии откололась группа “Акромийлар”	1996 – 1997 гг.	Ферганская долина	-	Силловые структуры
Откололась группа “Хизб ан-нусра” (Партия победы)	1999 г.	Ферганская долина	-	Силловые структуры

Источники: Министерство внутренних дел Республики Узбекистан, В. Пономарев, Б. Бабаджанов.⁵

Распространению радикализма препятствуют традиции народного ислама в Центральной Азии. Влияние партии “Хизб ат Тахрир” меньше в местах развитого исламского богословия. В Кыргызской республике действуют 38 медресе, 8 исламских институтов. Кроме того, за рубежом во Всемирном университете “Аль-Азкар”, в Турции, в Пакистане, в Сирии и Кувейте обучается до 277 человек.⁶ В Оше действует Ассоциация

⁶ *Справочник по религиозным фондам, учебным заведениям, прошедшим учетную регистрацию, Бишкек, 2001 г.*

религиозных учебных заведений. Есть две газеты: республиканская – “Ислам маданияты” (Бишкек) и областная – “Мусульманин” (Джалал-Абад).

Позиции исламского экстремизма укрепляются действиями со стороны других неисламских международных религиозных организаций. Мартовское заявление 2002 года Духовного управления мусульман Кыргызстана по поводу деятельности христианских сект выявило межконфессиональные трения по переделу сфер влияния в республике. 15 тысяч кыргызов-мусульман перешли в христианство. Это событие приобрело общественное значение, поскольку показало процессы раскола внутри сельских общин по религиозному признаку. Так, в Сузаке Джалал-Абадской области 500 односельчан выступили против 8 семей, принявших веру евангелистов.⁷

С одной стороны, наблюдается усиление влияния зарубежных и местных миссионеров. За последние 10 лет их было более 600, подавляющая часть из них - посланцы из Республики Кореи. Они не принадлежат к определенным конфессиям и только по традиции относятся к христианству. Это “Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства” Сан Мен Муна, Церковь Иисуса Христа, церкви “Вера”, “Эммануил”, “Богым – Благая Весть”. С другой стороны, деятельность многих миссий из-за рубежа, созданных для благотворительных целей, оказывается далеко не бескорыстной. Созданы мононациональные кыргызские общины евангельских христиан-баптистов, организации “Бахаи Кыргызстана”.

Возможен ли диалог общества с религиозными организациями?

Наступление на религиозный радикализм со стороны государства вызвано требованиями силовых структур по ужесточению статей Уголовного Кодекса и внесением в действующий Закон дополнений репрессивного характера. И это было оправдано в Кыргызстане Баткенскими войнами в 1999 и 2000 годах.

После пресечения агрессии и разгрома талибов в 2001 году анти-террористической коалицией мотивации укрепления национальной безопасности, к сожалению, сохранились. Но ее убедительность для населения существенно ослабла.

Тенденция к ограничению религиозной свободы проявляется, например, в деятельности госкомиссии Кыргызстана по делам религий. Комиссия настаивает на ужесточении режима регистрации религиозных

⁷ С. Гафурова, “Демографическая ситуация на юге Кыргызстана”, Круглый стол, Ош, 2001 г.

организаций. Отдельные работники комиссии называют незарегистрированные организации нелегальными, что не совсем верно. Многие экстремистские организации из-за несовершенного законодательства находятся в “серой зоне”, которая не подпадает ни под одну статью действующего законодательства.

В правовых документах допускаются пробелы, вызывающие конфликтные ситуации и напряженность между государством и религиозными организациями.

В проекте “Концепции государственной политики Кыргызской Республики в отношении религий и религиозных организаций” отсутствуют модели механизмов действия такой политики. Нет ориентации на диалоговые формы взаимодействия и сотрудничества. Авторы проекта искренне полагают, что государство может обеспечить “защиту религиозных меньшинств и неверующих от потенциальной дискриминации мажоритарными (имеющими в своем составе большую часть населения) религиями”.⁸ Более того, в проекте Концепции зона действий службы национальной безопасности вообще оказалась пропущенной. Но именно это ведомство добивалось ужесточения статей преследований.

Проект Концепции возложил на госкомиссию по делам религий ни много ни мало, как “разработку и осуществление государственной политики в отношении религий и религиозных организаций”. Естественной реакцией Правительства республики на многочисленные недоработки было освобождение председателя комиссии от должности и отправление Концепции на доработку.

Проект нового закона Кыргызской Республики “О свободе вероисповедания и религиозных организациях” ввел статьи об альтернативной службе, об обучении граждан религии. В этом документе особо подчеркивалась роль СМИ и религиозных организаций, а также были введены и другие важные статьи.

Однако, наиболее конфликтная часть – экономическая сфера отношений государства и религиозных организаций, в частности, отношений, касающихся земли и специфических форм налогообложения, так и осталась нераскрытой.⁹ А между тем мусульманская правовая культура традиционно сильна в вопросах наследования, семейного права, в некоторых видах коммерческих и банковских сделок и особенно в благотворительной деятельности.

Эти примеры приведены для того, чтобы показать, что многие значимые документы, особенно в сфере религии, должны представлять

⁸ См. “Концепция государственной политики в отношении религии и религиозных организаций”, проект, 2001 г.

⁹ Проект Закона Кыргызской Республики “О свободе вероисповедания и о религиозных организациях”, 2002 г.

собой договор нескольких сторон, принятый консенсусом и на основе диалога. Такие попытки существуют, но они не вошли в повседневную практику. И поэтому несогласованные действия ведут к конфликтным ситуациям непонимания между религиозными организациями и государственными органами.

Только один пример: исламские учебные заведения не получили лицензии Министерства образования Кыргызстана. Министерские чиновники не осмеливаются взять на себя ответственность за учебные программы и не дают это сделать самим религиозным организациям. При чем формальным основанием является явно устаревший приказ министра образования от 1995 года.¹⁰

Такой путь преодоления препон тяжел и извилист. Для развития диалоговых форм в Кыргызстане создана неправительственная организация “Общество по защите прав религиозных организаций”. Ее президентом является депутат “Жогорху Кенеш” (Парламент Кыргызской Республики) г-н Алишер Сабиров, а вице-президентами – Кимсанбай-ажы, представляющий Духовное управление мусульман Кыргызстана, и Александр Алянчиков – журналист. Данная организация действует на основе принципов толерантности.¹¹

К сожалению, духовное управление мусульман порой не поспевает за происходящими событиями. Слабо используются возможности Исламского центра в г. Ош. Недостаточно развита благотворительность со стороны исламских организаций для заключенных, беспризорных детей и других нуждающихся групп населения страны.

Общественность республики не раз ставила вопрос о диалоге с “Хизбат-Тахрир”. Недавно даже председатель госкомиссии по делам религии г-н Мамаюсупов высказался по этому поводу на страницах республиканской печати, но затем дезавуировал свое выступление, сославшись на то, что, якобы, его неправильно поняли журналисты.

Главным препятствием для такого диалога служит конституционный запрет на деятельность политических религиозных партий. На сегодняшний день диалог с религиозной партией не представляется возможным, но он вполне возможен с другими непартийными религиозными организациями Кыргызстана.

Оценка развития исламских организаций

Социальная стабильность в кыргызской части Ферганской долины в настоящее время находится под вопросом. Терпимость населения к со-

¹⁰ И. Иванова, “Свободомыслие в Кыргызстане: пути религиозного диалога”, в *Центральная Азия и культура мира*, № 1-2, 2000 г.

¹¹ А. Сабиров, “О работе Общества по защите прав религиозных организаций”, *Круглый стол Института региональных исследований*, 2002 г.

циальным невзгодам в прошлые годы подпитывалась боязнью нестабильности, которую породили война в Таджикистане и угрозы агрессии со стороны Афганистана. Сейчас крупные внешние угрозы сняты действиями стран антитеррористической коалиции.

В будущем все более вероятен рост исламского радикализма на фоне обнищавшего населения. События в Ак-Сыйском районе юга Кыргызстана показали отсутствие созидательного мышления и выявили стереотипы действия властей. В связи с этим своевременными представляются действия по предотвращению социальных взрывов. Такие превентивные меры более адекватны по сравнению с ожиданием того, когда радикализм выльется в экстремистские формы.

С ростом оппозиции, в том числе религиозной, власть продолжает бороться неэффективными авторитарными методами. А экстремистские организации используют современные сетевые технологии организации и управления. Высокая степень обратной связи и персональное разделение рисков внутри организаций в значительной степени повышают их эволюционные возможности и адаптивность к принимаемым против них репрессивным мерам.

В интернете существуют сайты экстремистских организаций. Скажем, у талибов был <http://taliban.com>; у партии “Хизб ат-Тахрир” есть сайты на кыргызском, узбекском и русском языках – <http://www.hizbut-tahrir.org>; у Международного исламского фронта борьбы против иудеев и крестоносцев Усамы бен Ладена – <http://www.obm.clara.net/iif-main.htm>.¹² С этими материалами серверов из Великобритании знакомится молодежь, делая соответствующие выводы для собственного самоопределения.

С завершением антитеррористической акции в Афганистане, к сожалению, не сократились ни экстремизм, ни приток наркотиков и оружия. Есть много и других вопросов транснационального характера, которые нужно решать совместно. Потому так необходима стратегия преодоления нестабильности и религиозного экстремизма в Центральной Азии.

¹² А. Игнатенко, “Зеленый Интернетционал”, в НГ- Религии, 7 апреля 1999 г.

Региональные аспекты энергетической безопасности Кыргызстана

*Людмила Баум*¹

Безусловным приоритетом экономической политики любого государства является энергетическая независимость, которая представляет собой одну из важнейших составляющих системы национальной безопасности страны. Сектор энергетики в Кыргызстане не может рассчитывать на то, чтобы в краткосрочной перспективе стать крупным источником экономического роста для страны, но сам по себе сектор обладает достаточным потенциалом для того, чтобы внести свой вклад в общий экономический рост и фискальную устойчивость в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Он также может реально содействовать интегрированию страны в мировое сообщество и защите ее национальных интересов.

На современном этапе полная энергетическая самостоятельность Республики Кыргызстан не представляется возможной. Под влиянием произошедшего разрыва экономических связей, экономического кризиса, поразившего производственный комплекс, проведения рыночных реформ структура производства энергоносителей в стране заметно ухудшилась, выросла энергоемкость продукции, что отрицательно повлияло на формирование энергетического рынка. Сегодня мы не можем полностью удовлетворить свои энергетические потребности за счет собственных энергоресурсов. В результате Кыргызстан оказался в зависимости от поставок нефтепродуктов из России, газа – из Узбекистана и угля и мазута - из Казахстана – а это более 50% потребляемого в Кыргызстане топлива. На все это требуются огромные валютные средства, а в ситуации негативного энергетического торгового баланса страны сектор энергетики вносит свой значительно усугубляет рост внешнего долга.

Кыргызстану приходится мириться с риском поставок энергоносителей. Поэтому фактор безопасности стал одним из основных факторов, определяющих внешнюю энергетическую политику. Главная задача заключается в том, чтобы принимать соответствующие корректирующие меры быстрее, чем увеличивается степень риска.

Любая экономическая деятельность невозможна без устойчивого снабжения электричеством и водой. На сегодняшний день топливно-энергетический комплекс и водные ресурсы составляют не только серд-

¹ Людмила Баум является главным экспертом Международного института стратегических исследований, Бишкек, Кыргызстан.

цевину центральноазиатской интеграции, но также являются и основным фактором обеспечения энергетической безопасности Кыргызстана.

Основной задачей взаимодействия энергосистем Центральной Азии должно быть обеспечение сбалансированного и рационального использования имеющихся в регионе топливно-энергетических и водных ресурсов, а также обеспечение надежного энергоснабжения потребителей.

Характерной чертой центральноазиатской действительности являются конфликтные в своей основе проблемы, имеющие общерегиональное измерение, – нехватка воды и обрабатываемой земли, вопросы границ и т.д. Среди данных проблем проблема снабжения региона водой стоит на первом месте. На территории Кыргызстана формируется одна из величайших водных артерий Центральной Азии – река Сырдарья, которая обеспечивает водой Узбекистан, Казахстан и Таджикистан. Основные водохранилища находятся на территории Кыргызстана, и, если Кыргызстан по каким-то причинам решит наказать своих соседей и закроет для них водные ресурсы, возмущение соседей по этому поводу будет настолько эмоциональным, что затмит собой любое выступление пресловутых ваххабитов.

В целом, на сегодняшний день, обстановка остается достаточно сложной. Чтобы ситуация не вышла из-под контроля, государствам Центральной Азии необходима активизация действий по выработке единых подходов и принципов вододеления, отражающих как национальные интересы, так и интересы всего региона в целом, что позволило бы избежать социальной и политической дестабилизации в регионе.

Вопрос состоит в том, что гидроресурсы Кыргызской Республики используются для выработки электричества и в целях ирригации. Кыргызстан заинтересован в энергетическом использовании водных ресурсов, тогда как ирригация имеет особое значение для соседних стран – Казахстана и Узбекистана. И это понятно, поскольку и Казахстан, и Узбекистан при поливе своих полей зависят от гидроузлов и водохранилищ, находящихся на территории Кыргызстана. Важным фактором является и то, что приграничные районы соседних государств пользуются электрической энергией Кыргызстана. Таким образом, водные ресурсы являются мощными рычагами в установлении политико-экономических взаимоотношений с соседними государствами.

Необходимо пересмотреть межправительственное соглашение по использованию водно-энергетических ресурсов реки Нарын Сырдарьинского бассейна.

Точка, где переплелись интересы теперь уже суверенных государств, – это, прежде всего, Фергана, самая густонаселенная часть региона и к тому же наиболее бедная. В условиях дефицита плодородных поливных земель, нерешенности перераспределения водно-энергетических ресур-

сов, резкого демографического взрыва (приведшего к тому, что плотность населения в той же Ферганской долине значительно возросла), любые этнические столкновения на бытовом уровне оборачивались и могут обернуться в дальнейшем межэтническим противостоянием.

Весна 1989 года	Погромы турок-месхетинцев
Лето 1990 года	Кыргызско-узбекские столкновения
Май 1996 года	Военный конфликт на кыргызско-таджикской границе. Конфликт разыгрался из-за попыток контроля над стратегическим ресурсом Средней Азии — водой: Кыргызстан и Таджикистан не смогли поделить ирригационные сооружения, проходящие по территории обеих республик.
1996 – 1997 годы	Новый всплеск “водных” конфликтов. Проблема достигла своего апогея тогда, когда Узбекистан стал требовать от Кыргызстана оплаты за узбекский газ в свободно конвертируемой валюте и по мировым ценам. После этого официальный Бишкек напомнил Ташкенту, что у него тоже есть свой козырь – Токтогульское водохранилище, без воды которого невозможен полив во всей Ферганской долине Узбекистана и остальных регионах бассейна реки Сырдарья. Кроме того, Кыргызстан напомнил соседу, что зимой будет вынужден выбрасывать воду из Токтогула для получения электроэнергии, если Узбекистан откажется давать газ.
С 1995 года	Для преодоления возникших противоречий стали заключаться межгосударственные соглашения по использованию водно-энергетических ресурсов. Однако итоговая ситуация после десяти лет совместных, но несогласованных действий наглядно показывает, что прийти к общему знаменателю так и не удалось.

Лишь поддержание статус-кво предопределяет сохранение относительного спокойствия в Ферганской долине на ближайшее будущее. Лю-

бые попытки каким-либо образом изменить его чреваты серьезными потрясениями.

На данный момент ведутся работы по разработке проекта “Интегрированное управление водными ресурсами в Ферганской долине”. Проект направлен на эффективное решение целого ряда водных проблем в Ферганской долине. Его специфика заключается в том, что водные источники в нем рассматриваются как объединяющий фактор для целого ряда областей в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане, расположенных в этом регионе. Цель – повысить эффективность использования воды, внедрение новых форм управления водными ресурсами.

Первое соглашение о совместном распределении водных ресурсов и энергетических мощностей заключили Узбекистан и Кыргызстан, которые несколько раз подписывали различные документы о согласованном водопользовании, в частности, февральское Соглашение 1992 года, Нукусскую декларацию и др. Соглашение о совместной эксплуатации некоторых гидрообъектов в Кыргызстане подписал и Казахстан. Сейчас подготовлен вариант трехстороннего соглашения. Можно надеяться, что будет положен конец спорам по использованию поливной воды из водохранилищ Кыргызстана. Соседи возместят ему часть расходов на содержание гидротехнических сооружений. Именно в них сосредоточена большая часть всех водных ресурсов Центральной Азии. Из всего объема Кыргызстан использует для орошения только 7 %. Остальное идет соседям, которые расширили посевные площади на полмиллиона гектаров. Однако все расходы на содержание каналов, плотин ложились на Кыргызстан. Это в несколько раз больше, чем стоимость поставляемого из Узбекистана природного газа, топочного мазута и угля из Казахстана. Теперь стороны договорились возместить затраты и заручились гарантией получения воды для орошения своих угодий.

Предпринятые ранее усилия привели к принятию ряда конкретных соглашений и выработке определенных подходов к их развитию. Однако заключение договоров только на текущий год и отсутствие долгосрочных контрактов по взаимным поставкам энергоресурсов приводит к нестабильности энергетической ситуации в Кыргызстане. Поэтому важным вопросом энергетической безопасности становится заключение долгосрочных контрактов на равной, взаимовыгодной основе, которые учитывали бы интересы Кыргызстана и его граждан.

Проблемы долгов Кыргызстана также связаны с проблемой эффективного использования водных и гидроэнергетических ресурсов, а та – с проблемой газовой уязвимости. Гидроэнергоузлы до последнего времени работали больше на соседей, чем на республику. Кыргызстан поддерживает определенный резерв на доступ к воде, что является одним из основных источников напряженности в отношениях между ним и сосе-

дями. Сложные соглашения о взаимном пользовании водными ресурсами стали предметом напряженных дебатов. Точка зрения Кыргызстана заключается в том, что он должен получать компенсацию за поставки воды, а Казахстан и Узбекистан считают, что доступ к воде принадлежит им по праву. У Кыргызстана существуют разумные основания ожидать платы за содержание резервов воды (по некоторым оценкам, например, Узбекистану пришлось бы инвестировать 3 млрд. долларов для того, чтобы построить плотины и водохранилища и отказаться от хранения воды на территории Кыргызской Республики).

На данном этапе принятое решение представляет собой вынужденный компромисс, при котором ежегодно проводятся двусторонние переговоры для заключения договоров по продаже электричества вместе с поставками воды. Оплата производится в форме взаимозачета за поставки газа из Узбекистана и угля из Казахстана. Проблема заключается в том, что цена на все энергоносители в рамках данного процесса подлежит инфляции, что приносит с собой определенные проблемы:

1. Ни одна из стран не удовлетворена найденным компромиссом: соседи считают себя вынужденными приобретать электроэнергию, без которой вполне могут обойтись, причем цены считают завышенными, в то время, как Кыргызстан считает, что ему приходится переплачивать за газ и уголь.
2. Несмотря на то, что Кыргызстан поставляет электричество в Узбекистан и Казахстан, последние не зависят от этих поставок и, таким образом, в отношениях стран существует дисбаланс взаимозависимости по отношению к поставкам энергии и энергоносителей.
3. Отсутствие прозрачности, связанное с бартерными операциями, стимулирует рост коррупции.

Кыргызстан несет определенные потери, экспортируя свою электроэнергию. По сути, он кредитует Узбекистан и Казахстан, не получая непосредственной оплаты “живыми” деньгами. Оплата за электроэнергию производится в течение года бартером: газом, мазутом и углем. Например, Узбекистан настаивает на оплате газа ежемесячно валютой или материальными ценностями. А Кыргызстан предоставляет электроэнергию почти на год вперед без оплаты. Так, в 2000 году Кыргызстан поставил Узбекистану электроэнергии на 60 млн. долларов. В случае оплаты валютой экономика получила бы приличное финансовое подкрепление. Имея наличные деньги, энергетики могли бы значительно увеличить закупку местного угля или приобретать у коммерческих

структур Узбекистана и Казахстана газ, уголь, мазут по более выгодной цене. Таким образом можно было бы улучшить экономическое положение как энергетиков, так и государства, а также увеличить импортозамещение угля, мазута.

Последние 6–7 лет энергосистема ежегодно за счет дохода (в основном в виде компенсирующего топлива) от экспорта покрывает около 70% фактических эксплуатационных затрат на производство теплоэнергии, а также малый объем капитальных вложений и выплаты долга всей энергосистемы.

Наблюдаемая ситуация по экспорту электроэнергии показывает, что доход от экспорта непостоянен и потому не будет гарантированным. Анализ показывает, что независимо от объема поставки на экспорт общие расходы на содержание энергосистемы не изменяются. Снижение экспорта снижает доходы, необходимые для покрытия затрат.

Кыргызстану необходим ввод крупных энергетических мощностей для выполнения своих обязательств перед Казахстаном и Узбекистаном в части экспорта водно-энергетических ресурсов. Возможно, было бы целесообразно, если бы доходы от экспорта электроэнергии направлялись на строительство новых мощностей (новых электростанций, линий электропередач). Энергоресурсная база Кыргызстана обладает потенциалом для более значительного местного производства, что может помочь в создании рабочих мест, а также в решении проблемы негативного торгового баланса за счет улучшения регионального сотрудничества.

Энергосистема Кыргызстана характеризуется рядом особенностей. Одна из них, наиболее важная, состоит в том, что выработка электроэнергии, производимой на гидростанциях, является едва ли не самой дешевой в мире. Гидростанции позволили за последние годы стабильно поддерживать выработку электроэнергии. Кроме того, за эти годы понизился удельный вес тепловых станций в выработке электричества, что повысило экономичность энергосистемы. Мы меньше стали ввозить угля, газа, мазута для сжигания на ТЭЦ. Среди стран СНГ Кыргызстан – единственный, не снизивший выработку, в то время как в других странах этот показатель уменьшился почти вдвое.

В то же время произошли перемены в структуре производства электроэнергии. За последние 10 лет заметно увеличилась выработка электроэнергии на ГЭС, но заметно уменьшилась – на тепловых станциях. Причина состоит в том, что структура потребления топлива, где основную часть составляет импортируемое топливо по ценам, близким к мировым, является высокзатратной и экономически неоправданной для республики. Участились срывы договоров по поставкам по межгосударственным соглашениям, что вызывает значительный рост себе-

стоимости выработки электроэнергии по сравнению с ГЭС в 15–16 раз выше. Повышение стоимости тепловой энергии, предназначенной для отопления и горячего водоснабжения, привело к тому, что около 80% потребителей становятся неплатежеспособными.

Республика вполне могла бы обеспечить себя собственной электроэнергией. Она располагает потенциальным запасом гидроэнергетических ресурсов примерно в 162,5 млрд. квт/ч выработки электроэнергии, которые используются максимум на 10%.

Для дальнейшего развития энергопотребления в республике в связи с подготовкой к переходу на электроотопление и электрические плиты, потребуется ввод дополнительных энергетических мощностей, без которых будет увеличиваться их дефицит с возможностью ограничений в потреблении электричества.

Прогноз более интенсивного использования электроэнергии выявил проблемы, связанные с мощностями систем передачи и распределения. Рассчитывается, что удельный вес электроэнергетики в период с 2000 до 2010 гг. будет составлять от 15 до 17%.

Но пока мощности существующих электростанций не в состоянии обеспечить возрастающие потребности, т.к. использованы их резервные возможности. Сектор энергетики испытывает снижение качества услуг для потребителей в связи с изношенным состоянием сетей по передаче и распределению электроэнергии. Чтобы изменить эту ситуацию, необходимы значительные инвестиции. Согласно докладу Всемирного банка “Описание политики в секторе энергетики” от 2000 г. и по оценкам правительства, понадобится, например, около 250 млн. долларов США инвестиций только для реабилитации и обновления сети по распределению электричества.

Итак, энергетическая безопасность Кыргызстана – это такое состояние общества и экономики, которое позволяет на основе эффективно-го использования топливно-энергетического потенциала поддерживать следующие характеристики:

1. необходимый для социально-экономического развития страны уровень энергопотребления;
2. оптимальный (с точки зрения коммерческих критериев) уровень экспорта на мировые энергетические рынки;
3. (достаточный для интересов Кыргызстана) уровень взаимодействия с топливно-энергетическим комплексом стран Центральной Азии.

Для создания эффективно действующего рынка энергоносителей в Центральной Азии целесообразно формирование экономической, пра-

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

вовой и организационной основы, обеспечивающей взаимовыгодное сотрудничество. Развитие международного сотрудничества в энергетической системе – это один из самых важных вопросов, который стоит перед Кыргызстаном сегодня.

Балансирование американского участия в Узбекистане

Питер К. Фостер¹

В период борьбы между иранским премьер-министром Моссадыком и шахом в апреле 1953 года, Джон Фостер Даллс отмечал, что в обычных обстоятельствах Соединенные Штаты не поддерживали бы диктаторов (напр., шаха), “но во времена, как сейчас ... мы знаем, что мы не сможем осуществить переход без потери контроля над ситуацией в целом”.² В комментарии Даллса кратко излагалась фундаментальная истина внешней политики, а именно, что безопасность остается “непреложной” национальной задачей и что стабильность служит делу безопасности. В то же время, подчинение внешней политики исключительно задачам безопасности часто приводило к неожиданным и отталкивающим результатам. С момента своего возникновения в качестве мировой державы в конце первого десятилетия 19-ого века, США в своей внешней политике руководствовались шестью принципами: это мир, процветание, стабильность, безопасность, оборона и демократия. Со временем между этими целями возник синергизм, но односторонняя стратегия может необычным образом повлиять на их выполнение. Например, несмотря на то, что Соединенные Штаты являются страстным поборником принципов правопорядка и демократии, стремление к безопасности, определенное антикоммунизмом во время “холодной войны”, привело к поддержке режимов, которые мало склонны к демократии, например, того же шаха. Во-вторых, американская внешняя политика чувствительно реагирует на возникающие проблемы, что означает, что политический курс может быстро смещаться как реакция на кризисы и другие факторы в международной системе. Такой подход ограничивает период времени, при котором Соединенные Штаты уделяют внимание тому или иному вопросу, особенно при появлении новых кризисов. Так как американцы склонны переключать свое внимание, то возрастает тенденция не обращать внимания на тех, кто еще недавно рассматривался основным союзником и чьи ожидания были связаны с контактами с Соединенными Штатами. Такое смещение от внимания к пренебрежению стимулирует возрастание авторитаризма со стороны лидеров,

¹ Питер К. Фостер является заместителем директора по академическим программам, виртуальной программе “Уорлд Кампус”/дистанционному обучению Университета Пенсильвании.

² Barry Rubin, *Paved with Good Intentions: The American Experience and Iran* (New York: Oxford University Press, 1980), 62.

стремящихся остаться у власти, а также антиамериканские ответные настроения, которые могут сильно ограничить американское влияние. Ситуация с Ираном пошла именно по такому сценарию; то же самое возможно и в Узбекистане, если Соединенные Штаты не будут более осмотрительны.

До событий 11 сентября 2001 года американская политика в Центральной Азии стремилась нажить капитал на экономическом потенциале энергетических ресурсов региона, задержать повторное появление российского влияния и обеспечить, чтобы регион не попал под доминирование Китая или Ирана. Возрастающее значение региона, очевидно, нашло отражение в решении президента Клинтона учредить специальный пост на уровне посла по Каспийскому бассейну, впоследствии аннулированный администрацией Буша, а также в декларации Конгресса 1997 года, обозначившей Каспийский регион зоной жизненно важных интересов Соединенных Штатов. В 1999 году Стратегический закон о Шелковом пути и смещение региональной военной ответственности США с Тихоокеанского на Центральное командование перевело этот регион с периферии в центр американской повестки дня в области безопасности. Хотя сдвиг в военном командовании означал, что на единое командование была возложена ответственность за богатые энергией Персидский залив и Каспийский бассейн, для большинства американского населения регион оставался медвежьим углом на краю Земли. Средний американец не мог найти на карте Ташкент или Самарканд и называл этот регион общим названием “станы” (т.к. все названия государств Центральной Азии заканчиваются на –стан). Посольский персонал Соединенных Штатов горевал, когда получал назначение в Алматы или Ташкент, но еще более страшился рискованных назначений в Душанбе или скучных – в Бишкек.

Вследствие событий 11 сентября, задачи в области безопасности вновь заслонили собой экономические и стали первейшей ведущей силой американской внешней политики. В результате, возросло значение новой структуры военного командования и Закона о Шелковом пути как средства расширения американского влияния в Центральной Азии. Активизированный американский интерес к безопасности Центральной Азии привел к возросшему потоку помощи региону и уже не скрываемому американскому военному присутствию. Надеясь на немедленный удар по терроризму, Конгресс в октябре 2001 года ассигновал Узбекистану 25 млн. долларов США для улучшения его военных возможностей. Затем он предоставил Ташкенту в январе 2002 года еще 100 млн. долларов для борьбы с терроризмом и взял на себя обязательства до конца 2002 года предоставить ассигнований на общую сумму в 160 млн. долларов. Американские и союзнические войска используют авиабазы

в Узбекистане, а также в Таджикистане и Кыргызской Республике, для поддержки военных операций в Афганистане. Вопрос, который до сих пор остается без ответа, это в какой степени новые отношения в области безопасности коснутся некоторых хронических проблем региона, таким образом, формируя долгосрочную стабильность и среду, более благоприятную для демократизации. В этой статье предлагается предостерегающее замечание в отношении американского курса в Узбекистане, а также исследование этих хронических проблем и некоторые их решения.

Несмотря на то, что поддержка Узбекистана и других государств во всем мире остается решающей для успеха в войне против терроризма, Соединенные Штаты должны действовать предусмотрительно в своих отношениях с режимом Каримова. Хотя развитие военной инфраструктуры Узбекистана и служит краткосрочным интересам США, перспективы стабильности на долгосрочную перспективу и гражданское развитие в Узбекистане без проведения широкомасштабных реформ остаются под вопросом. В результате, совместно с укреплением военных возможностей американской политике необходимо делать акцент на социальных реформах, построении плюралистических институтов и поиске того, как сделать менее политизированным узбекский сектор безопасности.

Прошлый опыт игнорирования этого широкого подхода в пользу курса, преследующего одну цель, показал, как дорого он обходится. Оценивая современную ситуацию в Узбекистане, целесообразно извлечь уроки из американского опыта с режимом Пахлави в Иране с 1953 до 1979 г.г. Излагая американо-иранские взаимоотношения в своей книге "Вымощенный добрыми намерениями [путь]", Барри Рубин указывает на то, что американская политика зачастую знаменует собой "чрезмерную зависимость от факторов, кажущихся постоянными, неоправданную уверенность в силе статус-кво и избыточно циничный взгляд на размышления, представляемые как высоконравственные".³ Иными словами, американские политические деятели склонны полагать, что существующее внутреннее окружение вряд ли изменится и не способны реалистически проанализировать истинные размеры того, насколько политические курсы рассматриваемого режима акцентируются на расколе внутри своего общества и способствуют развитию антиамериканских настроений.

Хотя и признавая у иранского шаха отсутствие прогресса в реализации политических реформ и прав человека, каждая американская администрация, начиная с Трумана, позволяла злобному антикоммунизму

³ там же

шаха затмевать отсутствие развития действенного гражданского общества в Иране. В 1947 году администрация Трумана почувствовала, что возросшая военная помощь Ирану не окупает затраты как потому, что режим шаха был слишком нестабильным с политической точки зрения, так и потому, что развитие его военных возможностей могло спровоцировать нападение со стороны Советов. К 1953 году во внешней политике доминировала цель сдерживания Советского Союза. Стремясь усилить сдерживание на южных границах Советского Союза, администрация Эйзенхауэра проигнорировала авторитарные тенденции шаха из-за его сильной антикоммунистической позиции. Столкнувшись с появлением правительства левого толка, возглавляемого Моссадыком, ЦРУ поддержало государственный переворот, направленный на высылку Моссадыка. Вслед за государственным переворотом, отношения Америки с шахом углубились, так как его режим, казалось, был островком стабильности в море ближневосточной нестабильности. Поскольку США стремились сократить свои мировые обязательства в конце 1960-х годов, Ричард Никсон ускорил продажу оружия Ирану как часть своей политики «двойных опор», которая обещала учреждение позиций региональных представителей, способных сдерживать советскую экспансию. Кроме сдерживания, утверждение шаха о том, что региональный экстремизм являлся возрастающей угрозой, повлияло на решение Никсона.⁴ К середине 70-х годов переход на высокотехнологическое оружие была не только выгоден для американской оборонной промышленности, но и укрепил американскую безопасность в жизненно важном Персидском заливе. Американская поддержка также подпитывала имперские желания шаха в создании им, по-видимому, непобедимой региональной державы. Более того, шах отверг необходимость в проведении внутренней реформы, вместо этого подчеркивая, что внутреннее развитие ничего не стоит без обороны.⁵

Американская военная помощь предлагалась без соразмерного давления на выполнение многозначительных экономических и политических реформ. Закупки оружия негативно сказались на и без того деформированной экономической ситуации, которая увеличила «социальное разделение» в Иране и усилила антирежимные настроения. Без внушительной внешней угрозы военные силы сконцентрировались на внутренней деятельности и заняли положение мощной элиты внутри режима. Уполномоченный консервативный сектор безопасности оградил шаха от населения, внося свой вклад в лишение народа избирательных прав, и одновременно стал гарантом выживания режима. Так как ре-

⁴ там же

⁵ там же

жим игнорировал все усугубляющийся экономический застой и бросал вызов устоявшимся общественным ценностям, таким как влиятельная “Улема” или религиозное руководство, росли гражданские беспорядки. Реакцией шаха было возросшее использование силы для подавления беспорядков, что вызвало антирежимные настроения и увеличило значение сектора безопасности. Использование силы как средства внутреннего правления имеет свой предел. В Иране уже была подготовлена почва для противодействующего реагирования. Желание сместить шаха с трона достигло кульминационной точки с наступлением Исламской революции, возглавляемой Хомейни, когда пришедшее в ярость иранское население идентифицировало Соединенные Штаты как основного пособника власти режима. Результатом революции стало падение монархии Пахлави, отказ от попыток политического посредничества и установление теократии, которая на протяжении почти 25 лет использовала антиамериканизм в определении американо-иранских отношений и своей собственной легитимности. Ошибки узконаправленной американской внешней политики в Иране не должны упускаться из виду в сегодняшней обстановке, поскольку борьба с терроризмом все более втягивает Соединенные Штаты в Узбекистан.

В американской политике в отношении Узбекистана можно заметить три сходных положения, если рассматривать их в иранском контексте. Первое, правительство Каримова сталкивается с возрастающим “социальным расслоением”, а также с отчуждением общества от существующего режима. Это особенно четко наблюдается в отношении сельских местностей, где наиболее сильна религиозная приверженность. Даже авторитарным режимам необходимо реагировать на общественное мнение, как это уже показал случай с шахом, таким образом, это отчуждение может посеять зерна хаоса. Во-вторых, режим Каримова полагается на применение силы и запугивание для поддержания контроля в обществе и использует свою войну с исламским терроризмом как предлог для возрастающих репрессий. Третье, военное присутствие Соединенных Штатов и их связи с узбекским правительством все более служат в качестве громоотвода в проблемных секторах экономики. Если не возобновить попытки реформирования, то волнения продолжат расти и выльются в антиамериканские настроения, что нанесет вред влиянию США в Центральной Азии. Если принять такие сходные положения, то тогда появляются два фундаментальных вопроса в отношении американского участия в Узбекистане. Каково воздействие американского инвестирования в военные возможности узбекского правительства на Узбекистан и регион? И каким должно быть влияние американского присутствия на развитие гражданского общества в Уз-

бекистане, чтобы минимизировать нестабильность и вероятность анти-американизма в будущем?

Распад Советского Союза вынудил появившиеся независимые государства Центральной Азии принять на себя ответственность за свои внутренние и внешние дела. Единственная модель, которая была понятна лидерам государств, основывалась на однопартийном правлении советской системы. Спустя десять лет после обретения независимости, все центральноазиатские страны все еще сталкиваются с множеством внутренних и внешних угроз, которые увековечивают авторитаризм, коррупцию и политическую нестабильность. Многие из этих проблем сложны и трудно отделимы от других.

Более того, возрастающая приверженность региональных лидеров “культу личности” делает перспективы демократических реформ туманными. И Узбекистан не является исключением.

Узбекское общество становится все более изолированным в экономическом, демографическом, политическом и религиозном планах. По словам Пулатжана Ахунова, активиста партии “Бирлик”, накопления советской эпохи растрачиваются.⁶ В то время, как экономический рост идет на убыль, растут бедность и безработица. Несмотря на то, что исследование Международного фонда по выборным системам, проведенное в 1996 году, выявило, что 43 процента населения удовлетворены правительством, а 33 процента – более или менее удовлетворены (в сравнении с лишь 24 процентами недовольных). В отчете также было сказано, что из-за экономических разрушений те 33 процента, которые располагаются сейчас в середине, перейдут в отрицательную часть этого уравнения.⁷ Такие мероприятия, как закрытие малого бизнеса, того сектора, который давал работу 70 процентам населения с 1997 по 1998 г.г., способствуют потере общественного доверия и растущей неудовлетворенности.⁸ Ссылаясь на нежелание правительства прилагать усилия по конвертируемости сома (узбекской валюты) и следовать общепринятым советам, МВФ в 2001 году закрыл свои офисы в Ташкенте.

Остается проблемой и коррупция в правительственных кругах, и, если реформы не будут введены в действие, американская помощь будет выгодна лишь Каримову и его протее. Также растет общественная апатия. Доступ в интернет строго ограничен, что уменьшает возможно-

⁶ “Uzbek Opposition Figures Urge Caution on U.S. Support for Karimov,” Eurasianet, 27 марта 2002 г.; информация доступна на сайте www.eurasianet.org.

⁷ Bakhrom Tursunov, “Security and Stability in Uzbekistan: Challenges, Threats and Solutions,” Partnership for Peace Information Systems Conflict Studies Research Center, декабрь 1998 г.; на веб-сайте www.pims.org/Projects/CSRC/Security-K25.html.

⁸ там же

сти для профессионального и личного роста и вызывает чувство несбывшихся желаний. Экономическое и социальное разделение обостряется высоким ростом населения в сельских областях, конфликтами между региональными управляющими и местными клановыми властями, а также различным уровнем жизни между городским и сельским населением. Сельская жизнь продолжает ухудшаться, сельское население все более лишается гражданских прав и все легче поддается вербовке со стороны исламистских фундаменталистских групп, которые часто предоставляют основные социальные услуги, включая религиозно ориентированное образование.

Политические характеристики демократизации разработаны не лучше характеристик экономических реформ. Авторитаризм продолжает ограничивать политическое развитие. К тому же, Каримову удалось завуалировать подавление демократии и коррупцию под покровом борьбы с терроризмом. Хотя Фонд и указал, что 51 процент населения “приветствует” демократические реформы и поддерживает инициативы правительства, определение обществом демократии не является однозначным.⁹ Свобода слова и собраний остается под вопросом. Согласно данным Независимой организации по правам человека, более семи тысяч человек находятся в заключении за выражение антиправительственных взглядов.¹⁰ Благодаря международному давлению глава государственной цензорской службы был смещен с поста в мае 2002 года. Но до сих пор журналисты продолжают сталкиваться с препонами и цензурой. Только утвержденным группам позволено проводить собрания, но и те должны находиться под наблюдением. Партии “Элк” и “Бирлик”, запрещенные в середине 1990-х годов, остаются политическими париями. Каримов основал и утвердил четыре политические партии, которым позволено функционировать. Хотя Каримов и отказался от парламентского одобрения на пожизненное президентство, он принял результаты подозрительного референдума, в соответствии с результатами которого срок его президентства увеличился еще на пять лет. Он инициировал некоторые косметические реформы перед своей поездкой в Соединенные Штаты в марте 2002 года, включая регистрацию доставляющей беспокойство организации по правам человека, и освободил некоторых политзаключенных, чтобы успокоить Вашингтон. Тем не менее, политическое подавление остается последовательной частью узбекской политики.

Неудивительно, что у Каримова отсутствуют внутренние реформы. У президента, одного из бывших лидеров Коммунистической партии,

⁹ там же

¹⁰ Raphael Puzant, “Uzbek Crackdown on Religion Continues Unabated,” Eurasianet, 12 ноября 2001 г.; информация доступна на сайте www.eurasianet.org.

нет опыта политического плюрализма. Более того, точно так же, как и его коллеги в республиках бывшего Советского Союза, он являлся свидетелем распада Советского Союза и извлек из этого уроки. Как недавно заметил Ахунов, “Каримов не собирается предпринимать одновременно политическую и экономическую реформы, которые обрекли Горбачева”.¹¹ При этом предметом озабоченности является не только отсутствие значительных реформ, но и смещение курса США в политике по отношению к Узбекистану после 11 сентября 2001 года. Проблема состоит не столько в активизированном американском участии в Узбекистане, сколько в том, что внешняя политика США становится узконаправленной и, кажется, слепа к потенциальным проблемам, скрывающимся в глубине общества. До событий 11 сентября Соединенные Штаты были громогласным критиком ситуации, сложившейся с правами человека на государственном уровне. В отчете Госдепартамента по правам человека за февраль 2001 года отмечалось, что в Узбекистане “и без того плохое положение с правами человека ухудшилось”.¹² В обстановке, наступившей после событий 11 сентября, один неназванный чиновник из администрации Буша заявил, что во время войны с терроризмом безопасность выходит на передний план. В отчете за октябрь 2001 года Узбекистан уже не был обозначен как государство, вызывающее “особенную озабоченность” в отношении прав человека.¹³ Во время своего визита в Центральную Азию весной 2002 года министр обороны Доналд Рамсфелд отметил “замечательное сотрудничество” этих государств в борьбе против терроризма, их участие в качестве членов программы НАТО “Партнерство ради мира” и их собственные усилия в борьбе с террористическими организациями, угрожающими функционированию национальных режимов.¹⁴ Он не сделал никаких ссылок на положение с правами человека и прогресс на пути к демократизации. Во время визита Каримова в Вашингтон администрация Буша подчеркнула, что президент Узбекистана для обеспечения непрерывного потока американской помощи должен реализовать демократические реформы. Фактически, Декларация о рамках стратегического партнерства и сотрудничества поручила Узбекистану проведение демократических реформ, а сами Соединенные Штаты пообещали предоставить помощь в развитии общества. Несмотря на это, многие международные

¹¹ “Uzbek Opposition Figures Urge Caution on US Support for Karimov,” Eurasianet, 27 марта 2002 г. Информация доступна на сайте: www.eurasianet.org.

¹² Raphael Puzant, “Uzbek Crackdown on Religion Continues Unabated,” Eurasianet, 12 ноября 2001 г.; информация доступна на сайте: www.eurasianet.org.

¹³ там же

¹⁴ Пресс-конференция министра обороны Доналда Рамсфелда, Бишкек, Кыргызстан, 27 апреля 2002 г.

обозреватели полагают, что Соединенные Штаты не будут проводить в жизнь эти требования, а напротив будут продолжать акцентировать свое внимание на военном измерении отношений.¹⁵ Если выделение 160 млн. долларов военной помощи в 2002 году не будет связано с политическими и экономическими реформами, то режим Каримова внутренне увеличит свои военные возможности без улучшения перспектив для гражданского общества в Узбекистане. Готовность Соединенных Штатов игнорировать или, по крайней мере, “приглушать” нарушения в области прав человека и отсутствие демократических реформ вслед за событиями 11 сентября способствует появлению раскола между режимом и населением. Это также связывает Соединенные Штаты с политическим курсом Каримова.

Политизация ислама является еще одним разъединяющим фактором в обществе, являясь катализатором нестабильности и одним из самых значительных рисков, стоящих перед режимом Каримова. Следуя независимости, правительство Каримова стремилось кооптировать ислам как национализирующую силу, открыв религиозные школы и способствуя продвижению ислама, санкционированному на уровне государства. Однако, эта стратегия была не слишком эффективна. Во-первых, в глубоко ортодоксальной Ферганской долине в Восточном Узбекистане, шариат ввел свой социальный кодекс поведения во времена анархии, сопровождавшие конец советской эпохи и ранней независимости.¹⁶ Мусульмане, проживавшие в этом регионе, не желали принимать более светские формы ислама, пропагандируемые правительством. Во-вторых, с преследованием политически оппозиционных групп, ислам стал альтернативным путем для общественного выражения и социального развития внутри Узбекистана. В результате, количество верующих мусульман возрастает не только в Ферганской долине, но также в южном регионе и ташкентских районах Кашкадарья и Сурхандарья, соответственно, и в Самарканде тоже.¹⁷ В попытке противостоять росту негосударственной религиозной деятельности правительство издало указ о том, что молитвы могут проводиться только в мечетях, одобренных государством, и принудительно пресекало деятельность религиозных групп.

В 1999 году Каримов использовал террористические бомбежки в Ташкенте и вторжения Исламского движения Узбекистана (ИДУ) из

¹⁵ Kenan Aliyev, “Karimov Maintains Low Profile During U.S. Visit,” Eurasianet, 20 марта 2002 г.; информация доступна на сайте: www.eurasianet.org.

¹⁶ Bakhrom Tursunov and Marina Pikulina, “Severe Lessons of Batken,” Partnership for Peace Information Systems Conflict Studies Research Center, ноябрь 1999 г.; на веб-сайте www.pims.org/Projects/CSRC/Security-K28_Batken.htm l.

¹⁷ там же

Таджикистана в Ферганскую долину как оправдание активизации своего сурового преследования тех, кто входил в религиозные объединения. Широкомасштабная нацеленность на религиозные группы привела к дальнейшему обострению радикализма религии, что только служило на руку экстремистским группам, таким как ИДУ, «Хизб ат-Тахрир» и Исламская партия Узбекистана (ИПУ), базирующаяся в Афганистане, каждая из которых представляла оправданные угрозы региональной стабильности. По оценкам, приводимым в региональных отчетах, около пяти процентов узбекского населения принадлежит к какой-либо из этих групп. Также указывалось на то, что Каримов использует войну с терроризмом как оправдание огульной ликвидации неконформистских мусульманских групп.¹⁸

Религиозный экстремизм является транснациональной проблемой. Точно так же, как кампания против терроризма предоставила большую широту в использовании силы в борьбе с внутренней оппозицией, она предоставляет возможности для Узбекистана быть более агрессивным на региональном уровне. Узбекистан изъявил желание установить свое первенство в регионе. При случае, он прибегал к советскому стилю запугивания соседей, чтобы те шли на уступки, как, например, прекращение поставок газа в октябре 2001 года как ответная реакция на приостановку в подаче электричества из Кыргызстана. Экстремистские группы, действующие с территории баз, находящихся в Кыргызстане и Таджикистане, также стали поводом для оправданий непрерывающегося вмешательства на региональном уровне. Отношения Узбекистана с Кыргызстаном служат тому наглядным примером. Разногласия Узбекистана с Кыргызстаном включают споры о доступе к воде, пограничный контроль и эффективное противодействие повстанцам. Начиная с 11 сентября, Кыргызстан обвиняет Узбекистан в односторонней оккупации спорных пограничных территорий под лозунгом прекращения террористических вторжений. Узбекистан усеял свою границу противопехотными минами, чтобы препятствовать проникновению террористов. Милитаризация пограничных областей привела к свертыванию торговли между странами, все ухудшая экономическое состояние обоих государств и подрывая создание доверия. В-третьих, существует озабоченность, что Узбекистан может прямо вмешиваться в дела Кыргызстана для уменьшения нестабильности, которая служит хорошую службу экстремизму. Военные силы президента Акаева показали свою неэффективность, имея дело с ИДУ и непрерывающимися гражданскими волнениями, угрожающими ввергнуть Кыргызстан в пучину граждан-

¹⁸ там же

ской войны. И то, и другое, несомненно, должно рассматриваться как катализатор для дальнейшего вмешательства Узбекистана.

Нельзя сказать, что отношения Узбекистана с Таджикистаном складываются намного лучше. Несмотря на договор 1997 года об окончании гражданской войны, в Таджикистане все еще царит анархия. Существуют также свидетельства, что ИДУ может найти поддержку в определенных секторах таджикского правительства. По мнению Бахрома Турсунова, Объединенная таджикская оппозиция (ОТО) может укрывать ячейки ИДУ и разжигать *джихад* против Узбекистана.¹⁹ Известно, что ОТО поддерживает связи как с «Талибаном», так и с ИДУ, включая узбекского полевого командира Джуму Намангани, который, по видимости, был убит во время американской бомбежки Афганистана.

Высокий уровень напряженности во внутренней и международной обстановке повысил важность узбекского сектора экономики. Развитие узбекских военных возможностей при отсутствии демократических реформ потенциально имеет негативные внутренние и внешние разветвления. Хотя узбекские военные силы и действуют на региональном уровне, внутренняя безопасность – задача, которая в конечном итоге ставит военных в оппозицию к обществу, которое они предполагают защищать, – остается ее основной ролью. Война с религиозным экстремизмом расширила внутреннюю роль военных и угрожает разрушить их хорошие до настоящего времени отношения с обществом. Хотя в Законе об обороне Узбекистана от 1992 года провозглашается сугубо оборонный характер политики в области безопасности, не имеющий территориальных амбиций, то Концепция национальной безопасности и военной доктрины от 1997 года предоставляет возможность широкого применения военной силы для защиты своего населения от экстремальных ситуаций, для экспатриации узбекских меньшинств и подобных режимов, которые предполагают какую-либо региональную роль. Сфокусированные на внутренних делах, военные функции, разработанные в доктрине или возникшие из практики жизни, склонны к созданию военного ценностного восприятия, которое помогало бы им играть сильную внутреннюю роль. Развитие военных возможностей просто способствует продвижению роли военных как сил внутренней безопасности. Более того, отношения между режимом и военными становятся более крепкими благодаря возможностям процессов развития. Например, обеспечение новым оружием рассматривается как корпоративная выгода для офицерского корпуса и увеличивает его лояльность режиму.²⁰ Косвенным образом, более тесные отношения режима с военными стимулирует

¹⁹ там же

²⁰ Risa Brooks, *Political-Military Relations and the Stability of Arab Regimes*, Adelphi Paper #324, International Institute for Strategic Studies (декабрь 1998 г.), 28.

использование военных как коэргитивных сил на внутреннем уровне, так как и режим, и военные заинтересованы в сохранении своей власти. В-третьих, так как режим все более полагается на внутреннее использование силы для подавления беспорядков, влияние военных в разработке политического курса возрастает (что произошло в Иране) и может привести к режиму, прибегающему к использованию военной силы без всестороннего анализа более целесообразных и менее раздражающих вариантов.

Развитие военных возможностей также вносит свой вклад в региональную дестабилизацию. У соседей, уже настороженно относящихся к узбекским амбициям регионального гегемона, озабоченность все нарастает, так как Узбекистан увеличивает свои военные возможности. Как минимум, такие обстоятельства разрушают построение доверия. В более экстремальном случае, ситуация может вынудить другие страны искать военные гарантии на стороне. В мае 2002 года Индия создала свою первую военную базу в Таджикистане.²¹ Это представило Индию как новую региональную силу в Центральной Азии, в то же время потенциально обеспечивающую Таджикистан своими собственными ресурсами для развития военных возможностей. В-третьих, как было замечено в случае с Кыргызстаном, Узбекистан видит для себя угрозу в том, что его соседи не способны контролировать свою территорию и границы. Как и в случае с внутренним окружением, тесные отношения военных с режимом могут привести к поиску военных, а не дипломатических решений при международных разногласиях.

Вторым вопросом, указанным ранее, является то воздействие, которое американское присутствие может иметь в создании окружения, способствующего развитию гражданского общества в Узбекистане. С этим явлением непосредственно связано и то, в какой степени Соединенные Штаты рассматриваются благодетелем режима, а не нейтральной стороной. Так же, как и в случае большинства международных операций, американское участие в Узбекистане – палка о двух концах. С момента распада Советского Союза региональные правительства рассматривают США как силу, которая может предоставить режиму безопасность и региональную стабильность, чего не смог бы сделать кто-либо другой. Во-вторых, влияние США на экономическое развитие очевидно в продолжающемся споре о трубопроводах для передачи энергии из Центральной Азии. В-третьих, американская помощь является решающим фактором в экономической стабильности и развитии. Несмотря на географическую близость России и ее продолжающееся влияние в

²¹ "Tajikistan-India Sets up First Foreign Base," Indo-Asian News Service via Daily Defense News, 19 августа 2002 г.; информация доступна на веб-сайте: <http://www.periscope1.com>.

регионе, неспособность России завершить войну в Чечне подорвала ее репутацию, а также Договора о коллективной безопасности СНГ как жизнеспособного защитника. Более того, склонность России в большей степени оказывать давление, чем развивать государства экономическими средствами, оставляет у таких государств, как Узбекистан, желание держаться от России на расстоянии вытянутой руки. В мае 2002 года президент Каримов подчеркнул, что никаких российских войск в Узбекистане дислоцировано не будет. Другие соглашения о сотрудничестве в области региональной безопасности, такие как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которые выдвигают на роль главной региональной державы Китай, а не Россию, также характеризуются рядом проблем. Близость Китая, его огромные размеры, растущая экономическая мощь и потребность в ресурсах определяют его мотивы и должны рассматриваться с осторожностью. Более того, вызывает сомнение способность ШОС или Китая защитить действующие режимы.

В обстановке, сложившейся после событий 11 сентября, американские интересы сместились от обеспечения развития региона и доступа к его энергетическим ресурсам к сохранению баланса власти, который облегчал бы войну с терроризмом. Независимо от того, брала ли на себя американская политика какие-либо обязательства по обеспечению безопасности существующих режимов, в интересах США поддержание стабильности в Узбекистане, которой легче всего достигнуть в краткосрочной перспективе путем вынашивания реформ внутри режима Каримова. С военной точки зрения, Узбекистан – ценный союзник в борьбе с терроризмом. В 1992 году правительство Каримова приняло на себя командную структуру и взяло себе вооружения и технику Туркестанского военного округа Советского Союза, став наиболее хорошо оснащенными вооруженными силами в Центральной Азии. Узбекистан также обладает лучшими транспортными средствами и средствами материально-технического обеспечения. По словам Дж. Д. Кроуча, помощника министра обороны по международной безопасности, прозвучавшим в его заявлении перед Комитетом по международным отношениям Сената, контакты между военными, которые предшествовали событиям 11 сентября, служили средством, позволяющим быстро разместить в Центральной Азии силы США.²² Однако, степень, в которой американское присутствие окажет позитивное влияние на гражданское развитие, зависит от многих переменных.

С региональной перспективы, американское присутствие содействует стабильности и повышает безопасность. Соединенные Штаты наме-

²² Jim Garamone, "Central Asia Crucial to War on Terror," 27 июня 2002 г., через DefenseLink; информация доступна на сайте: www.defenselink.mil/news.

рены уменьшать угрозы путем строительства доверия среди государств через возрастающие контакты и прозрачность их политических курсов. С уменьшением уровня восприятия угроз возникает обстановка, ведущая к обсуждаемому урегулированию споров. Кроме того, Кроуч отметил, что Соединенные Штаты хотят “демилитаризовать бывшие советские объекты” и предоставить демократическую модель, военные консультации и “специализированную помощь”.²³

Министерство обороны США выполняет свою политику демократизации через возросшее взаимодействие между личным составом узбекских и американских вооруженных сил. Узбекские офицеры проходят учения по планированию, обучению и выполнению военных операций. Они также приобретают опыт того, как работают западные военнослужащие, включая их инициацию командования и подчинение гражданскому надзору. Однако в авторитарных режимах определение гражданского контроля часто неоднозначно и необязательно равно демократизации вооруженных сил. Неожиданный результат учебных отношений может проявиться в возрастании независимости офицерского корпуса.²⁴ Это потенциально имеет эффект создания офицерского корпуса как противовеса режиму. Хорошо это или плохо, зависит от роли военных в политике режима и, в конечном счете, в процессе правопреемства. Например, экспансионистский офицерский корпус может быть в состоянии убедить режим стать более агрессивным на региональном уровне. Однако, может случиться и по-другому: военные смогут уменьшить экспансионистские тенденции режима. В этих обстоятельствах с относительной долей уверенности можно говорить о двух вещах: военные будут оказывать большее влияние на политику, и, следовательно, они будут более широко представлены в правительстве, и, таким образом, выполнять более активную роль в правопреемстве.

Кроме того, что американское военное присутствие подвергает военных воздействию гражданского общества, оно также подвергает общество воздействию американских ценностей. Хотя многое из первоначальной помощи Узбекистану использовалось на развитие его военных возможностей, последующая помощь будет использоваться для содействия экономическим и политическим реформам. Например, Импортно-экспортный банк недавно направил 55 млн. долларов США на развитие малого и среднего бизнеса.²⁵ Администрация Буша признала, что,

²³ там же

²⁴ Risa Brooks, *Political-Military Relations and the Stability of Arab Regimes*, Adelphi Paper #324, International Institute for Strategic Studies (декабрь 1998), 29 – 30.

²⁵ “Uzbek Opposition Figures Urge Caution on U.S. Support for Karimov,” Eurasianet, 27 марта 2002 г.; информация на веб-сайте: www.eurasianet.org.

несмотря на то, что нищета и угнетенность не означают терроризма, они являются катализатором “безнадежности и безысходности”. Поэтому президент предложил увеличение американской внешней помощи в размере 5 миллиардов долларов США в течение трех лет для “бедных государств, которые поддерживают соблюдение прав человека, привержены строгим системам закона и имеют открытые рынки”. Имеется надежда, что доля Узбекистана в этих фондах будет выдана при непосредственном надзоре, чтобы исключить их неправильное использование. Недавние отчеты из региона также показывают, что американское присутствие явилось причиной уменьшения правительственного давления на неправительственные организации.²⁶ Тем не менее, устойчивый характер этого процесса связан с продолжающимся американским участием.

Возможно, самый большой риск для долгосрочных американских интересов – это степень, в которой США намерены продолжать свое участие в Узбекистане. Для Соединенных Штатов было бы критической ошибкой уйти из Узбекистана, так как война с терроризмом меняет место действия. Как было замечено выше, Соединенные Штаты существенным образом повысили военные возможности Узбекистана, но воздействие США на общество в целом минимально на сегодняшний день. Было бы катастрофичным не замечать другие проблемы Узбекистана из-за того, что американское внимание сконцентрировано на чем-то ином. Со своими возросшими военными возможностями Узбекистан может решить урегулировать региональные споры военным путем, таким образом развязав региональную войну, выгоду от которой получают только организации типа “Аль-Каеды” или ИДУ. Так же дорого обойдется, если режим будет постоянно использовать силу для поддержания своего строгого контроля над внутренней обстановкой. Как в ситуации с Ираном, политика репрессий неизбежно приведет к революции. Каждая из этих возможностей – гражданская война, региональный конфликт или революция – обещают схожие результаты с тем, что произошло в Иране и Афганистане. Только посредством непрекращающегося политического, экономического или военного участия США могут оказывать воздействие на способ, которым используется их военное инвестирование. Развитие военных возможностей сродни тому, что выпустить джина из бутылки. Вместо строительства доверия увеличение военных возможностей государства может разрушить региональный баланс силы и таким образом изменить осознание угроз. К тому же, нет никакой гарантии, что подготовленные и оснащенные на более высоком уровне

²⁶ Adolat Najimova, “Central Asian Leaders Turn to Cult of Personality,” Center for Security Studies and Conflict Research; информация доступна на сайте: www.isn.ethz.ch.

военные силы будут неукоснительно использоваться для возложенных на них целей: в случае с Узбекистаном – это борьба с ИДУ и вспомогательные операции против “Аль-Каеды”. Вместо этого они могут использоваться для подавления антиправительственных настроений в областях, где власть представлена слабо. Например, в Грузии имеются предположения, что войска, обученные американцами, скорее, могут использоваться в Абхазии, а не против потенциальных террористических ячеек, действующих в Панкисском ущелье.²⁷

В конечном счете, отказ Соединенных Штатов открыто оказывать давление на Каримова в отношении реформ способствует узбекскому “социальному разделению” на тех, кто ратует за Соединенные Штаты, и тех, кто противостоит им. В соответствии с опросом, проведенным в июле 2002 года Центром изучения общественного мнения “Ижтимоий Фикр”, поддержка возглавляемой США войны с терроризмом, снизилась с почти единодушной поддержки в конце 2001 года до 60 процентов в июле 2002 года.²⁸ Хотя любой политик чувствовал бы себя комфортно, имея поддержку 60 процентов, 40 процентов голосовавших нельзя игнорировать. Предметом наибольшей озабоченности является то, что тот же самый опрос выявил, что население все больше рассматривает эту войну, скорее, как войну с исламом, а не с терроризмом. В-третьих, растет процентное отношение населения, которое полагает, что Каримов использует отношения с Америкой как оправдание для разгрома мусульманских групп.²⁹ В-четвертых, Ташкент обвиняют в “продаже себя неверным”, когда тот предоставил США права доступа к военным базам. Такое восприятие активизирует деятельность ортодоксальной религиозной общины против американского присутствия и увеличивают возможности вербовки со стороны ИДУ. Фактически, недавний отчет предполагает, что политический курс правительства уже увеличил возможности ИДУ по набору людей в свои ряды.³⁰ В конечном счете, американское присутствие на сегодня мало что сделало, чтобы принести ощутимую экономическую или политическую пользу от участия в войне с терроризмом. Хотя интеллигенция в основном нейтральна в отношении американского присутствия, она разочарована уровнем либерализации в Узбекистане. Как бы повторяя знаменитую

²⁷ Совместная пресс-конференция министра обороны США Доналда Рамсфелда и министра обороны Грузии, 7 мая 2002 г.

²⁸ Отчет Марата Хаджимухамедова, заместителя директора Центра общественного мнения “Ижтимоий Фикр”, RFE/RL через Security Watch, 26 февраля 2002 г.; информация доступна на сайте: www.isn.ethz.ch.

²⁹ Artie McConnell, “Islamic Radicals Re-Group in Central Asia,” Eurasianet, 4 июня 2002 г.; информация доступна на веб-сайте: www.eurasianet.org.

³⁰ там же

цитату бывшего спикера Палаты представителей Типа О'Нилла, "любая политика является местной", Марат Хаджимухамедов, заместитель директора "Ижтимоий Фикр", заметил, что узбеков заботит американское присутствие только в той степени, в которой оно помогает им решать свои собственные проблемы.³¹

Все эти отчеты указывают, что воспринимаемая ценность американского участия уменьшается, и среди обычных узбеков растет ощущение, что Соединенные Штаты все более вступают в союз с политическим курсом режима и мало что делают для поддержки риторики демократизации и либерализации. Чтобы избежать дальнейшего падения престижа США, администрации Буша понадобится протянуть руку умеренным оппозиционным группам и потенциальным оппозиционным группам. Как это ни странно, армия может стать первым кандидатом. У нее есть потенциал сохранять сбалансированную перспективу по ценности Соединенных Штатов для Узбекистана. Кроме того, более тесные связи с военными могут не позволить возникнуть какому-либо антиамериканскому или антизападному режиму в центре Центральной Азии, если произойдет смена режима. Появление антиамериканского режима, подобно режиму Хомейни в Иране, может серьезно воздействовать на американские интересы. Как минимум, Соединенные Штаты потеряют доступ к ценной базе для ведения войны с терроризмом. Более серьезная угроза – это создание нового убежища для террористов, доступ к которому будет еще труднее, чем в Афганистане. В-третьих, появление антиамериканского режима разрушит американские интересы в отношении разработки энергетических ресурсов Каспия. В конечном счете, такой режим может избрать форму более тесного альянса с Ираном или Китаем, таким образом, усиливая свое региональное влияние за счет Соединенных Штатов.

Хотя режим Каримова, кажется, не находится на грани развала, в этой статье представлены некоторые угрозы и предостережения, заслуживающие рассмотрения. Эта статья не ратует за отказ от существующего режима, несмотря на его изъяны. Однако, она подчеркивает, что проблемы существуют и, кажется, множатся, и что, таким образом, сейчас для Соединенных Штатов наступило время действовать решительно, и это в их же собственных интересах. Исламу Каримову всего 63 года и вопрос преемника в Узбекистане остается нерешенным. Смерть Каримова, его продолжительная болезнь или необходимость иметь дело с распространившимся внутренним повстанческим движением могут втянуть Узбекистан в пучину гражданской войны. Как минимум,

³¹ Отчет Марата Хаджимухамедова, заместителя директора Центра изучения общественного мнения "Ижтимоий Фикр", RFE/RL через Security Watch, 26 февраля 2002 г.; информация доступна на сайте: www.isn.ethz.ch

такой конфликт может ввергнуть страну в анархию, подобную той, которая была в Афганистане после ухода советских войск. Кроме того, существует высокая степень вероятности, что, по крайней мере, одна из конкурирующих групп будет иметь резко выраженные антиамериканские настроения. При ослабленном центральном правительстве эти группы, вероятно, смогут укрепиться в Ферганской долине, откуда они смогут начать партизанскую войну. Любой из сценариев может стать разрушительным для американских интересов.

Проблема состоит в следующем: каким образом должны действовать США? Как указывалось, Узбекистан – кардинальное государство в каспийском регионе и крайне необходимое для обеспечения стабильности и ведения борьбы с терроризмом. Участие США должно включать их приверженность экономическому и социальному развитию. Соединенным Штатам нужно реализовывать и сохранять последовательную политику, которая не только повышает способность Узбекистана вносить свой вклад в войну с терроризмом, но и одновременно разрабатывает основы столь необходимых реформ. Обязательства Импортно-экспортного банка – шаг в правильном направлении, но доля Узбекистана в 5 миллиардов долларов США в рамках программы иностранной помощи, направленной на помощь нуждающимся, должна быть использована на стабилизацию узбекской валюты, продолжение повторного развития малого и среднего бизнеса и стимулирование приватизации всей экономики.

С политической точки зрения, существует потребность вернуться к состоянию дел до событий 11 сентября. Соединенные Штаты должны дать четко понять Каримову и его сторонникам, что американские обязательства в Узбекистане будут оцениваться исходя из степени, в которой президент Узбекистана допускает развитие демократической оппозиции, способствует ее участию в процессе руководства, соблюдает права человека и поощряет свободные и независимые средства массовой информации. Какая-то часть этого процесса может выполняться путем содействия образовательным реформам и доступа к информации; доступ к новым идеям был главным толчком в преодолении “холодной войны”. Стратегический закон Конгресса о Шелковом пути – многообещающий шаг в этом направлении, однако, лишение доступа к интернету создает вопросы в отношении его эффективности. В конечном счете, совместно разработанные образовательные предприятия, использующие сильные стороны дистанционных обучающих технологий и сконцентрированные на решающих темах, таких как демократический процесс, рыночная экономика и журналистика, должны поощряться и финансироваться на федеральном уровне. В то же самое время, Соединенным Штатам нужно дать четко понять, что они собираются основать

отношения с уважаемыми членами оппозиции. В Иране Соединенные Штаты ждали слишком долго, чтобы сделать шаг в этом направлении. С очевидностью можно сказать, что в Узбекистане такая возможность еще не была использована.

С военной точки зрения, совместные военные учения, наиболее эффективно проводимые под эгидой программы НАТО «Партнерство ради мира», должны стать более регулярными. Они ставят своей целью укрепление безопасности и строительство доверия в регионе путем повышения прозрачности и создания форума для разрешения конфликтов. Однако, такие учения также служат примером гражданского контроля над военными. Турция оказывает ценную помощь в этих усилиях, благодаря своему членству в НАТО, а также этническим и языковым связям в регионе. Должны продолжаться усилия в деле улучшения антитеррористической деятельности, включая пограничный контроль. Но наиболее важно, чтобы демократизация и гражданский контроль военных стали главными целями. Должны быть реализованы образовательные программы для офицеров, включая обучение в Соединенных Штатах или Западной Европе, выездные программы и инициативы по дистанционному обучению, доступ к которым должен быть предоставлен не только для высшего руководящего состава. Хорошо обученные военные, чутко реагирующие на гражданский контроль, – надежный гарант стабильности.

Сцепление является решающей концепцией в международных отношениях и может воздействовать на внешнюю политику самым драматическим образом. Понимание концепции сцепления является решающим для эффективной и логически последовательной внешней политики. В настоящее время Соединенные Штаты потеряли свои перспективы в этой концепции. Несмотря на то, что американская помощь улучшает возможности Узбекистана по борьбе с терроризмом, она также укрепляет власть режима по контролю над своим населением и вносит свою лепту в антиамериканизм. Администрации Буша нужно понять, что современное сцепление не служит американским интересам. Вместо этого, ей нужно связать воедино свою военную помощь с политическими и экономическими реформами, таким образом, проводя более долгосрочную политику, которая продвигает свои внешнеполитические цели по демократизации, процветанию и, в конечном счете, стабильности и миру, в то же время избегая потенциального повторения иранского опыта в 1970-х годах.

Оружие массового поражения: риторика и реальность

*Рональд Хиггинс*¹

Вне зависимости от того, окажется ли ликвидация оружия массового поражения (ОМП) в большинстве стран мира, в конце концов, осуществимой на практике, сейчас действительно необходимо сократить, если не ликвидировать поток неряшливых, эмоциональных и иногда экстравагантных словопрений о нем. Такая риторика, будь то из политических, официальных источников или источников средств массовой информации, не только вводит в заблуждение и может вызвать озабоченность общественного мнения, но также может привести к неуклюжему, а подчас и опасному мышлению в самом процессе политической деятельности.

Слишком большое количество пустых разговоров затуманили тот факт, что ОМП может в огромной степени различаться по природе, размеру, надежности, системам доставки, практической военной пользе и разрушительности. Оно не является одинаковым ни по шкале, ни по природе своего воздействия. Результаты его действия на людей также не всегда или не обязательно в большей степени жестоки, чем от так называемого обычного оружия. Однако, насколько бы ни были ужасными смерти в московском театре от газа БЗ (если это был он), они не были очевидно более ужасными, чем смерть от удушья напалмом или от многочисленных рваных ран от противопехотных мин или ковровых бомбежек.

Эта статья постарается исследовать некоторые из вводящих в заблуждение заявлений, касающихся ОМП, по отношению, в частности, к Ираку и в меньшей степени к другим так называемым “террористическим государствам”, названным министром обороны США Рамсфелдом и включающим Иран, Ливию, Северную Корею и Сирию. Что бы в конечном счете ни произошло в Ираке или где-либо еще в “войне с терроризмом” (которая, скорее, необходимая международная кампания, а не “война”), потребность в тщательных различиях и трезвой аргументации об ОМП явно будет оставаться решающей для обозначения рамок внешней и оборонной политики.

¹ Рональд Хиггинс – бывший дипломат, член правления Информационной службы по международной безопасности (ИСМП). Впервые эта работа была опубликована в политических трудах ИСМП, № 85, декабрь 2002 г. и воспроизводится здесь с согласия автора.

Критиковать пустые разговоры о ОМП не значит недооценивать ни разрушительность ОМП, ни волны внушения непропорционального страха обществу, которое ОМП несет. Последнее, в конечном счете, и есть главная цель террористической кампании. Такой критицизм не игнорирует настоящие трудности, стоящие перед политиками-демократами в доведении сложных сообщений до зачастую благодушного или скептически настроенного электората. Но крайности могут сильно увеличивать скептицизм, тогда как точность должна помочь воздержаться от угроз как ОМП, так и обычного оружия в разумной перспективе вместе с полным спектром возможного ответного реагирования.

Степень осторожности в выборе языковых средств – и в логике – особенно необходима среди вспыхивающих по понятным причинам эмоций и разросшихся подозрений, последовавших за событиями 11 сентября в Америке, на Бали, в Москве и в Момбасе. Гнев, страх и ужас от самой идеи химического, биологического или ядерного нападения – все это питает слепую ненависть и подогревает аппетиты для возможного непродуманно ответного реагирования.

Нельзя просто так предположить, как думают некоторые, что Саддам Хуссейн сотрудничал с “Аль-Каедой” или с какой-либо другой террористической группой. Для этого до сих пор нет точных доказательств. Некоторые, тем не менее, склонны отрицать, то, что иракский правитель постоянно нарушал международное право, лгал насчет своего оружия и вел себя возмутительно. Автор статьи, однако, не ставил перед собой цели приводить какую-либо аргументацию о существующих военных заводах Саддама, о его намерениях или о различных краткосрочных и долгосрочных опасностях, которые он может представлять. Основная цель статьи – помочь прояснить некоторые вопросы об ОМП, которые слишком важны, чтобы оставить их неясными как в данный момент, так и в будущем. Вводящие в заблуждение заявления и инсинуации о них стали слишком частыми, особенно в контексте Ирака.

ОМП как единая категория?

Некоторые комментаторы говорят так, как если различные виды ОМП являются по существу одинаковыми. Все три вида, конечно, вызывают моральное отвращение, глубоко шокируя, и, при определенных обстоятельствах, способны привести к ужасающим смертельным потерям. Тем не менее, обобщения могут скрыть существенные различия. Все три вида так называемого ОМП могут быть малыми и большими по своему воздействию. Они могут быть высокотехничны или примитивны, хорошо или плохо управляемы. Некоторые из них чрезвычайно дороги, другие – относительно дешевы. Производство ядерного оружия требует

достаточно объемного оборудования, которое трудно будет не заметить, а также огромного количества воды или электричества, или того и другого. Некоторые виды биологического оружия, с другой стороны, могут быть произведены и на задворках пивзавода, а некоторые химические – на фабрике красок.

Что касается количества потенциальных потерь, то ядерное оружие может намного сильнее отличаться по величине и стратегическому потенциалу, чем химическое или биологическое оружие. Эти последние два типа в основном разрабатывались для тактического использования или использования на театре действий, как на поле боя (хотя СССР использовал биологические вещества на ряде стратегических ракет как дополнение к ядерному удару). Биологическое оружие потенциально способно убить огромное количество людей, если вызывает эпидемию. Однако, эпидемия оспы, например, может сильно затруднить военную оккупацию района, а также может распространиться на дружественные страны.

“Массовое поражение”

Это словосочетание “массовое поражение” звучит одновременно и угрожающе, и неопределенно. Оно могло бы звучать немного утешительнее, но химическое и биологическое оружие убивает живые существа и не разрушает вещи. Только ядерное оружие может разрушать и то, и другое. Ни химическое, ни биологическое оружие не могут уничтожить улицы, здания, энергетическую систему, военную или иную аппаратуру. Оба воздействуют таким образом, что их трудно проконтролировать или предусмотреть. Для начала, многое зависит от погоды.

Люди склонны забывать, что обычные вооружения могут уничтожить большие пространства, целые города и в процессе убить огромные количества. Град фугасных и зажигательных бомб привел к смерти 200 тысяч человек в Дрездене во время Второй мировой войны. Пули и артиллерийские снаряды за несколько часов убили 57 тысяч на Сомме. В 1994 году, по крайней мере, 800 тысяч человек были убиты в Руанде всего за сто дней в основном при помощи мачете (это было названо наиболее “эффективным” массовым убийством со времен Хиросимы и Нагасаки).

Возможно, мы должны принять терминологию, менее запутывающую, чем “оружие массового поражения”. Ядерное, биологическое и химическое оружие (ЯБХО) было бы более правильным термином (хотя в этой статье я буду придерживаться термина ОМП). Все три типа оружия до сих пор остаются ужасными, негуманными, по большей части дискриминационными и потенциально ведущими к катаклизмам. Они заслуженно носят звание первых кандидатов на выбывание, на то,

чтобы к ним было приковано самое пристальное внимание – со стороны США и Великобритании, среди других государств – для контроля над вооружениями по всему миру и окончательного уничтожения. Но имеются также и кандидаты среди обычных вооружений, такие как противопехотные мины, которые замусорили многие регионы и все еще каждый год калечат тысячи людей.

Оружие или устройства

Грубо сработанные террористические устройства, или “грязные бомбы”, как их иногда называют, могут использовать биологические или химические вещества или радиоактивную пыль, которые вызывают смерть. Их, однако, нельзя путать с оружием, которое разрабатывается, чтобы увеличить до предела точность, область распространения и разрушительный эффект, и поэтому требует совершенно иного к нему отношения.

Тип устройств, с помощью которого был распылен зарин в токийской системе метрополитена (или мог бы быть распылен цианид в лондонском метро), не является оружием массового поражения в прямом смысле этого слова. Такие устройства могут убить десятки или сотни людей одновременно, но такими могут быть и крупные авиа- или железнодорожные катастрофы. Но вряд ли они убьют десятки тысяч людей. “Грязные бомбы”, несомненно, могут быть эффективными как инструменты террора, но будут менее значительны, если мы не будем объединять их с ОМП.

Системы доставки

Некоторые люди говорят или подразумевают, что, вероятно, возможное или действительное обладание Ираком некоторыми видами ОМП (или ЯБХО) уже само по себе представляет угрозу. Это является нелепым упрощением. Конечно, Саддам производил ОМП, прятал его, а также лгал о нем и может снова так сделать. Однако одного лишь обладания недостаточно; любому возможному агрессору необходима также система доставки, способная эффективно доставить к нужной и важной цели ядерную боеголовку или соответствующее биологическое или химическое вещество. Ирак мог бы достигнуть Израиля при помощи тех немногих оставшихся у него ракет “Скад” и бомбардировщиков (и, вероятно, осуществить свою ужасную месть). Но против США или Западной Европы он мог бы использовать только ЯБХО, если вообще мог бы, имея такие средства, как коммерческий самолет или торговое судно, или, в случае некоторых террористических устройств, чемоданчик или пакет.

Национальный интерес

Не всегда обязательно, что обладание в сочетании с эффективной системой доставки достаточно для того, чтобы представлять угрозу. Чтобы начать атаку с применением ОМП на более сильную военную мощь или на мощь государств-союзников или государств-клиентов, предполагаемому агрессору также нужны сильные стимулы, так как вызванная ответная реакция может быть просто катастрофичной. Что могло бы быть главным аргументом? Это фундаментальный вопрос в данном контексте.

Его не нужно было бы изучать, если бы потенциальные антагонисты были действительно безумцами, но все подозреваемые “террористические государства”, не последний из которых Ирак, вроде бы управляются решительными – и до сих пор исключительно успешными – лидерами, сохранившими работоспособность. Ситуация могла бы быть совершенно иной, если антагонист – скажем, Саддам, должен был быть подвергнут атаке раньше других, а все его ответные возможности не были немедленно уничтожены. Он тогда мог бы решить, что ему нечего терять, предпринимая это последнее дерзкое (возможно, самоубийственное) нападение. (Это одна из некоторых причин, почему устрашение и сдерживание в большей степени, чем нанесение упреждающего удара такое длительное время является основной характеристикой оборонной политики США и НАТО).

Стабильность Ближнего Востока

Широко распространено утверждение о том, что ОМП Саддама, если будет доказано, что оно существует, угрожает стабильности Ближнего Востока. ОМП действительно может нести угрозу стабильности, если Саддам нападет на Израиль или любую другую страну этого региона. Но он не подавал ни единого знака, с момента его вторжения в Кувейт, на то, чтобы дерзнуть начать такую атаку. Уже более десятилетия он производит впечатление эффективно сдерживаемого лидера. Напротив, более сильные угрозы стабильности Ближнего Востока могут исходить непосредственно от западной, или же израильской, атаки на Ирак или на любую другую мусульманскую страну, включая Иран.

Мир в мировом масштабе

Президент Буш и президент Блэр оба сказали, что оружие Саддама также угрожает миру в мировом масштабе. Другие западные лидеры говорили о нем как об угрозе западному стилю жизни или терроризирования свободного мира. Не было предложено никаких состоятельных доводов, чтобы доказать правоту своих монументальных заявлений. В

самом деле, их экстравагантность может усилить подозрения в том, что некоторые действующие субъекты полны решимости сместить Саддама, что бы он ни делал со своим ОМП, и что совсем иные мотивы – нефть, например, – могут играть непризнанную роль.

Тирании и демократии

Широко распространено мнение, что обладание тираном ОМП автоматически уже более опасно, чем, когда им обладают демократии. Вроде бы поначалу звучит правильно, хотя это затемняет факт, что именно *использование* ОМП особенно опасно. Возьмем пример Израиля. У него 200 единиц ядерного оружия, совершенные системы доставки, и он не подпадает под действие инспекций ООН из-за своего отказа подписать Договор о нераспространении ядерного оружия. Израиль скрыто угрожал необузданным реагированием на любую форму нападения со стороны Ирака. Региональные и более широкие последствия использования Израилем, являющимся американским союзником, ОМП против любой мусульманской страны было бы, по крайней мере, настолько же серьезным, если бы Ирак использовал свои, естественно, намного более ограниченные возможности ОМП.

Не стоит даже говорить, что любое использование любого вида ядерного оружия, в частности, может нарушить жизненно важный критический уровень в мировом масштабе, который с тревогой поддерживается с 1945 года и остается бесценным сокровищем.

“Доказанная готовность действовать”

Лидеры США и Великобритании часто ссылаются на то, что Саддам “доказал”, что он готов использовать ОМП, потому что он уже делал это с иранскими войсками и со своим собственным курдским населением. Даже если бы у Саддама не было ни крупицы колебаний, ни один эпизод не может с вероятностью подтвердить, что он мог бы осмелиться использовать какой-либо вид ОМП по отношению к государствам, которые могли бы сразу и же и в большей степени ответить тем же самым. (Использование химического оружия не говорит о готовности использовать другие категории ОМП, такие как ядерное оружие, особенно против большой военной державы, противостоящей беззащитному иракскому городу).

Разоружение и смена режима

Г-н Блэр сказал, что власть Саддама в Ираке зиждется на его обладании ОМП. Это, конечно же, не так. Это следствие его безжалостного подавления инакомыслия, для чего обладание ОМП не является обязательным. Химическое оружие, которое Саддам использовал против

курдов, могло точно так же быть заменено пулями, бомбами или штыками.

Источники в Великобритании часто, а источники в США – иногда, предполагают, что лишение Саддама ОМП само собой приведет к смене режима. Если это означает, что режим Саддама автоматически падет, то трудно увидеть, почему это должно произойти. Его личный престиж, несомненно, пострадал бы, но это не коснулось бы его внутреннего правления: его силы секретной полиции и силы безопасности, естественно, продолжали бы доминировать.

В качестве альтернативы это могло бы означать, что, если Саддама доказуемо лишили бы ОМП, он мог бы в результате считаться в достаточной степени изменившимся человеком. Но надеяться на это было бы невероятно наивно: тирания и пытки продолжались бы. Этот человек не поддается изменениям. Более важный вопрос состоит в том, мог бы тогда Саддам рассматриваться в качестве гораздо менее опасного? Во всяком случае, в этом мире полно мучителей.

Как бы то ни было, 21 октября президент Буш лично заявил, что “если он (Саддам) следовал бы всем условиям Объединенных Наций, это само по себе стало бы сигналом к тому, что режим поменялся”. В качестве проявления гибкости политики Буша это заявление широко приветствовалось. Это могло также предоставить своего рода дорогу к отступлению для г-на Буша, если бы вопрос с ОМП был решен, а Саддам остался у власти.

Планы использования ОМП?

Г-н Блэр заявил, что у Саддама “имеются планы использовать” свое ОМП. Любое правительство, приобретающее ОМП, по всей вероятности, решает, хотя это и под вопросом, что такое оружие необходимо как сдерживающее средство для других обладателей ОМП. В этом же контексте, они, естественно, решали бы, при каких обстоятельствах оно может быть использовано. Великобритания, как и все другие государства-обладатели, поступила бы таким образом. Это не означает, что у Великобритании или у какого-либо другого государства “имеются планы использовать ОМП” в том угрожающем смысле, который премьер-министр, по-видимому, имел в виду.

Саддам и террористы

Саддама часто обвиняют в тайном пособничестве террористам и, следовательно, их использования для транспортировки ОМП. До сих пор не было приведено ни единого убедительного доказательства сотрудничества Ирака с террористами. Усама бен Ладен (связи которого в другими саудовскими странами являются подозрительными) относится к

светскому баатистскому режиму Ирака с презрением. Саддам, который не является исламистом, вполне бы мог относиться к таким группам с большим подозрением – как это делает президент Каддафи. В любом случае, вряд ли террористы могут считаться надежными союзниками (как их рассматривал Вашингтон во время Советско-Афганской войны).

Насколько серьезна угроза?

Вашингтон ясно выразил то, что многие оспаривают: глупо ждать, когда появится первое грибовидное облако. Это звучит здраво и реалистично, но существенным образом упрощает проблемы. Для начала, такое предложение могло быть сказано о предупреждающем ударе по любому вероятному вражескому государству, которое могло приобрести ядерное оружие, включая список г-на Рамсфелда, куда входят Ливия, Иран и Северная Корея (которая, возможно, уже имеет его). Вполне ужасающие сценарии могли бы возникнуть в некоторых – возможно, успешных – войнах с устрашающими последствиями, не в последнюю очередь, для отношений между великими державами. Это предложение также могло бы, вероятно, оправдать, например, предупреждающее нападение на индийско-пакистанской границе.

С другой стороны, международный закон справедливо разрешает самооборону, включая использование предупреждающего удара, когда угроза ясна и имеется на самом деле, а не является спекулятивной и отдаленной по своему характеру. Прямо говоря, уравнения с выбором очень сложны на правовом, а также политическом и военном уровнях.

До сих пор, что касается ядерного потенциала Саддама, по заключению “Чистой оценки” Информационной службы международной безопасности, Ирак был в состоянии приобрести достаточное количество расщепляющихся материалов из зарубежных источников и мог, вероятно, сам быстро произвести некоторые виды ядерного оружия, может быть, даже за несколько месяцев.

Ирак вполне мог сохранить или недавно приобрести некоторые потенциальные возможности в отношении биологического или химического оружия. Однако, маловероятно, что у Ирака существуют эффективные системы доставки или, исключая случай, если на него нападут первыми, военный мотив использовать любые из них, особенно если оказаться лицом к лицу с более сильным противником, таким как США или Великобритания. Здесь представляется уместным то, что министерство обороны Великобритании заявило в феврале 2001 года (“*Будущий стратегический контекст для обороны*”), что “в настоящее время Великобритания остается вне радиуса действия ракет и самолетов из

государств-распространителей”. То же самое и даже с большей долей правды можно отнести к США.

Конечно же, вероятно, существует некоторая реальная угроза для Западной Европы и США, а также других государств, от химических, биологических или радиоактивных устройств, контрабандно ввозимых коммерческим воздушным или морским транспортом. Даже простые из них могут убить сотни, а возможно, и несколько тысяч человек. Они могут быть использованы либо какой-нибудь террористической группой, либо каким-нибудь отдельным суверенным государством. Будет ли в этом последнем случае любая данная атака рассматриваться для оправдания того, чтобы немедленно прибегнуть к полномасштабной войне – или должна ли, – это зависит от чрезвычайно сложных расчетов вероятных военных, международных последствий или последствий в области безопасности.

Вслед за принятием в ноябре 2002 года Резолюции 1441 Совета безопасности, обезоруживающее нападение на Ирак может быть юридически и политически оправданно, если Ирак явно не захочет заявить об уничтожении своих ОМП, баллистических ракет и другого определенного оборудования или дать согласие на их уничтожение. Совет безопасности может тогда согласиться, что альтернативы войне нет. Консенсус этого рода, предпочтительно через вторую недвусмысленную резолюцию, мог бы, безусловно, послужить восстановлению, по крайней мере, части власти ООН и оказал бы поддержку ослабшего по другим причинам послевоенного консенсуса по многостороннему сотрудничеству в поисках мирового порядка.

Нулевая толерантность и существенное нарушение

Для окончательного решения о нападении на Саддама для Совета безопасности вопросом первостепенной важности должен стать вопрос о том, что будет составлять “существенное нарушение” иракских обязательств в соответствии с условиями той же самой резолюции. Обоснованные опасения о его возможном обладании ОМП и соответственных систем доставки не должны быть расширены до ненужных вопросов, таких как иракский огонь зенитной артиллерии по самолетам союзников в зонах, свободных от полетов, незначительные препятствия, чинимые инспекторам ООН, или мелкие неточности в иракских декларациях, скажем, о небольших хранилищах сибирской язвы. Ни одно из этих нарушений само по себе не может оправдать войну. Г-н Блэр сам верно подчеркнул, что нарушение должно быть серьезным.

С особой осторожностью нужно подходить к заявлениям типа тех, которое было сделано г-ном Рамсфелдом в сентябре, что “режим самых тщательных инспекций может столкнуться с трудностями, как до-

браться до ОМП Ирака”. Хотя и будучи правильным буквально, это заявление может создать впечатление, что оно подразумевает, что даже маленькие остатки, подозрение на них или даже негативный результат могут давать право на войну. Когда длинная иракская декларация о его возможностях была получена 7 декабря, президент Буш сразу же сказал, что она должна заслуживать доверие. Действительно. Но заслуживать доверие со стороны кого? (Или скольких членов Совета безопасности?) Тех, кто отвергает ее данные, прежде чем попытаться устранить какие-либо недостатки?

Однако, ничто из этого не подвергает сомнению явную необходимость того, чтобы Саддаму представили многие допустимо строгие требования совместно с убедительной демонстрацией силы.

ОМП, Саддам и “абсолютное зло”

Президент Буш и г-н Блэр, среди прочих, часто описывают Саддама как зло. Г-н Стро назвал режим Саддама “самым дьявольским в истории”. Саддам – это очевидно закоренелый лжец, циничный делец и жестокий деспот, который является тираном для своего народа и, бесспорно, может быть опасен для своих соседей (и для Израиля), если его не будут по-прежнему строго сдерживать.

Тем не менее, ни одно из этих обвинений не оправдывает использования демонического языка о “зле”. Эта подозрительно абсолютная концепция может породить избыточный страх в обществе, незаслуженную ненависть к невинным людям и аппетит для кровавой мести. Это может также иногда, как в случае с Насером в 1956 году, оказаться самоуничтожением, не в последнюю очередь, в результате выдвижения образа антизападного “героя” или мученика. Добавление ОМП, вменяемые в вину “террористические связи” и муки до почти сатанинской амальгамы создают присущее манихейской философии разделение мира на хороший/плохой (за нас или против нас), что усиливает интенсивность признания виновным и желание к необузданному, возможно, в конечном итоге, ядерному нападению.

Не последний по значимости, это язык зла – также неразборчиво используемый Саддамом и бен Ладеном – мешает прийти к вариантам иным, чем чистая военная сила. Кажется, что отбрасывается раз и навсегда любая дискуссия о такой альтернативе, как оказание давления, санкции, задержки, взяточничество и убеждения, не исключая подрывные и специальные военные операции, которые, если ими руководит высококвалифицированная разведка, могли бы зачастую дать более эффективный результат по силе действия. Демонический язык, напротив, может способствовать псевдорелигиозному прибежищу к тому, что может обостриться до апокалиптического разрушения.

Или/или

Г-н Блэр часто высказывает мысль, что ООН “должна что-то делать” в отношении ОМП Саддама, как будто единственно доступной альтернативой немедленному разоружению является более или менее немедленное нападение. Почему это так сейчас, но не было так в прошлые годы, остается туманным. Что за срочность существует сейчас, которая не существовала два или три года назад? Действительно ли нет возможного третьего пути?

Более широкое распространение ОМП

Понятная озабоченность, связанная с иракскими возможностями, не должна затемнять в мировом масштабе дело обуздания разработки и распространения этого оружия. Международные усилия в достижении контролируемого ограничения и значительного сокращения ОМП обязательно пострадают при одностороннем выходе из старых договоров и срыве рождающихся мер по контролю над вооружениями, таких как Протокол Конвенции по биологическому и токсинному оружию, который США помогли потопить в прошлом году. Отказы в других согласованных системах инспектирования со стороны какой-либо из держав также огорчают, включая требования США разрешить им накладывать вето на международную проверку своих химических заводов, несмотря на свою принадлежность к Конвенции по химическому оружию.

Любая попытка любого правительства разработать или опробовать новое ядерное оружие для глубокого проникновения или с любой другой целью также вряд ли поможет делу контроля над вооружениями. Многосторонний подход – вот ключ ко всем этим усилиям; не может быть законных льгот для какого-либо государства, возможно, даже очень сильного. В решающей долгосрочной борьбе за сердца и умы обвинение в лицемерии может быть особенно разрушительным. Одни и те же правила должны применяться ко всем.

Массовое поражение: активное и пассивное

Большинство общественных дискуссий об угрозах для западного общества со стороны ОМП или терроризма (или того и другого вместе) делают более туманными смущающие, но необходимые вопросы о западной терпимости к абсолютно неприемлемому погребальному звону где-либо еще в мире по менее впечатляющим причинам.

Умышленное массовое убийство неповинных граждан 11 сентября оправдывает особый вид ужаса и гнева, но мы все являемся частью (а значит, должны нести за это определенную долю ответственности) мировой системы, в которой болезни, которые можно было бы преду-

предить, убивают более двух миллионов детей в год, в основном, по причине нищеты. Более чем у одного миллиарда человек ощущается нехватка в чистой питьевой воде, что является главным распространителем инфекций. А, между тем, по сообщениям, около трехсот тысяч американцев ежегодно умирают от ожирения. Живущие с удобствами люди на Западе выказывают все более и более ярое неприятие смертей по заказу, а не упущению, в результате агрессии со стороны других, а не собственного игнорирования. Возможно, требуется некоторая переоценка наших этических точек зрения и эмоционального реагирования.

Жизнь с ОМП, терроризмом и государствами-изгоями

После событий 11 сентября, сейчас для большинства стало понятно, что мир, в котором мы живем, сложен, труден, глубоко разделен, мгновенно отражаем телевещанием и эмоционально нестабилен. Это мир, в котором наиболее непопулярным западным державам предстоит рассчитывать на то, что они останутся очень уязвимыми для необычных нападений. До тех пор, пока существуют глубокие изменения в некоторых региональных, а в действительности, глобальных условиях, многие страны, вероятно, будут подвергаться нападениям с использованием выполненными террористами устройств, если не оружия, некоторые с использованием биологических, химических или радиоактивных материалов. Иногда в этом может быть задействовано суверенное государство, поддающееся опознанию.

В ситуациях, когда это требуется, должны в полной мере использоваться все необходимые военные или другие возможности для сдерживания, обороны или нападения. Нападение для разоружения Саддама, с одобрения ООН, могло бы быть одним из них. Иногда, однако, было бы нецелесообразно прибегать к прямой войне, вместо того, чтобы использовать более избирательные действия для сдерживания, которое могло бы ограничить нанесение увечий.

Политические трудности такого заметного сдерживания очевидны. Однако, контрдействия могут быть жестоки, если их не сглаживать, и они могут быть тем более эффективными, если полностью сопровождаются серьезными – и обязательно дорогостоящими – долгосрочными усилиями в завоевании сердец и умов.

Существенное средство против уязвимости мира от терроризма и государств-изгоев должно, бесспорно, состоять не просто в строгом обуздании террористических групп и тех, кто их поддерживает, но в радикальном изменении западной (а также местной) политики к третьему миру, особенно к Ближнему Востоку. Такая политика должна оказывать большую поддержку демократическим, а не деспотическим режимам, всемерно поддерживать международное право и предостав-

лять щедрую поддержку, а следовательно, и надежду лишенным, униженным и доведенным до отчаяния. Есть лучшие оправдывающие обстоятельства для такой политики, чем уменьшение ассигнований на содержание террористов-самоубийц, но и этой одной причины может быть достаточно.

Тем временем, вульгарные предупреждения об ОМП в союзе с иногда крикливым и резко эмоциональным языком о тирании, терроризме и муках могут способствовать появлению ошибочных надежд на то, что простая ампутация сгодится там, где более точные, хотя и суровые методы лечения, были бы более конструктивными. Президент Буш назвал Саддама смертоносным диктатором, который помешан на оружии массового поражения. Похоже, эта предполагаемая навязчивая идея становится заразной. Мы должны остерегаться делать невозможное, требуя, чтобы негодяй отчитывался вплоть до каждой детали (на небольшом количестве страниц), не делал ошибок, сознавался в каждом своем обмане и уничтожил бы все до последнего пузырька.

Плохие вещи могут быть хуже, но они также могут продолжать существовать и даже развиваться. Хотя каждый случай сильно отличается от другого, мы могли бы вспомнить, что более трех тысяч людей умерли во время ирландских волнений, и большим городам были нанесены раны, но все же мирный процесс, в конце концов, оказался возможным. Точно так же, и даже в более высокой степени, этот процесс доказал свою жизненность в Шри-Ланке, несмотря на гибель 60 тысяч человек за 18 лет. Склонная к злоупотреблению, риторика об ОМП препятствует объективным взглядам о краткосрочных и долгосрочных затратах на возвратную реакцию. В любом случае, наши публичные заявления и политические дискуссии должны делать ясными, а не подтасовывать фактические реальности и различные варианты для наших решений.

Путь перехода: от прошлого к эффективным вооруженным силам

*Михаэль Х. Клеммесен*¹

В настоящее время Литва, Латвия и Эстония достигли успеха на пути к основной цели своей политики безопасности: все три страны получили предложение о членстве в НАТО на ноябрьской встрече на высшем уровне в Праге. Зрелые политические и экономические условия в этих трех, таких разных государствах обусловили естественность такого шага. В течение последних приблизительно пяти лет эти три страны также постепенно форсировали свои усилия в подготовке процесса развития своих вооруженных сил к роли в Альянсе. Эта задача не была и не будет простой. Одной из причин является то, что данная задача состояла сначала в создании сил с нуля, а впоследствии в общей реформе этих начальных структур. Вторая проблема аналогична требованию, которое актуально для всех вооруженных сил в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ): сделать их целенаправленными и экономически эффективными.

В данной статье будут рассмотрены различные ключевые аспекты потребностей реформы безопасности во всех этих государствах, тем самым одновременно будет освещена ситуация безопасности в прибалтийских странах с 1991 года, включая перспективу на будущее. Эта статья основана на наблюдениях, изучении, переговорах и участии в работе непосредственно в трех прибалтийских государствах на протяжении восьми лет, хотя с перспективой иностранца. За последние три года региональная перспектива расширилась и обогатилась в результате наблюдений и переговоров, имевших место в некоторых других странах Центральной и Восточной Европы.

Первоначальное создание вооруженных сил прибалтийских государств

В период, последовавший непосредственно за обретением независимости, создание вооруженных сил рассматривалось как неотложная задача. В течение нескольких первых лет существовало острое ощущение угрозы. Все еще имело место присутствие российских оккупационных войск, и заявления из различных источников в Российской Федерации усиливали внутренне присущую этому присутствию проблематичность.

¹ Бригадный генерал Михаэль Х. Клеммесен является начальником Балтийского военного колледжа, Тарту, Эстония.

Нужно было что-то делать, и быстро, чтобы создать способность сопротивления. Это было не просто. Необходимо было комплектовать кадры вооруженных сил. Какая-то часть была найдена среди ограниченного числа относительно неиспорченных профессионалов советских вооруженных сил. Другую часть составили кадры добровольцев национальных сил охраны, которые были созданы или воссозданы в 1990–91 годах. Последняя группа была дополнена офицерским составом, как правило, в отставке, из прибалтийской диаспоры в США или где-либо еще. Натянутые отношения между этими двумя группами и их политическими сторонниками создавали в некоторых случаях дополнительные проблемы. Никто из них не имел опыта в построении вооруженных сил и их управлении в небольших демократических государствах.

Военные силы должны были быть вооружены и оснащены. Уходящие российские вооруженные силы забирали все с собой. Поначалу ни одно иностранное государство не осмеливалось передавать в дар оружие прибалтийским государствам, и лишь немногие были склонны продавать его, опасаясь, как и все, ответной реакции со стороны России. Военная инфраструктура была умышленно разрушена уходящими русскими, и затем разобрана по частям местным населением. И то, что было разрушено, и то, что было оставлено, было очень низкого качества. То, что было изначально хорошо сконструировано в Российской империи или в течение периода независимости, было подорвано в результате плохого содержания, а то, что было создано за последние десятилетия советской власти, было еще в худшей форме.

Параллельно с созданием вооруженных сил необходимо было реформировать и возрождать национальную экономику, и государство должно было обосновывать налогообложение населения по общим проектам созданием нового “социального договора”, а также усилением законности политической системы и доверия к ее руководству. Этот процесс еще не завершен, и это было и остается далеко не очевидным, что значительная часть имеющихся в наличии ограниченных государственных ресурсов должна идти на развитие вооруженных сил. Большинство населения, как и большинство политиков, считают бесполезной попытку создания независимых сил самообороны. Максимум, что большинство считало возможным и желательным, это было обозначение национальной воли к существованию путем пограничного боя с последующими партизанскими действиями в лесах. Только возможность участия вооруженных сил в структуре НАТО могла бы обосновать высокий приоритет их развития за пределами этого базисного уровня.

Потребности реформирования по всей Центральной и Восточной Европе

Важно понять и признать то, что переход, намеченный в общих чертах в остальной части статьи, необходим для создания вооруженных сил западного типа “наилучшей практики” для выполнения различных боевых задач, которые могут возникать в период после “холодной войны”. Этот процесс может затянуться до его завершения и, возможно, займет десятилетия в большинстве случаев. Это актуально не только для государств ЦВЕ, которые стремятся и готовятся к членству в НАТО, но и для новых государств-членов НАТО, которые хотят вносить весомый вклад в Альянс и в международные операции в других структурах. Однако это также важно для государств, имеющих советское или югославское наследие, которые только хотят создать действенные, ориентированные в будущее вооруженные силы. Обозначенные реформы важны вне зависимости от того, какие основные задачи стоят перед вооруженными силами, их степени специализации и уровня предоставляемых ресурсов для создания и поддержания их структур.

Прибалтийские государства и почти все другие страны ЦВЕ находятся на определенном этапе пути в направлении к указанной ситуации. Однако страны ЦВЕ должны много сделать, пока они достигнут уровня “наилучшей практики”. Они не одиноки. Для некоторых западноевропейских государств, видимо, оказалось сложным перестроить свои военные и военно-политические модели сотрудничества в направлении, отличном от оптимизации “холодной войны”, которая была нацелена на отражение одной единственной угрозы. Необходимые реформы выходят далеко за рамки создания базовой возможности взаимодействия для обеспечения приемлемого уровня понимания английского языка кадровым составом, эффективного согласования систем технической коммуникации, а также обычной коммуникации, предоставления информации и командных форматов. Они даже выходят за рамки создания “возможности человеческого взаимодействия”, которая основана на способности признавать и понимать различные национальные и организационные культуры в достаточной степени, чтобы сотрудничать с минимальными разногласиями. Необходима глубокая трансформация структур, которая обеспечит наиболее широкий и эффективный вклад вооруженных сил, который может быть сделан на основе имеющихся ограниченных ресурсов.

Уровень военно-политического сотрудничества

Целенаправленное развитие и использование вооруженных сил государства зависит от действенного и основанного на доверии диалога между

выборными государственными политиками и официально назначенными старшими офицерами. В ситуации проведенных реформ устанавливаются следующие отношения.

Непосредственно ответственный политик, обычно это министр обороны, открыто и должным образом сообщает старшему офицерскому корпусу политические приоритеты и ограничения, которые являются определяющими для политики обороны. Он осознает, что он полностью зависит от совета своих старших офицеров, представляемых своим старшим представителем, начальником обороны, и полагается на них в отношении эффективного выполнения решений вооруженными силами. Глава оборонного ведомства понимает и согласен с тем, что его роль ограничивается советом и осуществлением. Чтобы выполнять свою роль эффективно, он должен обладать профессиональным пониманием возможностей и ограничений существующих вооруженных сил, а также потенциала развития событий, запланированных или возможных. Такое понимание может быть создано в результате сочетания профессиональной и личной зрелости, приобретенной во время длительной и разнообразной службы. Такая зрелость военнослужащего создается и поддерживается путем активного стремления к совершенствованию для соответствия условиям службы в войсках, а также путем создания положительного настроения как относительно роли, так и положения политиков, которым он служит, а также относительно ситуации в различных службах вооруженных сил под его командованием. Командующий и его коллеги должны иметь глубокое осознание того, что они должны верно служить выбранным в правительство политикам, вне зависимости от того, что они думают о них или их политике. В зрелом демократическом обществе военные руководители не имеют официальных или неофициальных прямых обязательств перед нацией.

Ситуацию реформированности генерировать не просто. Наследие прошлого состояло в том, что новые политики, пришедшие после 1989 года, с большим недоверием относились к военным руководителям и были склонны искать совета, который они хотели услышать, в обход официальных лидеров или получать его от иностранных консультантов. В некоторых случаях совет, если до этого доходило, от существующих профессиональных военных был настолько далеким от потребностей и неуместным, что впоследствии за советом к ним не обращались. С другой стороны, причиной необращения за советом в некоторых случаях могло быть то, что политик просто не считал это необходимым.

Профессиональные военные, со своей стороны, были в основном не приспособлены играть свою роль в этих новых отношениях. Очень немногие согласились с тем, что правительство, составленное из “дилетантов”, которые служили скорее партии, чем нации, может иметь

реальное влияние в вопросах национальной безопасности. Возможно, и признавалось подчинение президенту, но не “политику” из парламента. Пройдя профессиональную подготовку во время диктаторского режима, когда вооруженные силы должны были заниматься только подготовкой к тотальной войне, для старшего офицерского состава оказалось почти невозможным понять более ограниченные роли вооруженных сил и согласиться с необходимостью диалога с “дилетантами”. Чем меньше государство, тем труднее было приспособиться для бывших советских офицеров. Почти всем старшим офицерам армии и большинству офицеров военно-воздушных сил просто не хватало профессиональной глубины для создания других типов сил, чем те, которыми они были запрограммированы управлять. Также трудности создавались диктаторским и централизованным стилем управления, который мешал эффективно взаимодействовать с одаренными подчиненными.

Предпосылкой для облегчения создания диалога, основанного на доверии, однако, является то, что политики, выбранные на пост министров обороны, стремятся к развитию необходимого сотрудничества и понимают потребность в хорошем сотрудничестве. Другим очевидным требованием является то, что они, а также гражданские служащие, помогающие им, должны быть надежными, честными, скромными, способными и зрелыми личностями. Для старшего, убежденного сединами профессионала, который, по определению, готов отдать свою жизнь во имя нации, сложно будет уважать продажного, озабоченного только своей выгодой человека как своего начальника. Также не будет благоприятствовать сотрудничеству, если он постоянно будет передавать свои решения не напрямую, а через неоправданно самонадеянных, недавно нанятых молодых гражданских служащих.

В прибалтийских государствах ситуация часто оказывалась еще более сложной. Как упоминалось выше, лица из добровольческих и полувоенных сил, не имеющие никакого профессионального офицерского образования, приобретали ключевую позицию в развитии вооруженных сил. Таким образом, существовало две группы старшего военного состава, и никто из них не имел квалификации, которая хорошо подготовила бы их к соответствующей роли в военно-политическом диалоге в небольшом демократическом государстве. В этих трех государствах переход зависел от руководящих профессиональных должностей, которые занимали офицеры, получившие в основном опыт службы и образование в период после 1991 года. Полная смена поколений должна произойти на протяжении последующих нескольких лет для обеспечения надлежащего использования государственных ресурсов и эффективной интеграции в НАТО.

Во всех странах ЦВЕ для успешного переходного периода требуется

ускоренная смена поколений в руководстве, начиная со звания полковника и выше, в сочетании с резким сокращением раздутого числа офицеров высокого ранга. Хорошо организованная и обеспеченная схема выхода в отставку является, следовательно, предпосылкой для реформы.

Уровень частей

Проблемы неперестроенной структуры вооруженных сил отчетливо видны в основании структуры, на уровне частей. Ключевой задачей военной структуры мирного времени является развитие и поддержание на должном уровне высокого качества частей (батальонов, команд кораблей, эскадрилий военно-воздушных сил) в различных состояниях готовности. Первым шагом в осуществлении этой задачи является обеспечение высококачественного, профессионального и зрелого в личностном плане руководства подразделений. Структура должна гарантировать, чтобы наилучшие офицеры среднего звена проходили ротацию под руководством центрального штаба и обучали основам подчиненные им части. Это необходимо для обеспечения частей наилучшим руководством и создания профессиональной основы для дальнейшей работы в штабах высшего эшелона, военном образовании и на командных должностях. Система управления персоналом должна обеспечивать, что среди наилучших существует жесткая конкуренция за получение командования частью, при понимании того, что без успешного периода в качестве командира их карьера будет ограничена специальными областями деятельности и они не займут высоких командных постов. Однако система должна также обеспечивать, чтобы ротация между должностями в различных частях страны поддерживалась экономически, а также соображениями здравого смысла, так чтобы семьи наилучших офицеров ощущали достаточно хорошую материальную поддержку.

Часть должна характеризоваться уровнем деятельности, предъявляющим очень высокие требования, с тем чтобы обеспечить развитие офицера и его проверку как командира части. Командир должен иметь значительную свободу действий, даже если проводится постоянная оценка показателей его действий во всех сферах. В хороших западных армиях старший офицер с недавним очень успешным опытом командования частью – в армии это обычно командир бригады – выполняет ключевую роль в оценке. Поскольку будущее руководство служит в качестве командиров частей, центральные штабы поддерживают тесный контакт с подразделениями в целях обеспечения поддержки со стороны своей администрации эффективности частей.

Эта ситуация очень отличается от дореформенной ситуации в вооруженных силах Центральной и Восточной Европы. Частями в армии

командовали очень молодые офицеры, обычно это были капитаны. У них было мало свободы действий или не было ее вообще. Центр инспектировал их работу, однако у них не было абсолютно никакого влияния на развитие событий и решения в этом центре. Их жизнь и жизнь их офицеров была отражением жизни провинциального гарнизона из пьес Чехова, только без более очаровательных деталей *fin-de-siècle* (конца века). Если им везло или имелись хорошие связи, их спасало быстрое получение должности в центральной администрации или высшее военное образование. Большинство оставалось в центре, быстро становясь бюрократами или преподавателями, которые имели только слабую, очень теоретическую связь с реальной жизнью в частях, питая отвращение к самой идее когда-либо вернуться в эти части.

Усилия, направленные на создание хорошо функционирующей системы ротации в вооруженных силах ЦВЕ, часто подрываются вследствие следующих четырех факторов:

- Офицеры не видят причины, почему они и их семьи должны страдать, когда действия политиков, гражданских служащих и старших офицеров наверху и среди них в очень незначительной степени наполнены или вообще не имеют духа гражданственности или профессионализма.
- Политики и старшие командиры не хотят отпускать своих лучших и наиболее умных военных помощников в провинции.
- Очень мало или нет понимания факта, что практика более важна, чем теория в создании военной эффективности.
- В мире, где потемкинские деревни гораздо более важны, чем действительность, части не принимаются в расчет.

Уровень общевоинского формирования

Западные армии пришли к заключению, что существование основных объединенных в формирования родов войск на уровне штаб-квартир, обычно бригады, необходимо для развития офицерского корпуса в подразделениях, имеющих практическое, профессиональное понимание тактики смешанных вооруженных сил. Часть (или батальон) должна в своей обучающей программе сосредоточиться на обучении подразделений, рот, специализирующихся на развитии эффективного владения “инструментами”, органически входящих в часть. Следовательно, почти невозможно для части самой создавать и проводить реалистичное обучение для развития способности усиленного состава части эффективно действовать совместно с другими боевыми частями, частями боевого

обеспечения и частями тылового обеспечения или подразделениями. С другой стороны, также почти невозможно для центрального объединенного штаба планирования и администрирования разрабатывать и проводить реалистичную программу полевой подготовки без посторонней помощи, поскольку фокус и основная деятельность такого штаба делают его неподходящим для такого обучения. Может быть использован специальный центральный штаб по обслуживанию обучения – Армейское учебное командование, однако, вероятно, ему будет не хватать согласованной системы коммуникации и соответствующего профессионального сочетания опыта и прямой сосредоточенности на подразделении, что является неотъемлемой частью штабов формирования тактического уровня.

Большинство вооруженных сил ЦВЕ имеет штабы тактического формирования; их только нужно реформировать в отношении их фокуса и деятельности. Однако в случае прибалтийских государств это было не так. Это объяснялось тем фактом, что они начинали развитие сил с нуля и не считали важной тактику совместных действий видов вооруженных сил. Максимум, что недавно созданные силы могли бы сделать вначале против подавляющей российской угрозы, это было утверждение национальной суверенности на границе, с последующими партизанскими действиями с участием легкой пехоты и инженерных войск в лесах. Однако новая система задач НАТО относительно действий внутри и за пределами региона поставила новые профессиональные требования. Обучение офицеров на уровне частей в прибалтийских государствах страдало до сих пор от недостатка деятельности по обучению на уровне формирования. Литовский штаб бригады “Железный волк” только сейчас превращается в штаб тактического формирования. Латвийский штаб моторизованной бригады сначала существовал только в названии и в дальнейшем был упразднен. Эстонский генеральный штаб не осознавал до недавнего времени необходимость тактического штаба среднего уровня, а затем это произошло только под политическим давлением.

Все вооруженные силы ЦВЕ действительно должны понимать, что штаб тактического формирования должен рассматриваться и строиться как небольшая команда общевойсковых командиров, обладающих гибкостью и профессионализмом, действующих при поддержке оперативных дежурных, связистов, а также персонала безопасности и транспорта, взамен существующей модели, при которой штаб воспринимается только как бюрократическое управление специалистов для поддержки командующего, когда об этом отдается приказ. Эффективность тактических штабов не зависит от размера штаба в мирное время, скорее от качества и существенного в данном случае практического профессио-

нального опыта – а также способности работать в команде – его ведущего персонала. К сожалению, существует тенденция к созданию штаба путем незамедлительного заполнения офисного пространства офицерами (которые определяются как лица в форме, имеющие офицерское звание), вместо того, чтобы постепенно создавать штаб по мере накопления опыта и увеличения действительного объема работы.

Полностью укомплектованная базовая штаб-квартира тактического формирования организована как объединение небольших функциональных групп, каждая из которых состоит из пары плановиков и нескольких помощников. Группы или проводят текущие операции, или они могут вести разведку и планировать будущие операции, непосредственно следующие за ними операции или возможные варианты обстановки. Для сокращения уязвимости, а также планирования одновременно проводимых текущих операций, полностью укомплектованный штаб должен быть достаточно большим для создания двух-трех командных пунктов, укомплектованных комбинацией из этих небольших функциональных групп. Уровень комплектации также должен обеспечивать достаточное количество помощников оперативных дежурных для контроля интенсивных операций 24 часа в сутки в течение длительного периода без перерыва. Однако содержание такого большого полностью укомплектованного тактического штаба в обычных условиях обучения мирного времени ведет неизбежно к тому, что штаб “разлагается” из-за отсутствия значительной работы. Так это было в прошлом.

На Западе, только формирования типа формирований быстрого реагирования США, которые сочетают уровень интенсивных учений (как штаба высокого уровня формирования, так и со стороны формирования, проводящего обучение подчиненных частей) с постоянным планированием изменения обстановки для возможного развертывания в международном масштабе, могут избежать бюрократического разложения штаба. Во всех других случаях полностью укомплектованный штаб военного времени будет быстро деградировать в результате формализма и лени. Поэтому единственным решением будет ограничение ежедневного уровня штаба до такого, который может быть должным образом занят на уровне определенной деятельности и готовности. В британском штабе механизированной или бронированной бригады в мирное время комплектация ограничена до девяти офицеров и 27 служащих других рангов. Штаб, однако, должен будет регулярно проводить учения с увеличением числа оперативных дежурных и офицеров связи взаимодействия для должной практики оперативных действий. Такое увеличение офицеров штаба может производиться из резервных кадров или из кадров регулярной обучающей структуры. В британском случае увеличение состоит из четырнадцати офицеров (один старший офицер свя-

зи взаимодействия и тринадцать оперативных дежурных) плюс шесть офицеров, прикрепленных из частей боевого обеспечения.

Уровень центрального штаба

Другой аспект проблемы представляет ситуация в центральных, или генеральных штабах. Опыт советской организации Варшавского договора привел к созданию и поддержанию структур, которые рассматривали свою роль одновременно узко и абсолютно. По этой модели штаб должен был контролировать подготовку вооруженных сил (сухопутных сил и частей поддержки военно-воздушных сил) к войне, к тотальной войне, которая оправдывала доступ высокого приоритета ко всем ресурсам общества. Роль политиков состояла в том, чтобы обеспечить доступность ресурсов, поскольку единственная задача вооруженных сил состояла в защите будущего существования нации. В рамках этой задачи единственно необходимый военно-политический диалог заключался в том, что военные отвечали на вопросы с политической стороны, какие потребности обороны можно удовлетворить наиболее оптимальным способом. Штабы пытались охватить все аспекты связанного с оборонной планирования и управления, однако основное внимание уделялось созданию частей армии способом, не связанным с имеющимися ресурсами и теоретическими концепциями их применения в войне. Было очень мало заинтересованности в более “гражданской” административной работе по развитию в направлении эффективного использования финансов, бухгалтерского учета, материальной части и кадров, а также развитию надлежащих структур, поддерживающих материально-техническое обеспечение. Другие службы – военно-воздушные силы и военно-морской флот – были официально в подчинении центрального штаба, однако в действительности были предоставлены себе и развивались как отдельные организации.

Вместе с тем, советская бюрократическая традиция привела к тому, что эти штабы имели непомерно раздутые кадры, не имели фокуса деятельности, были абсолютно централизованы, чужды принятию решений и ответственности, не связаны в своих действиях с реальным положением дел в частях, а также больше заинтересованы в планировании и разработке концепций, чем в обучении путем претворения их в жизнь. Отношения внутри штаба и с другими органами управления и штабами в центре государства были часто затруднены в результате недостаточно четких границ ответственности, что мешало созданию и поддержанию качественного “продукта”. Если посмотреть на это со стороны, а также с точки зрения частей, то центральный штаб был очень большой группой инертных, неэффективных, заинтересованных только в своей выгоде бюрократов, отобранных скорее на основе довольно

пустых дипломов о высшем образовании, чем доказанных профессиональных, аналитических и административных способностей.

Чтобы эффективно вести и осуществлять реформы, эти центральные штабы нужно было преобразовать во всех смыслах. Конечным состоянием реконструкции должна стать прямая иерархическая сеть совместно работающих небольших групп, каждая из которых имеет четко определенную ответственность и делегированные полномочия. Это должна быть, по сути, объединенная служба, и главная функция должна состоять в планировании развития, общем управлении, а также в контроле выполнения на уровне высшей политики, при прямой поддержке начальника управления обороны и в тесном взаимодействии с министром обороны. Положение в непосредственной близости от министерства обороны будет облегчать сотрудничество и сократит вероятность продолжающегося дублирования усилий. В то же время, совместное расположение будет подчеркивать требование жесткой дисциплины в поддержании хорошего состояния штабных процедур и четких обязанностей обеих сторон. Центральные штабы нужно резко сократить в размере, уделяя внимание в большей степени качеству персонала, а не его числу, чтобы они стали более целенаправленными и эффективными.

Контроль оперативного планирования и контроль операций должен осуществляться командиром при помощи небольшого оперативного штаба объединенных видов вооруженных сил. Для минимизации дублирования действий и сокращения размера (а также увеличения эффективности) центрального штаба оперативный штаб может быть только частично отдельной организацией, расположенной близко от центрального штаба, поддерживающей объединенный штаб планирования и администрирования работой персонала, занятого чисто оперативными вопросами. Оба эти центральных штаба будут поддерживать тесную связь с ситуацией в частях при помощи регулярной ротации ведущих кадров и путем нового организационного подхода, сосредоточенного на содействии клиентам двух уровней: политических деятелей и частей. Такие гораздо меньшие компоненты штаба будут в гораздо большей степени способны вовремя предоставить высококачественные, практические «продукты».

В настоящее время очень немногие вооруженные силы ЦВЕ подошли к созданию таких небольших и сконцентрированных структур центрального штаба. Оказывается, очень трудно избавиться от идеи, что больше – это лучше и что верным решением является удержание всех полномочий и функций непосредственно под контролем одного человека и в одном штабе. В результате страдают потребители – политики и подразделения.

Проблемой является неясность в отношении роли штабов вида во-

оруженных сил. Центральный штаб был также штабом сухопутных войск, так как этот штаб рассматривался в основном как оперативный состав штаба, сосредоточенный на использовании основных вооруженных сил, армии. Если имелись военно-воздушные силы, обладающие боевой способностью, они могли быть частично интегрированы и получить соответствующий приоритет. В противном случае, военно-воздушные силы, так же как и военно-морские силы, рассматривались бы как совершенно неприменимые для действий оборонительного характера, и, следовательно, оставлены на положении сирот и развивались бы сами по себе, ведя успешную или безуспешную политическую борьбу за ресурсы. При взаимодействии с объединенным центральным штабом и объединенным оперативным штабом важной задачей отдельных служб (командир/инспектор со штабом) остается поддержка и развитие обучения и боеготовности частей, а также служить центром профессионального опыта и знаний, связанными с определенным видом вооруженных сил, который может быть использован как платформа для развития тактической структуры и методики. Чтобы не пересекаться с работой компонентов планирования структуры объединенного штаба, штабы вида вооруженных сил должны быть расположены рядом с этим центральным штабом. Такому развитию небольших сконцентрированных штабов вида вооруженных сил помешало бы создание независимого *совместного* Командования по обучению.

Если на совместное Командование по обучению возложить ответственность перед начальником обороны и общевойсковым командиром за обеспечение качества и боеготовности подразделений, то это отнимет тогда основную ответственность у старшего офицера каждой службы и снимет с учета качество экспертной проверки. Ненадежно пускаться в плавание на корабле или лететь на самолете, где обучающие установки и стандарты не отражают одновременно высокого уровня профессионализма обслуживания и ясного и обостренного чувства ответственности выпускающей организации. Развитие объединенного Командования по обучению является результатом неуместной имитации американского института вида ВС США: "ТРАДОК" (Командования военной подготовки и доктрины СВ США).

Отдельной проблемой в структурах центрального штаба является установление надлежащей системы материально-технического обеспечения. Если система материально-технического обеспечения прошла реформирование и развивалась, она обеспечит эффективную, своевременную и достаточную поддержку частей как в гарнизонах мирного времени, так и в международных операциях или в период после мобилизации. Работа будет осуществляться прозрачной системой, которая обеспечивает честность и минимизирует излишние затраты в результате посто-

янной тщательной проверке извне. Это долгий путь от хаотичных и иногда коррумпированных систем материально-технического обеспечения, оставленных как часть советского наследия в смысле неэкономных методов управления и позиции преследования собственной выгоды среди должностных лиц.

Комплектование вооруженных сил.

В вооруженных силах советского типа личный состав набирался путем призыва на военную службу в принципе всех молодых мужчин на длительный период. В таких силах личность сознательно подавлялась сочетанием коллективного давления и наказания, а также жестокой формальной дисциплиной. Срочная служба солдат носила характер ограниченного во времени рабства. Сыновья из семей привилегированных классов обычно оставались в стороне от большинства, несущего службу, проходя только обучение курса для “офицеров запаса” и лагерные сборы, которые были связаны с учебой и получением ими диплома в университетах или других высших учебных заведениях.

Постепенный отход от этой системы начался давно во многих странах ЦВЕ. Однако, если обращение с солдатами улучшилось во многих государствах, в укомплектовании вооруженных сил все еще доминирует группа призывников из менее привилегированной части мужского населения. Относительно низкая стоимость такой системы обуславливала ее продолжение, несмотря на то, что меняющийся спектр задач и требований боеготовности настоятельно указывали на необходимость изменения. В эффективных, реформированных вооруженных силах, способных проводить разнообразные операции в большей степени, нежели широкомасштабную войну, к которой готовились вооруженные силы массового призыва, стратегия комплектования личного состава должна быть совершенно другой. Это не обязательно означает, что воинскую повинность нужно совершенно отменить в пользу системы контрактников. Однако в реформированной структуре должно быть сильное присутствие кадровых сержантов и технических специалистов, а элитные части высокой степени готовности развертывания должны быть полностью укомплектованы военнослужащими регулярной армии.

Возможности набора достаточного количества молодых мужчин и женщин, годных к несению службы на высококачественном уровне, для комплектации и поддержания необходимой структуры сил дома и для развертывания могут исключить простое решение. Высокий уровень занятости молодежи делает возможной ситуацию наличия серьезных проблем с призывом. Реформированная структура комплектации могла бы – как в некоторых скандинавских странах – сочетать сильные кадры сержантов действительной службы по длительному контракту,

солдат-контрактников действительной службы высокой боеготовности и, в некоторых специальностях, требующих хорошей технической подготовки, некоторых из них как будущих добровольцев на контрактную службу после их обучения в качестве призывников. Части могут иметь сильный компонент кадров регулярного резерва с контрактами для сил высокой боеготовности; эти кадры обычно должны проходить полное обучение новобранца плюс иметь опыт прохождения службы от шести месяцев или более в международных операциях. Только части вооруженных сил, предназначенные для выполнения задачи чисто территориальной самообороны, будут иметь сильный компонент состава призывного резерва. Чтобы сделать такую систему «профессионалов через призывное обучение» работоспособной, призывное обучение должно подвергнуться основательному реформированию, чтобы регулярная служба и контракт для высокой боеготовности считались привлекательной возможностью и давали большое количество квалифицированных добровольцев.

Одним из преимуществ смешанной системы является возможность поддержки длительных дислокаций сравнительно большого количества личного состава. При помощи такой системы это можно сделать без увеличения размера постоянных вооруженных сил или без изматывания военнослужащих существующих сил из-за слишком частого их отсутствия вдали от семей. Это бремя, лежащее на семьях военнослужащих регулярных сил, было основной проблемой в некоторых европейских армиях в течение последнего десятилетия.

Однако решающим элементом является высокий процент хороших кадров регулярной армии, которые могут взять на себя постепенное пополнение и обучить его до требуемого высокого уровня. Поэтому важно, чтобы сеть набора качественного состава регулярных сил была расставлена как можно шире, включая сознательные попытки привлечения национальных меньшинств, которые представлены в Латвии и Эстонии русскоговорящими негражданами.

Система образования офицеров

Типичное образовательное учреждение, готовящее офицерские кадры, по советской традиции имело два типа профессорско-преподавательского состава, это была или военная академия, или академия генерального штаба. Ведущая группа состояла из стареющих профессоров военной науки, полковников или генералов, которые вели аспирантские или докторские исследования в данных или подобным образом организованных учреждениях и которые служили там на протяжении пятнадцати-двадцати лет. Их дополняла группа гражданских ученых в исключительном большинстве с естественнонаучным образо-

ванием. Учебная программа полного курса офицерского образования имела много уровней: рота-батальон, полк, дивизия, армия, фронт, штаб, генеральный штаб. Задачей каждого из них было обеспечить овладение правильным, с научной точки зрения, порядком командования или штабной службы этого уровня. Образование, даже самое высшее, сосредотачивалось на чисто военных вопросах, связанных с подготовкой или завоеванием победы в широкомасштабной войне, а затем передаче этого успешного результата обратно политикам. Целью образования было не столько научить профессионально думать и работать в общем смысле, сколько обеспечить, чтобы офицер имел хорошую строевую подготовку и был обучен в духе доктрины, чтобы в полной мере соответствовать будущей высокой должности. Центром внимания аспирантских программ были или естественные, или военная наука, последняя готовила будущих преподавателей, которые могли бы работать в этих учреждениях.

Система совершенно отличается от системы военного образования вооруженных сил западного типа. Здесь учебное заведение также представляет собой сочетание офицеров и ученых. Однако офицеры должны быть лицами с недавним практическим опытом службы в частях или штабах, которые могут передать дальше обновленные знания и навыки. Одни должны происходить из верхушки своего класса, быть относительно близки по возрасту к курсантам или студентам, способны эффективно действовать как профессиональные ролевые модели, и, после двух- или четырехлетнего периода в качестве преподавателей, если он был успешным, они должны вернуться в вооруженные силы для продвижения по службе. Профессионалы должны подобным же образом доминировать над группой гражданских членов профессорско-преподавательского состава высшего учебного учреждения, некоторые университетские преподаватели будут работать по контракту неполной занятости, другие – по срочному контракту, заключенному с учреждениями. Некоторые могут иметь естественнонаучное образование, но преподаватели, имеющие образование в области политических или общественных и гуманитарных наук, должны составлять самую большую часть группы. Система образования должна стремиться иметь три или четыре уровня: базовое офицерское образование, краткий курс младшего состава штаба, а также командный и штабной курс. Первый уровень будет давать молодым офицерам общую подготовку для их первого практического назначения. Второй уровень будет дополнять базовое образование и будет преподаваться всем офицерам регулярной армии. Третий уровень будет важен только для верхних десяти-тридцати процентов. Он будет строиться на профессиональных знаниях, полученных в течение приблизительно десяти лет практической службы, а

также будет стимулировать офицеров и помогать им в их самосовершенствовании в последующей карьере. Задачей курса будет углубление понимания и признания того способа, которым вооруженные силы демократического общества должны взаимодействовать с гражданскими структурами и подчиняться политическому контролю. Любое образование четвертого уровня должно обычно концентрироваться на таком специфическом вопросе, который во время проведения курса считается необходимым для подготовки членов курса для высшего командования. По их позиции в отношении общего и высшего гражданского образования офицеров общество и выбранные политики должны прийти к пониманию весьма относительной важности документов о высшем гражданском образовании для качества и преданности офицерского корпуса. Хороший демократически ориентированный офицерский корпус развивается в постоянном взаимодействии – в процессе как образования, так и службы – с гражданским обществом, которому он служит. *Очень тесные связи и постоянное взаимодействие между военной и гражданской, а также политической сторонами делают исключительность области “военной науки” – но не профессионального знания – бессмысленной.* Две структуры, их цель и их продукты не могут более быть разными, и структуры советского типа по внедрению доктрины должны быть основательно изменены и реформированы для поддержки их дальнейшего развития.

В отношении офицеров генерального штаба

Система развития, образования и обучения офицеров отражает основные различия в том, каким видится идеальный офицер генерального штаба и каковы уровень и характер представителя интеллектуальной элиты военной службы. В правильно организованных вооруженных силах идеален офицер с основательной подготовкой в смысле практической службы. Такая подготовка при взаимодействии с теоретическим обучением и зрелой личностью создает целостно мыслящего общевойскового командира, обладающего глубоким чувством ответственности по отношению к оборонным задачам. Он/она имеет хорошо развитую тенденцию и способность думать и анализировать нестандартно и представлять полученные данные вне зависимости от их популярности, оставаясь в то же время преданным и эффективным исполнителем любого решения, принятого командующим. Он/она должен активно стремиться к самосовершенствованию и результатам, нежели к привилегии, а также должен тесно взаимодействовать с подразделениями, так как видит смысл своей работы в их структуре. Характер личности и образование коренным образом отличаются от типа офицера генерального штаба советского типа, который мыслился как специалист длительной

службы, ожидавший приказов к действию, даже если результаты были очевидно рутинными. Не предполагалось, чтобы офицеры думали или действовали без разрешения, по сути, они являлись в основном “техническими работниками штаба”.

Система управления личным составом

В обычных вооруженных силах хорошего качества существует ясная и общепризнанная связь между званием и должностью, с одной стороны, и квалификацией, с другой. В основании системы управления кадрами лежит четкое определение образования, практического опыта, возраста и личными требованиями для каждой единицы кадрового состава и должности специалиста в структуре мирного времени и полностью мобилизованных вилах. С тем, чтобы соответствовать этим требованиям, производятся комплектация и официальное обучение, а отдельные лица проходят ротацию по различным должностям и практическому опыту. Независимые органы отбора, которые должны исключать покровительство, управляют системой оценки личного состава, которая направлена на создание объективной картины развития каждого члена кадрового состава или специалиста. Заработная плата и социальная система должны обеспечивать, чтобы ротация по должностям – необходимая для создания практического профессионализма в кадрах – происходила без ущерба для благосостояния и согласия в семьях военнослужащих. Система выхода в отставку гарантирует, что вооруженные силы не будут вынуждены держать у себя лиц, которые не соответствуют текущим или предусматриваемым требованиям по кадрам и специалистам.

Такая система, возможно, существовала в вооруженных силах ЦВЕ одно или два поколения назад, но общее развитие общества, вероятно, стало причиной того, что внимание к этому было утрачено. Поэтому надлежащая система должна быть разработана с нуля, включая целенаправленные, ориентированные на западный тип понимание образования и предпосылки службы, а также личностные требования по каждой должности. Система оценки и отбора должна быть полностью реформирована во избежание покровительства и создания клиентуры. Отбор должен быть основан на продемонстрированном высоком качестве. Должна обязательно проводиться и поддерживаться ротация, так же как и ранний уход в отставку. Система должна обеспечивать правильное сочетание относительной молодости и практического профессионального опыта во всей структуре. Должно существовать равновесие между количеством офицеров, получивших базовое офицерское образование, и должностями, в основном командирами взводов и другими младшими офицерскими должностями, где можно получить практический опыт. Без системы, основанной на продвижении и занятости по

принципу доказанного качества, офицерский корпус останется ареной борьбы, где будут доминировать лояльность и покровительство, связанные с отдельными личностями и политическим маневрированием между кликами.

Заключение

Переход к эффективным вооруженным силам западного типа “наилучшей практики” позволит достичь следующих результатов:

- военно-политическое сотрудничество с военным руководством, которое сочетает глубокий и обновленный профессиональный фундамент с признанием и пониманием своей роли в отношении политического руководства своей страны;
- смену поколений в очень сократившейся в настоящее время группе старших офицеров;
- существование действительно профессионального офицерского корпуса, управляемого системой управления кадров, которая нацелена на абсолютную честность, устанавливает высокий приоритет службы в подразделениях, а также требует и поддерживает ротацию ведущих кадров офицерского состава каждые два или три года;
- глубоко укоренившегося в структуре центрального штаба понимания того, что их основная задача – это развивать и поддерживать эффективность подразделений с учетом важности контекста уровня тактического формирования в армии;
- резкого сокращения и целенаправленности структур центрального штаба;
- существования начальников/инспекторов вида вооруженных сил, которые имеют четкие полномочия перед командующим объединенных действий и через него перед главой обороны в отношении качества частей;
- реформированной системы комплектации, адаптированной к размеру и задаче вооруженных сил;
- реформированной и прагматичной структуры офицерского образования;
- динамичного корпуса генерального штаба, где доминируют офицеры, обладающие способностью и моральной смелостью думать

и обсуждать вопросы нестандартно, а также – пониманием политического и профессионального руководства, что имеет решающее значение в демократическом обществе.

И последнее: взгляд на Запад

Некоторые элементы рассмотренных выше проблем развития также важны для многих континентальных стран Западной Европы. В течение последнего полувека их вооруженные силы развивались строго в рамках конфронтации Восток-Запад. Это определяло все структуры, все мышление, все образование и обучение.

Когда задача вооруженных сил была определена в течение 1950-х годов, существующая организация обороны могла быть и была передана политиками профессиональным военным под руководством начальников управления обороны. Не было необходимости в постоянном и тесном взаимодействии между министром обороны и начальником управления обороны, за исключением вопросов будущего бюджета, отношений с партнерами по альянсу (для членов НАТО), длительностью военной службы по призыву и роли национальных оборонных промышленных предприятий. Поэтому не было необходимости в сопряженных и интегрированных действиях сотрудников министерства и штаба обороны, и министр обороны обычно считался одним из младших постов в правительстве. Потребность в тесном взаимодействии между политическими лидерами и органами обороны во время кризиса и войны была, однако, осознана в результате ракетного кризиса на Кубе в 1962 году. Это нашло воплощение в специальных межминистерских и межведомственных контактных группах, однако ежедневное взаимодействие было слабым.

Вооруженные силы специализировались на предусмотренных задачах “большой войны”, сосредоточившись на территориальной самообороне и укреплении территориальной обороны пограничных государств. Силы зависели от глубокой мобилизации гражданских ресурсов, включая резервные кадры и другие людские ресурсы, и эффективность расширенных сил зависела от основательного всеобщего насаждения доктрины как в регулярных, так и резервных кадрах. Задача, существующая территория, где должна вестись оборона, и имеющиеся вооруженные силы были известны заранее. Даже противник, как предполагалось, был хорошо известен, включая его обычное тактическое и оперативное обучение. Когда “холодная война” стала рутинной в начале 1970-х годов, подготовка в борьбе за свободу и выживание стала менее насущной. Задачей вооруженных сил стало, прежде всего, внесение вклада в сдерживание нападения. Во многих вооруженных силах Западной Европы это привело к застою в профессиональных исследованиях и дискуссиях, а затем в структуре вооруженных сил и развитии доктрины. Кадры ре-

гулярной армии получили права и условия службы, которые отражали права и условия гражданского окружения, а не потребности выбранной ими профессии. Необходимость независимого профессионального мышления ослабла как в профессиональном образовании, так и прохождении службы офицеров регулярной армии. Служба в миссии ООН была единственным существовавшим источником нестандартного оперативного опыта. Однако, поскольку эти операции часто проводились в условиях стойких конфронтаций низкой интенсивности, не были престижными и руководствовались неизменными “Стандартными оперативными процедурами”, служба здесь не вдохновляла для профессионального развития.

Это привело к ситуации, когда многие военные структуры Западной Европы столкнулись с проблемами, такими как:

- Отношения между политическим и профессиональным руководством должны быть адаптированы для отражения потребностей проведения и управления текущими и (в военном смысле так же, как и в политическом) рискованными операциями. Комбинация слияния министерства и штаба обороны и создание национального штаба объединенных операций показала свой потенциал для координации политического и военного руководства, давая в то же время возможность для интеграции всех релевантных объединенных знаний в профессиональном окружении.
- Оперативные силы должны быть организованы как гибкие “наборы инструментов”, элементы которых оснащены и должным образом используются во взаимодействии между собой и силами из других государств.
- Даже задача обороны национальной территории от угрозы рассматривается как комплексная задача, требующая гибкости как в прямом реагировании, так и расширении сил, а также способности эффективно сотрудничать с другими органами своего и других государств.
- Образование кадров армии действительной службы должно развивать стремление и способность адаптировать использование имеющегося личного состава и оборудования к насущной задаче и ситуации, а если необходимо, то и без руководства свыше. Это требование относится как к командиру взвода, командующему на своем уровне отрядом в операции реагирования на кризисы, так и к командующему целевой оперативно-тактической группой, взаимодействующему с политическим руководством в подготовке новой задачи. Образование и обучение должны развивать понимание

силы и слабости различных военных инструментов в различных условиях, а не давать готовый набор соответствующих доктрине типов реагирования.

Парадокс здесь заключается в том, что эти проблемы в некоторых областях аналогичны проблемам, которые определяют необходимость реформирования в государствах ЦВЕ. И никто из нас не может позволить себе благодушия в этих вопросах.

“Мозговые центры” и транснационализация внешней политики

*Джеймс Дж. МакГанн*¹

Мы живем в бурные времена, где постоянны только изменения, в которых то, о чем нельзя было и помыслить ранее, становится жестокой реальностью, и где линия между внутренней и внешней политикой все более стирается. Перспектива и опасность глобализации трансформировались в то, каким образом мы видим международные отношения, и открыли процесс политической деятельности для нового набора действующих субъектов, программ и результатов. Международные отношения были когда-то исключительно областью дипломатов, государственных чиновников и государств. Но сегодняшние политики при формулировании внешней политики должны считаться с разнообразным набором международных действующих субъектов, который включает такие организации, как “Си-Эн-Эн”, “Аль-Джазира”, “Международная кампания по запрету противопехотных мин”, “Гринпис”, “Дойче Банк”, “Аль-Каеда”, “Ассоциация азиатских государств” (АСЕАН) и “Организация стран-экспортеров нефти” (ОПЕК). Хотя эти организации и не были рождены глобализацией, они уполномочены ею. Если посмотреть на простой факт, что в 1950 году было лишь пятьдесят национальных государств и ограниченное количество межгосударственных и негосударственных организаций, действовавших в мировом масштабе, начинаешь понимать сложность и уникальность вызовов, с которыми сталкиваются политические деятели, пытаясь формировать эффективную внешнюю политику. Вызовы для политиков США даже более устрашающие, учитывая статус Америки как супердержавы, глобальные обязательства и спектр транснациональных действующих субъектов и вопросов, с которыми США сталкиваются ежедневно.

В этом все более сложном, независимом и информационно богатом мире, правительства и отдельные политики сталкиваются с обычными проблемами, связанными с тем, как наилучшим образом довести знания экспертов, чтобы такие знания были понятны при принятии правительственных решений. Политикам нужна базовая информация о мире и об обществах, которыми они руководят, о том, как действуют современные политические курсы, о возможных альтернативах и об их вероятных затратах и последствиях.

¹ Джеймс Дж. МакГанн является старшим научным сотрудником по иностранным делам Института политических исследований, Вашингтон, США.

Для политических деятелей многих странах это вовсе не дефицит информации, а, наоборот, лавина информации и документов, с которой им и правительственным чиновникам приходится сталкиваться. Действительно, политики зачастую завалены таким количеством информации, которое они не в состоянии использовать: жалобы от избирателей, отчеты из международных ведомств или гражданских общественных организаций, советы государственных чиновников, позиционные документы от лоббистов и заинтересованных групп, а также изложение проблем в современных правительственных программах в популярных и элитных средствах массовой информации. Проблема состоит в том, что эта информация может быть бессистемной, ненадежной и/или искаженной в интересах тех, кто ее распространяет. Некоторая информация может быть настолько технически сложной, что политики, не имеющие технического образования, не могут понять или использовать ее. Некоторая информация может не представлять практического интереса, с политической, финансовой или административной точек зрения, или же работать против интересов тех политиков, которые должны принимать решения, основанные на информации, которую они считают более или менее компетентной. Другая информация может быть бесполезной, потому что слишком отличается от общепринятой точки зрения или идеологии тех, кто ее получает. В развивающихся странах и странах переходного периода, с другой стороны, основные данные, необходимые для того, чтобы принять проинформированное решение, часто просто отсутствуют и должны собираться, анализироваться и оформляться таким образом, чтобы их смогли использовать парламентарии и государственные чиновники.

В политике информация больше не переводится во власть, если она не представлена в нужной форме и в нужное время. Правительства и лица, формирующие политику, зачастую прилагают усилия, чтобы “схватить” момент, потому что правые общественные и политические силы объединяются в союзы или потому что кризис заставляет их предпринимать действия. В обоих случаях они часто действуют быстро и принимают решения, основанные на информации, которая имеется у них в наличии и которая не всегда ведет к наиболее осведомленной политике. Короче говоря, политическим деятелям и другим лицам, заинтересованным в процессе формирования политики, требуется своевременная, понятная, надежная, доступная и полезная информация.

Имеется много потенциальных источников для такой информации, включая правительственные ведомства, университетских ученых, исследовательские центры, коммерческие консультационные фирмы и международные агентства. Но в различных странах по всему миру политики и государственные чиновники и лица их уровня все более обра-

щаются со своими потребностями к специализированной группе учреждений. Независимые организации в области исследований и анализа общественно-политических отношений, широко известные как “мозговые центры”, удовлетворяют ненасытные потребности политиков в информации и систематическом анализе, относящемся к политике. Этот информационный императив привел к созданию первых “мозговых центров” – Королевского института международных отношений (1920), Фонда Карнеги за международный мир (1910), Кильского института мировой экономики (1914) и Института Брукинга (1916) – в первой половине 20-ого столетия и продолжает оставаться на сегодняшний день ведущей силой в быстром увеличении исследовательских организаций в области общественно-политических отношений. Движение международного гражданского общества также помогло в стимулировании интереса к “мозговым центрам” как к альтернативному источнику информации по актуальным международным, национальным и местным проблемам и как к потенциальному критику политических курсов национальных правительств и международных организаций; источнику, который может говорить объективно и независимо как о правительстве, так и о деловом сообществе.²

Большую часть 20-ого столетия “мозговые центры” в области общественно-политических отношений, проводившие исследования и предоставлявшие консультации по вопросам государственной политики, представляли собой организационное явление, характерное в основном для Соединенных Штатов. Также небольшое их количество было в Канаде и Западной Европе. Хотя “мозговые центры” и существовали какое-то время в Японии, они обычно характеризовались отсутствием независимости, налаживанием тесных связей с правительственными министерствами или корпорациями.³ Однако, в недавнем прошлом, в 1980-х годах, началось настоящее разрастание “мозговых центров” по всему миру как результат сил глобализации, окончания “холодной войны” и появления транснациональных проблем. Две трети всех “мозговых центров”, которые существуют на сегодняшний момент, были основаны после 1970 года, а более половины из них – после 1980 года.

Воздействие глобализации на движение “мозговых центров” с наибольшей очевидностью проявилось в таких регионах, как Африка, Восточная Европа, Центральная Азия, определенные регионы

² См. James G. McGann and Kent R. Weaver, eds. *Think Tanks and Civil Societies: Catalysts for Ideas and Action* (New Brunswick, NJ: Transaction Publications, 2000); см. также Jeffrey Telgarsky and Makiko Ueno, “Introduction: Think Tanks and a Changing Japan,” в *Think Tanks in a Democratic Society: An Alternative Voice*, ed. Telgarsky and Ueno (Washington, DC: The Urban Institute, 1996), 3.

³ Telgarsky and Ueno, “Introduction,” 2.

Юго-Восточной Азии, где со стороны международного сообщества были предприняты согласованные действия по поддержке создания независимых исследовательских организаций в области общественно-политических отношений. Недавнее исследование, проведенное “мозговыми центрами” Исследовательского института внешней политики и Программой гражданских обществ, подчеркивает значимость этих усилий и документирует факт, что большинство “мозговых центров” в этих регионах были образованы за последние десять лет. На сегодняшний день по всему миру насчитывается более 4500 таких учреждений. Многие из большинства “мозговых центров”, основанных во время “холодной войны”, концентрируют свое внимание на международных делах, исследованиях в области безопасности и внешней политике.

“Мозговые центры” существуют почти в каждой стране с населением свыше нескольких миллионов человек, и в которых есть, по крайней мере, хоть толика свободы. Большую часть 20-ого столетия подавляющее большинство “мозговых центров” находилось в Соединенных Штатах, но сейчас впервые за историю количество “мозговых центров” за пределами США превышает их количество в США.⁴ В настоящее время “мозговые центры” функционируют в самых различных политических системах, они задействованы в широком спектре деятельности, связанной с политикой, и представляют собой разнообразный комплекс учреждений, имеющих разносторонние организационные формы. И хотя все “мозговые центры” выполняют одну и ту же основную функцию – т.е. донести знания и опыт до процесса формирования политики – не все “мозговые центры” обладают одинаковой степенью финансовой, интеллектуальной и правовой независимости. Перед всеми “мозговыми центрами” стоит сходная задача: как достигнуть полной независимости и сохранить ее, чтобы свободно говорить “власти правду”.⁵

Принимая во внимание сравнительные различия в политических системах и гражданских обществах, я разработал следующие категории, которые пытаются охватить полный спектр “мозговых центров” по всему миру на сегодняшний день. В Соединенных Штатах можно найти любое разнообразие организаций, занимающихся общественно-политическими вопросами, хотя в остальном мире прослеживается тенденция к более ограниченному спектру и разнообразию “мозговых центров”. “Мозговые центры” за пределами Соединенных Штатов подраз-

⁴ Согласно недавним данным, полученным Программой “мозговых центров” и гражданских обществ Исследовательского института внешней политики, в мире насчитывается более 4500 “мозговых центров”, приблизительно 1500 из которых находятся в Соединенных Штатах.

⁵ Aaron Wildavsky, *Speaking Truth to Power: The Art and Craft of Policy Analysis* (Boston: Little, Brown and Co., 1979).

деляются на три основные категории – действующие на базе университетов, на базе правительства и на базе политических партий – и в основном не характеризуются той степенью свободы, которую имеют их американские коллеги.

Независимо от своей структуры, “мозговые центры” стали постоянной частью политического ландшафта в такой степени, что сейчас они являются составной частью политического процесса во многих странах. “Мозговые центры” различных видов выполняют разнообразные функции, включая следующие:

- выполнение исследований и анализа по политическим проблемам;
- предоставление консультаций по злободневным политическим вопросам;
- оценку правительственных программ;
- интерпретацию политических курсов для электронных и печатных средств массовой информации, таким образом способствуя общественному пониманию и поддержке политических инициатив;
- содействие построению “проблемных сетей”, задействованных в различном наборе политических действующих субъектов, которые собираются вместе на специальной основе по определенным политическим вопросам или проблемам;
- предоставление ведущих специалистов для правительства.

Хотя появление “мозговых центров” не всегда воспринималось политическим руководством как истинное благо, “мозговые центры”, тем не менее, имели в большей степени позитивное, чем негативное влияние на политический процесс. Это с особой очевидностью проявляется в развивающихся странах и странах переходного периода, где “мозговые центры” служили катализатором изменений, помогавших преобразовать политический ландшафт и создать резонирующее гражданское общество.

Хотя исторические и политические традиции во многих регионах мира сильно отличаются от традиций Соединенных Штатов, и хотя каждая страна имеет свой собственный набор политических проблем и потребностей, из американского опыта можно извлечь некоторые полезные уроки. Истоки культуры “мозговых центров” зиждутся на традициях, заложенных во времена американской прогрессивной эпохи, традициях корпоративной филантропии, резкого различения законодательной и исполнительной власти, слабых политических партиях, общественной приверженности к открытости и независимости и склонности

общества и избранных им чиновников доверять частному сектору в его взаимодействии с правительством и предоставлении правительству помощи. Эти факторы присоединились к сегодняшнему практическому отсутствию барьеров для политических аналитиков, идеологов и предпринимателей, желавших вступить на рынок идей и внести свой вклад в процесс формирования политики. В конечном счете, “мозговые центры” заняли свое видное положение, потому что они воспринимаются как организации, которые могут сделать то, чего не могут государственные бюрократии.

Более конкретно, “мозговые центры” рассматриваются как организации, которые должны:

- быть более эффективно ориентированными на будущее, чем правительственные научные функционеры, которые работают в обстановке, где попытки творческого раскола редко вознаграждаются;
- наиболее адекватно обобщать заново сконфигурированные политические повестки дня, в то время, как бюрократии преуспевают в обстановке, максимально обезопасившей себя стандартными оперативными процедурами;
- быть в большей степени способными содействовать сотрудничеству между различными группами исследователей, работающих для общей задачи, так как у них нет постоянно сильной заинтересованности в какой-либо одной области.

Более того, они способствуют интеллектуальному синтезу, который приходит на смену разрушающимся бюрократическим барьерам, так как они:

- более способны, чем правительственные ведомства, распространить соответствующие политические исследования внутри правительства и на внешнем уровне – политической элите, средствам массовой информации и общественности;
- лучше подходят для работы со злободневными и острыми вопросами глобальной политики;
- более способны созывать и задействовать для работы посредников в процессе формирования политики;
- более способны “сжимать” политический процесс, сокращая расстояние от сбора данных до выработки знаний/политического курса;

- более способны видеть средства для реализации, чем правительственные чиновники, которые внутренне могут быть разделены на сегменты на уровне отделов или области специализации.

Несмотря на попытки некоторых ученых или политиков подвергнуть сомнению способность перенести стиль американских “мозговых центров” на другие регионы или страны мира, многие политики и гражданские общественные группы со всего земного шара стремятся создать поистине независимые, свободно функционирующие “мозговые центры” для помощи своим правительствам. Таким образом, несмотря на то, что способность переноса модели Института Брукинга, Корпорации “РАНД” или Фонда “Наследие” на другие страны и политические культуры может подлежать дебатам, потребность и желание скопировать независимость и влияние этих институтов, которые они имеют, не вызывает сомнений.

Транснационализация движения “мозговых центров” зачастую поощряется и финансируется Международным донорским сообществом и частными фондами в Соединенных Штатах, Европе и Японии. Вместе с международным потоком финансирования произошла интернационализация персонала “мозговых центров”. Программы, подобные тем, которые ведутся в Институте Брукинга, Фонде Карнеги за международный мир, Национальном институте по содействию исследованиям, Международном центре ученых имени Вудро Вильсона, Германском фонде Маршалла, Экономическом исследовательском фонде “Атлант” и в других организациях, предоставляют возможности для сотрудников “мозговых центров” и университетов в развивающихся и переходных экономиках приезжать и консультироваться со своими коллегами, чтобы они могли обмениваться информацией и идеями о международных проблемах и научиться на практике, как наилучшим образом создать и поддерживать независимую общественно-политическую организацию.

“Мозговые центры” в Соединенных Штатах также активно вовлечены в процесс командирования своих ученых, экспортирования направлений политического анализа и организационных структур в другие страны. “Городской институт”, Фонд “Наследие”, Исследовательский институт внешней политики и Институт Гудзона активно содействуют распространению своих подходов к политическому анализу группам в Африке, Азии, Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе. “Городской институт”, Фонд Карнеги и Фонд “Наследие” пошли еще дальше, организовав свои зарубежные филиалы.

Успехи, сделанные в информационных системах и телекоммуникации, существенным образом расширили спектр и воздействие сотрудничества между учреждениями и учеными. Двусторонние и многосто-

ронные обмены становятся ежедневной реальностью, так как технологические успехи позволяют сотрудникам “мозговых центров” общаться и работать более эффективно, когда их не сдерживают международные границы. Интернет позволяет “мозговым центрам” по всему миру связываться друг с другом таким образом, который был невозможен еще несколько лет назад. Мировые форумы, конференции и дебаты сейчас проводятся на регулярной основе по электронной системе “Уорд Уайд Веб”. Совместные исследовательские проекты с привлечением ученых из двадцати или более стран сейчас стали обычным явлением. Недавно такие учреждения, как Программа глобальной политики Фонда Карнеги за международный мир, Глобальная сеть развития Мирового банка, Глобальная сеть государственной политики Организации Объединенных Наций и Программа “мозговых центров” и гражданских обществ Исследовательского института внешней политики, организовали партнерство с “мозговыми центрами” по всему миру в попытке создать глобальные сети, которые будут анализировать вопросы глобального характера, попытку придать форму внешним политическим курсам, а также влияние программ и приоритетов международных учреждений. Кроме того, достаточное количество региональных сетей было создано в Европе (Сеть политики переходного периода, сеть Ассоциации трансъевропейских политических исследований и сеть “Партнерства ради мира”), в Азии (сеть Ассоциации института государств Юго-Восточной Азии), в Африке (сеть Фонда построения африканских возможностей) и в Латинской Америке (сеть Фонда “Атлант”) для достижения схожих целей.

Быстрое разрастание за последние два десятилетия исследовательских организаций, занимающихся вопросами государственной политики, было подобно взрыву. Не только возросло количество этих организаций, но также существенно расширились масштаб и воздействие их работы. Но до сих пор потенциал “мозговых центров” в оказании поддержки демократическим правительствам и гражданским обществам по всему миру далеко не исчерпан. Вызов нового тысячелетия состоит в том, чтобы использовать широкое хранилище знаний, информации и энергии ассоциаций, которыми обладают исследовательские организации, занимающиеся вопросами государственной политики, в любом регионе мира. Важно, чтобы Госдепартамент США и другие международные ведомства правительства США предприняли срочные шаги для работы с “мозговыми центрами” или через них, чтобы помочь разработке и поддержанию глобальной сети политических институтов, которая будет простираться на физические, политические и дисциплинарные границы в поиске решений некоторых возникающих и длительных политических проблем нашего времени.

Оказание воздействия: “мозговые центры” и дебаты о расширении НАТО

Рональд Д. Асмус¹

В эволюции внешней политики США существуют моменты, когда “мозговые центры” имели решающее влияние в придании новой формы избитым суждениям и в закладке нового курса по какому-либо ключевому стратегическому вопросу. Дебаты о расширении НАТО в начале 1990-х годов были одним из таких моментов. “Мозговые центры” США играли ключевую роль в развитии и строительстве поддержки в решении США расширять НАТО как часть более широкой стратегии преодоления разделения Европы со времен “холодной войны” и строительства Европы единой, свободной и живущей в мире. Это был драматический период. Крушение коммунизма в Центральной и Восточной Европе в 1989 году и распад самого Советского Союза двумя годами позже, также оставили после себя вакуум в том, что касается западной политики в регионе. Демократические революции 1989 года в Центральной и Восточной Европе по большей части застали Запад врасплох, но даже несмотря на то, насколько эти революции были желанны, они ниспровергли многие из основных положений, которыми до этого руководствовалось западное мировоззрение и политика.

Происходящие события опережали способность многих политиков пересмотреть свои парадигмы. Западные правительства и государственные чиновники порой не поспевали за изгибами истории – и они знали это – и в каком-то смысле были жертвами нашего собственного успеха. В конфронтации между Востоком и Западом коммунизм удалось ниспровергнуть без кровопролития, но Запад не был готов ни политически, ни интеллектуально выработать новое видение такого типа Европы в период после “холодной войны” и трансатлантические взаимоотношения, которые требовались в будущем. Какова была цель НАТО в мире без коммунизма и советской угрозы? Эти вопросы вызвали одни из самых страстных и непримиримых внешнеполитических споров в США в 1990-х годах. Проблема состояла не только в том, будет ли расширение НАТО включать Центральную и Восточную Европу, этот вопрос во многом был только верхушкой айсберга. Политиков также волновало и то, какая это будет Европа и какие американо-европейские отношения США должны выстроить в новой эпохе. Результатом стали некоторые

¹ Д-р Рональд Д. Асмус является старшим научным сотрудником по трансатлантическим вопросам, Германский фонд Соединенных Штатов имени Маршалла.

наиболее далеко идущие изменения на целые десятилетия в стратегии США и НАТО. Целесообразно посмотреть на общую перспективу этих дебатов, сначала глазами аналитика “РАНД”, затем – в качестве заместителя помощника госсекретаря в Европейском бюро, и затем – как старшего научного сотрудника Совета по внешним сношениям.

Почему “мозговые центры” играли такую ключевую роль в этих дебатах? На это было несколько причин.

Во-первых, в начале 1990-х годов по обе стороны Атлантики существовала сильная потребность в свежем и нестандартном мышлении, и у правительств часто не было возможностей для этого. Работа с революционными изменениями и приход новых интеллектуальных парадигм не были естественными сильными сторонами государственных аппаратов. Это было не потому, что люди, работающие внутри системы, менее одаренные, а потому, что они должны вырабатывать согласованные мнения, они порой очень неохотно идут на риск или же просто перегружены краткосрочными оперативными вопросами или задачами. Намного легче думать глобальными категориями или нестандартно, когда не находишься внутри системы и работаешь в каком-нибудь “мозговом центре”, где структура поощрений очень разнообразна. В ремарке бывшего госсекретаря Генри Киссинджера отмечалось, что свой интеллектуальный капитал нужно накопить до прихода в правительство, потому что потом, к сожалению, как показывает практика, когда работаешь в государственном аппарате, этот капитал только истощается.

Во-вторых, в начале 1990-х годов первоначальные попытки американского правительства взять на абордаж эти вопросы, оставили за собой серьезные разногласия. Многие действующие лица в правительстве США обращались за информацией и анализом к внешним консультантам. В некоторых случаях это делалось просто для дальнейшей разработки своих собственных дел. В других – это отражало попытки найти новые пути в преодолении существующих различий в межведомственном процессе. В итоге, руководящие должностные лица США активно и во все возрастающей степени тянулись к “мозговым центрам” и привлекали их к работе в обычно закрытых межведомственных дискуссиях.

В-третьих, некоторые “мозговые центры” смогли нажить себе капитал на этих возможностях, предложив некоторые уникальные средства решений. В начале 1990-х годов “РАНД”, находящийся в Санта-Монике, обладал одним из самых сильных составов экспертов по европейской безопасности за пределами правительства США. Кроме тесных рабочих отношений с различными службами правительства, у него были также отличные контакты в Западной, Центральной и Восточной Европе, а также в России. Совместно с Национальным оборонным университетом и Атлантическим Советом он был одним среди первых “мозго-

вых центров”, которые работали с новыми демократиями Центральной и Восточной Европы. Действительно, германское руководство, а также различные правительства Центральной и Восточной Европы обратились к этим учреждениям за аналитической помощью в разработке новых политических курсов. Это предоставило аналитикам “РАНДа” возможность доступа и взгляда изнутри в отношении образа мыслей в Вашингтоне и в обеих частях Европы; такие возможности имели очень немногочисленные посторонние.

Но только одного доступа недостаточно. В эпоху, когда работа и анализ некоторых “мозговых центров” становятся все более узкопартийными и политическими, важно подчеркнуть, что такие учреждения, как “РАНД”, имели успех именно потому, что они делали много дополнительной работы, чтобы остаться аналитическими и объективными. Они были способны дать занятым и перегруженным работой ответственным политикам именно то, в чем они больше всего нуждались: рамки и методы размышлений над проблемой, а также набор вариантов, с полным списком всех “за” и “против”. В Вашингтоне не счесть альтернативных политических взглядов, но таких исследовательских работ, которые предоставляли бы новые аналитические рамки очень и очень мало. Например, наиболее успешной аналитической работой “РАНДа”, выполненной во время дискуссии о расширении НАТО, были не обзоры, политические комментарии или другие пропагандистские работы, написанные индивидуальными лицами. Скорее, это была серия аналитических брифингов, которые исследовали альтернативные логические обоснования для расширения Альянса, практические вопросы в отношении того, как это могло бы быть сделано, затраты на это и значение этого события для России и других стран, которые не будут включены. Как учреждение, “РАНД” никогда не занимал официальную позицию “за” расширение НАТО или “против” такого расширения. Он видел свою роль прежде всего и в первую очередь в оказании помощи политикам в понимании проблем, вариантов и компромиссного выбора – позволяя им самим принимать решения, основанные на большей информированности.

Это не означало, что на индивидуальном уровне у аналитиков не было своих четко сформированных взглядов. Они, конечно же, были; я был среди первых и наиболее искренних приверженцев расширения. Но многие из моих коллег по “РАНДу” придерживались другой точки зрения по этому вопросу. В действительности, временами мы заканчивали представлять доказательства противной стороне непосредственно перед заседанием Конгресса. Внутренние семинары “РАНДа” или заседания правления были в то время такими же эмоциональными и являлись ареной для горячих споров, как и на любом внутриведомственном со-

брании. Но способность “РАНДа” состояла в том, чтобы не позволить проблеме выйти за рамки, а также разъяснить задействованные компромиссные решения, которые получили наивысшую оценку политиков. Возможно, наилучший комплимент, который я когда-либо получал, был от ответственного работника министерства обороны, крайне возражавшего против расширения НАТО, который похвалил работу моих коллег, а часть анализа, сделанная мной, была лучшей, с его точки зрения, и помогла ему понять взаимосвязи и компромиссные решения проблем, даже несмотря на то, что двое из нас пришли к прямо противоположным выводам в отношении того, какой должна быть политика США в то время.

В результате, ряд “мозговых центров” стал за какое-то время неформальной, но, тем не менее, реальной частью расширенного межведомственного процесса и дебатов внутри правительства США о будущем НАТО. Их брифинги и меморандумы стали составной частью интеллектуальных и политических дебатов. Аналитики “мозговых центров” работали в тесном контакте с ответственными чиновниками, их часто приглашали сделать выступления. Их часто просили поехать в командировки в Европу и провести пробный маркетинг идей и политических вариантов с западноевропейскими союзниками и центральноевропейскими партнерами для того, чтобы знать их ответную реакцию до момента окончательного принятия решений в Вашингтоне. К середине 1990-х годов роль “мозговых центров” в дискуссиях о расширении НАТО претерпела изменения. Дебаты внутри правительства США были в основном разрешены, но более широкие общественные дебаты о расширении НАТО еще только начинались. Когда вопрос о расширении НАТО стал узловым моментом все более горячих споров, подключились к работе другие “мозговые центры”, чтобы помочь обеспечить форум для широких общественных дискуссий. Совет по внешним отношениям, Институт Брукинга и “Новая атлантическая инициатива” Американского института предпринимательства направили свою деятельность на создание рабочих групп и других возможностей для общественных рассуждений и дебатов. Редко какой вопрос в середине и конце 1990-х годов становился предметом более пристального внимания общественно-политических дебатов, чем вопрос о расширении НАТО.

Чтобы отражать эту новую реальность, изменилась и роль “мозговых центров”. Их деятельность осталась решающей в том, что касается придания формы широким дебатам и строительства общественного понимания, а также поддержки новых политических курсов. Но они больше не играют роли полуофициальных членов организаций и не действуют как локомотивы в этом процессе. Тем не менее, многие ведущие официальные лица с начала и середины 1990-х годов, такие

как Госсекретарь Уоррен Кристофер, заместитель Госсекретаря Струуб Талботт и посол США в ООН Ричард Холбрук, свидетельствовали о важной роли, которую внешние “мозговые центры” сыграли в оказании им помощи по развитию их собственных размышлений по данным вопросам.

Оглядываясь назад с позиций сегодняшнего дня, что можно вынести из этого периода и решающей роли, которую играли “мозговые центры” в разработке политики США и НАТО? Какова была степень воздействия “мозговых центров” на результаты этой уникальной фазы истории, в которой ведущие политики, которые искали внешнюю поддержку, чтобы прийти к отношениям, характеризовавшимся революционными изменениями, столкнулись с предпринимательскими навыками некоторых “мозговых центров”? Или учит ли нас этот опыт чему-либо более продолжительному в отношении разработки политического курса в современное время? Приведем простой факт: в современном мире, характеризующемся все большей глобализацией, темпы дипломатии возрастают, в то время как внутренняя способность правительств думать о долгосрочной перспективе и концептуально продолжает снижаться. Это направление еще более обострилось в США из-за длительного недостаточного финансирования Госдепартамента. На практике это означало, что, какие бы ресурсы ни существовали на бумаге для долгосрочного стратегического планирования, они часто *де факто* использовались для того, чтобы просто справляться с повседневной оперативной нагрузкой. Зачастую оставалось очень мало времени, либо совсем не оставалось, на другие задачи. Как политическое назначенное лицо, пришедшее в правительство из мира “мозговых центров”, я был удивлен, когда обнаружил, как потребность в управлении повседневными оперативными запросами часто вытесняет попытки уделить больше энергии долгосрочным интеллектуальным размышлениям. Более того, сотрудники, занимающиеся политикой и планированием, или подразделения все в меньшей степени способны играть роль, первоначально предназначавшуюся для них. Дни, когда маститый дипломат типа Джорджа Кеннана мог проводить недели за какой-либо статьей, которая затем была бы систематически обсуждена и, возможно, очертила бы политический курс США, похоже, ушли навсегда.

Это предполагает, что потребность правительства в творческом мышлении людей со стороны, вероятно, продолжится и может даже возрасти. Чтобы быть точным, в начале 1990-х годов в Европе была необычная фаза, когда революционные изменения поставили так много четко установившихся исходных понятий под вопрос. Но в будущем возникнуть иные вопросы или появятся части света, где происходящие кардинальные изменения, вероятно, сделают существующие политиче-

ские курсы устаревшими. До тех пор, пока правительства страдают от ограниченной внутренней возможности заниматься долгосрочным стратегическим планированием, они будут продолжать обращаться к миру “мозговых центров” для исследований и идей, которые правительства смогут использовать и продвигать. Смогут ли будущие “мозговые центры” действовать так, чтобы удовлетворить эту потребность, – отдельный вопрос. С другой стороны, многие “мозговые центры” стали более интеллектуальными. А рынок становится все более конкурентным. Среди “мозговых центров” растет соревнование за влияние на официальную политику, и это воспитало новое поколение аналитиков с деловыми организаторскими навыками, которые усердно культивируют свои контакты с правительством, чтобы получить уникальный доступ. Но войти в дверь – только часть дела. В конечном итоге, ключ к успеху – это качество чьей-то работы, способность справляться с потребностями ведущих политиков и создание пакета программ практических рекомендаций по политическому курсу.

Международная и национальная безопасность в мировом сообществе XXI века: контуры новых реалий

*Евгений Моцелков*¹

Смена веков, а тем более тысячелетий, в общественном сознании закономерно ассоциируется с кардинальными переменами в различных социальных сферах. Наиболее фундаментальным в связи с этим следует считать суждение о том, что на рубеже XX и XXI веков начинает меняться мировой порядок, сформировавшийся после Второй мировой войны и обеспечивавший относительно стабильное существование мирового сообщества на протяжении нескольких десятилетий, и тем самым перестает “работать” доминирующая в этот исторический период парадигма международной и национальной безопасности.

Многие аналитики в качестве исторического водораздела в переходе от одного миропорядка к другому называют трагические события 11 сентября 2001 года. На самом деле, такая оценка является, конечно, метафорой. Глобальные перемены в мире всегда имели длительный исторический интервал. Поэтому по отношению к современному этапу справедливо будет говорить о начале перехода от одного миропорядка к другому.

Главным признаком изменения миропорядка на современном этапе зачастую считают превращение мира из биполярного (США, НАТО – с одной стороны; СССР, Варшавский Договор – с другой) в монополярный, в котором господствует одна супердержава – США. На самом деле, это поверхностный взгляд на сложные процессы, которые происходят в современном мире. Именно на основе такого упрощенного представления строится американская доктрина возмездия после 11 сентября. Несмотря на успех военных акций США в Афганистане, стратегическая перспектива этой доктрины вызывает очень большие сомнения во всем мире.

Говоря о монополярном мире, необходимо также помнить о том, что в критической ситуации соотношение сил между ядерными державами будет определяться не только, а в определенных условиях и не столько экономическим потенциалом, сколько наличием ядерных боеголовок и средств их доставки на территорию противника. И если в 50-е гг. прошлого века (т.е. еще 40–50 лет назад) на правительственных уров-

¹ Профессор Моцелков является вице-ректором Московского государственного университета, Москва.

нях вполне серьезно обсуждался вопрос о приемлемости применения 200–300 ядерных боеголовок, то сейчас ясно, что даже для больших государств катастрофическим может оказаться применение и одной боеголовки.

На мой взгляд, правомернее будет говорить о том, что миропорядок меняется в связи с изменением самого статуса центра силы в современной системе международных отношений (и даже, я бы сказал, в силу изменения самого понятия “центр силы”).

Если раньше под “центром силы” в мировой политике понимались государственные системы, с вполне определенными параметрами военно–политического и экономического потенциала, известными и достаточно ясными стратегическими и идеологическими концепциями, то сегодня на роль “центра силы” в мировой политике начинают претендовать образования, стратегические цели и, главное, материальный потенциал которых не поддаются точному определению.

Это не может не приводить к кардинальным изменениям принципов взаимоотношений между “центрами силы”, к изменениям в базовых основах международной и национальной безопасности.

Чтобы лучше понять суть этих изменений, следует сначала остановиться на принципах старого миропорядка, которые, конечно, и сейчас все еще продолжают действовать.

Существующий (или еще продолжающий существовать) миропорядок основывается на двух фундаментальных принципах мировой политики:

- *Первый принцип.* Это принцип паритета (или примерной количественно–качественной равновеликости) сил и средств, способных нанести удар по вероятному противнику. При этом вероятный противник для каждой из сторон достаточно хорошо известен; силы и средства вероятных противников взаимно подсчитаны и находятся под обоюдным контролем.
- *Второй принцип.* Этот принцип взаимопуга, основанный на естественном рефлексе самосохранения биологических и социальных систем: первый нападающий получает неизбежный ответный удар. Сдерживание на основе страха взаимного уничтожения.

Оба этих принципа старой системы безопасности свидетельствуют о том, что в ее основе лежала *физическая, или материальная* компонента человеческого существования.

Тем самым в старой парадигме безопасности предполагалось столкновение мощных совокупных и примерно равновеликих сил, которые

(гипотетически) в тяжелой борьбе должны одолеть друг друга. На основе этой перспективы и строилась мировая политика в XX веке, готовились и проходили две мировые войны.

В современных условиях принципы старой системы миропорядка (или старой парадигмы безопасности) начинают заметно деформироваться и разрушаться.

- *Во-первых*, деформируется принцип паритета. Террористическая акция 11 сентября 2001 г., масштабы которой не нужно преувеличивать, но и очень опасно приуменьшать, показала, что вместо *вероятного противника*, силу и направления ударов которого можно заранее определить, а значит, и создать систему обороны, появляется *неизвестный и невидимый противник*, который неизвестно откуда и с какими силами и средствами может напасть.
- *Во-вторых*, деформируется принцип взаимоустрашения. Наряду с камикадзе–одиночками появляются камикадзе–организации, формируются достаточно мощные силы, которые могут сосредоточить в своих руках ресурсы, достаточные для того, чтобы создать реальную угрозу целым государствам и регионам. Но самое главное, в силу религиозно–идеологической специфики мировоззрения этих сил ради достижения определенных целей *им не страшно будет умереть*, чтобы увлечь за собой ненавистные им народы и страны. Не станут ли эти новые и страшные реалии 11 сентября 2001 года прообразом войн и военных конфликтов XXI века?
- *В-третьих*, в качестве доминирующей в системе безопасности становится информационная компонента, при помощи которой “неизвестный и невидимый противник” может оказать разрушительное воздействие не только через физическую, материальную среду, но и (и даже – главным образом) через *духовно–идеологическую* подоснову общества.

В последние годы в мире достаточно быстрыми темпами идет осознание реальности угроз национальной безопасности, которые исходят от современных информационных систем. Всемирная Федерация ученых на своей 25-ой сессии в августе 2000 г. на первое место в списке угроз человечеству в XXI веке поставила угрозу информационной безопасности. Причем речь идет об информационной безопасности не в узком смысле (безопасность сетей), а в широком смысле этого понятия – безопасность общества и человека от использования этих сетей.

Озабоченность по поводу развития негативных тенденций в информационной сфере проявляют в настоящее время и лидеры крупнейших стран мира, которые летом 2000 г. приняли специальную Окинавскую Хартию глобального информационного сообщества. В Хартии прямо отмечается, что наряду с существенным расширением возможностей, которые открывают новые информационные системы для дальнейшего роста экономики и социальной сферы общества, широкое внедрение этих систем в общественную жизнь порождает различные опасения. Эти опасения имеют объективную основу прежде всего в существующем на международном уровне разрыве в области информации и знаний. В Хартии предлагается комплекс согласованных мер, направленных на преодоление такого разрыва.

Организованные преступные группировки, коммерческие структуры быстро оценили широкие возможности и преимущества специальных технических средств по добыванию конфиденциальной информации о деятельности как государственных структур, так и субъектов негосударственного сектора (бирж, банков, частных фирм и т.п.).

Ежедневно ФБР США расследует порядка 100 случаев незаконного изъятия коммерческой информации из американских компьютерных сетей. В конце 1999 года был опубликован очередной, четвертый по счету, годовой отчет “Компьютерная преступность и безопасность – 1999: проблемы и тенденции”, подготовленный Институтом компьютерной безопасности во взаимодействии с отделением ФБР по Сан-Франциско. В отчете констатируется резкий рост числа обращений в правоохранительные органы по поводу компьютерных преступлений (32% из числа опрошенных). 30% респондентов сообщили о том, что их информационные системы были взломаны внешними злоумышленниками. Атакам через интернет подверглись 57% опрошенных. 55% отметили нарушения со стороны собственных сотрудников.

Особую опасность для мира представляет то, что информационные системы могут быть широко использованы как средство террористической деятельности, во-первых, для воздействия на технические и тактические возможности противника, а во-вторых, для воздействия на духовно-идеологическую среду противной стороны. Речь идет о террористической деятельности тех неизвестных и невидимых сил, которым *не страшно умереть*.

Реальность информационных угроз определяется также и тем, что в отличие, например, от систем вооружений информационные системы, которые имеют глобальный характер и которые допускают очень большие возможности для анонимного доступа, могут выйти из-под контроля специальных государственных и общественных институтов.

Это уже сейчас можно видеть на примере телевидения. Психологи установили, например, так называемый “эффект вторичного воздействия”, когда нарушения психики происходят не у реальных участников катастроф, а у зрителей телепрограмм, в которых показываются эти катастрофы. 11 сентября 2001 г. в течение нескольких часов ведущие телекомпании мира постоянно показывали ужасающие кадры рушившихся небоскребов Всемирного торгового центра. С точки зрения политики, идеологии, и даже здравого смысла, это было абсолютно не нужно. Более того, через “эффект вторичного воздействия” наносился ущерб психическому и физическому здоровью миллионов людей по всему миру, сплывались и воодушевлялись во всем мире антиамериканские силы и т.д. Но у самых демократических ТВ в мире (например, “Си-Эн-Эн”), похоже, отключился разум, и они работали по своим, только им ведомым законам и принципам.

Таким образом, выделенные выше современные реалии взаимоотношений различных военно-политических и идеологических сил на мировой арене заставляют говорить о формировании в силу объективных обстоятельств новой парадигмы мирового порядка (международной и национальной безопасности) вместо парадигмы, на основе которой строились международные взаимоотношения на протяжении последних десятилетий.

И в заключении статьи хотелось бы сделать следующую ремарку. Оценки и выводы, которые сформулированы в настоящей статье, кому-то могут показаться несколько преувеличенными для характеристики современной ситуации. Но мне вспоминается одно выступление на конференции в Вашингтоне в январе 2002 г., на которой мне пришлось участвовать. Выступал американский адмирал, руководитель федерального учреждения, которое занимается контролем информационной инфраструктуры. Он сказал буквально следующее: “Одиннадцатого сентября для нас прозвучал сигнал будильника. До этого мы спокойно спали, думая, что мир устроен и организован так, как хочет Америка, которая сейчас является доминирующим или даже единственным “центром силы”, поэтому можно спокойно спать. И вот раздался сигнал будильника, который напомнил нам, что мир устроен гораздо сложнее, чем мы думали, что успокоение и беспечность могут привести к непредсказуемым последствиям. Я думаю, что этот сигнал будильника прозвучал не только для Америки, но для всего мира”.

Неприятие людских потерь в “прохладной войне”

Паскаль Жирардэн¹

Конец двадцатого века характеризовался сильным ростом количества военных интервенций по всему миру. Рамки военных миссий значительно расширились, а сфера применения миссий в настоящее время охватывает новые измерения, от борьбы с терроризмом до операций по поддержанию мира. Технология, способствующая этому, склонна скрывать роль, выполняемую людьми. Но именно человек, так как он смертен и не подлежит восстановлению, является самой центральной фигурой в ведении войны. Как указывает Мартин ван Кревелд, “вооруженный конфликт будет вестись людьми на Земле, а не роботами в космическом пространстве”.² Отсюда вечная проблема, состоящая в том, что нельзя уклониться от обязательств – настоящих обязательств, ведущих к смерти. Кажется, что неприятие людских потерь становится фактором, который все более оформляет идеи в дебаты. Хотя это явление часто упоминается, сама идея, возможно, для некоторых не совсем ясна. Цель этой статьи состоит в том, чтобы привести читателя к поискам сущности концепции неприятия людских потерь. В статье будет продемонстрировано, что неприятие людских потерь не может пониматься или оцениваться просто путем описания его симптомов, но тем, что его настоящие истоки лежат во взаимоотношениях между обществами, насилием и смертью.

Существует несколько определений этого явления, некоторые из них носят чрезвычайно ограничительный характер. Настоящая дискуссия будет определять этот феномен следующим образом: неприятие людских потерь является набором взглядов, проявляемых определенными действующими субъектами в обществе, которое характеризуется ярким нежеланием использовать военные силы, как только появляется риск смерти. В соответствии с идеями, найденными в современной литературе по этому вопросу, этот феномен будет обозначаться либо как неприятие людских потерь, фобия людских потерь или даже как концепция нулевой гибели, как это предлагает буквальный перевод данного термина с французского языка.

Первый поверхностный взгляд на три основы общества – правительство, средства массовой информации и общественность – дает общий

¹ Паскаль Жирардэн является командующим французских ВВС. В настоящее время он проходит курс обучения в Командно-штабном колледже ВВС № 5 Объединенного командно-штабного колледжа видов вооруженных сил Великобритании.

² Martin van Creveld, *On Future War* (London: Brassey, 1991), 212

фон для раскрытия проявлений этого феномена. К сожалению, эта внешняя перспектива, направленная, скорее, на его проявления, а не на истоки, даст всего несколько ключей к пониманию. По этой причине читателю понадобится вникать в глубь вопроса, пласт за пластом, как это делает исследователь в пещере, пытаясь проникнуть все глубже и глубже в поисках оригинального источника. На этот момент будут заданы фундаментальные вопросы: почему существует неприятие людских потерь, в чем его корни? Чтобы ответить на этот вопрос, понадобится привлечь и философию, и религию, чтобы увидеть, что и они могут дать разъяснения. В конечном счете, найдя возможные источники, исследование опишет некоторые ключевые факторы, которые, даже если они и не первоначальные причины, являются решающими факторами, делающими возможным неприятие людских потерь.

Методология исследования данного эссе находится в соответствии с рамками, описанными выше. Существующие проявления этого феномена в конце двадцатого столетия ограничивают исследование западными обществами. Однако, это ограничение в масштабе не исключает возможности нахождения фобии людских потерь в других обществах. Кроме того, несмотря на то, что анализ определенных ключевых элементов демонстрирует различия между определенными западными государствами, либеральные демократии, в которых доминируют христианские общества, будут рассматриваться в целом. Документированные источники можно разделить на две основные категории. Первый, состоящий в большинстве случаев из англоязычных статей, по большей части американских, в основном остается на уровне описания симптомов. Второй, это прочтение анализа войны, смерти и насилия, особенно в “Эссе об опыте смерти и моральной проблеме самоубийства” (*Essai sur l'Expérience de la Mort et le Problème Moral du Suicide*), написанное Полем Луи Ландсбергом, и в “Эссе о философии войны” (*Essais sur la Philosophie de la Guerre*) Алексиса Филоненко. Авторы основное внимание в исследованиях, представленных в своих эссе, сосредотачивают на отдельных видных философах и религиозных текстах. Это не только ссылки на работы Гегеля, Толстого или Канта, это не только комментарий Библии, Корана или Багават-Гиты, но, на самом деле, это тщательный анализ этих важных текстов с целью нахождения источников неприятия людских потерь. Используемые тексты являются французскими переводами оригинальных работ (Гегель, Толстой, Кант), размышлениями и трактатами французских философов (Прудон, Токвиль) и, наконец, французских мыслителей, которые анализировали насилие, сакральность и познание смерти (Жирар, Филоненко, Эрбер, Арон, Сорэль и Ландсберг).

Часть первая: проявления неприятия людских потерь

Первоначальный подход состоит в рассмотрении трех столпов – правительства, средств массовой информации и общественности – чтобы исследовать, где может лежать фобия людских потерь и каковы ее проявления в настоящее время.

Правительство и неприятие людских потерь

Современная обстановка в области безопасности заставила правительства учитывать этот новый фактор неприятия людских потерь. Изменились глобальные рамки, и с настоящее время военные миссии становятся все более разнообразными. Понятно, что опыт операций по поддержанию мира в 1990-х годах до сих пор имеет огромные последствия на современную политику, и, как заметил один исследователь, “Могадिशу продолжает преследовать образ мыслей людей, формирующих политику сегодня”.³ Правительства приспособливают свои доктрины для соответствия этому новому контексту. В “Обзоре по стратегии обороны Великобритании” и в “Будущем стратегическом контексте для обороны Великобритании” определяются рамки для их военных действий. Неприятие людских потерь упоминается в отношении защиты с применением силы во время ограниченных войн. Национальная стратегия США в области безопасности имеет более четкие понятия на этот счет. Использование военной силы “повлечет за собой минимальный риск для американских жизней” при выполнении гуманитарных миссий.⁴ Подобным образом, неприятие людских потерь вошло в мировые военные доктрины. Оно нашло свое место в гуманитарных действиях или в более общем плане, когда жизненные интересы государства не находятся в опасности. Это различие было подчеркнуто позицией США вслед за событиями 11 сентября 2001 года. Когда пришло время защищать жизненные интересы, отношение к жизням военных рассматривалось в ином ключе. После того, как трое солдат погибли в Афганистане в ноябре 2001 года, президент Буш сказал, что жертвы были “героями, павшими в благородном и справедливом деле”.⁵ Когда понадобилось сохранить жизненные интересы, оказывается, что исполнение долга вплоть до смерти принимается правительством. При таких условиях неприятие людских потерь не встречается.

В своем выступлении “Доктрина международного сообщества”, прозвучавшем на заседании Чикагского экономического клуба, Тони Блэр

³ Cory Dauber, “The Impact of Mogadishu on U.S. Military Intervention,” *Armed Forces and Society* (Winter 2001), 11.

⁴ *U.S. National Security Strategy for a New Century*, The White House, December 1999, 20.

⁵ Речь президента Буша, опубликованная в *The Independent*, 7 декабря 2001.

упомянул о пяти критериях, которые должна применять Великобритания до исполнения каких-либо военных обязательств. Третий критерий состоит в том, что должны быть “благоразумные и предусмотрительные” варианты, применимые к эффективной интервенции.⁶ Критерий такого рода очень схож по духу шести критериям “Доктрины Вейнбергера” США, которой США руководствовались в своей работе в 1990-х годах.⁷ Эти критерии являются чрезвычайно важными, и им нужно следовать до какого-либо использования силы. Также оба они признают важность достижения консенсуса внутри государства. С этой точки зрения, легко предвидеть, что неприятие людских потерь является не только правительственной проблемой. Отсюда, как заявляет Вейнбергер, сражение в современном контексте потребует высокого уровня общественной поддержки. Это исходное положение, в основном идущее из американского опыта во время войны во Вьетнаме, напрямую задействует общественность как основное действующее лицо в этих дебатах. Чарльз Рейсс в феврале 2001 года соотнес компоненты “Будущего стратегического контекста для обороны” с тем, что “вооруженные силы, как в мирное время, так и при выполнении операций, подпадут под более пристальное наблюдение со стороны общественных и влиятельных групп, оказывающих давление на политику”.⁸ Несмотря на этот тип отношений, кажется, что правительства проектируют фобию людских потерь на общественность, и относятся к ней так, как если бы это был недостаток государства, с которым нужно бороться. Средства массовой информации являются еще одним фокусом внимания к этим вопросам в правительствах. Рейсс упоминает о “давлении, оказываемом общественным мнением и средствами массовой информации, в борьбе за минимальное количество людских потерь”.⁹ Это прекрасно проиллюстрировано в заявлении американского генерала Уэсли Кларка после кампании в Косово: “Когда вы начинаете терять эти дорогие машины (самолеты), для вас начинается обратный отсчет. Заголовки начинают кричать: “НАТО теряет уже второй самолет”, а люди спрашивают: “Сколько еще это будет продолжаться?”¹⁰ Следовательно, хотя правительства и признают неприятие людских потерь, они склонны

⁶ Rt. Hon. Tony Blair, “Doctrine of the International Community,” речь перед Экономическим клубом Чикаго, Вашингтон, 22 апреля 1999 г., 22.

⁷ Доктрина Вейнбергера описывается М. И. Ханделем (M. I. Handel) в “Masters of War,” Appendix B, в *Classical Strategic Thoughts*, 3rd ed. (London/Portland: Frank Cass, 2001). В частности, упоминается в шести текстах на стр. 310–311.

⁸ Charles Reiss, “Britain Must Wage War With No Casualties,” *Evening Standard*, February 7, 2001.

⁹ там же

¹⁰ General Wesley Clark, “The United States and NATO: the way ahead,” *Parameters* 29:4 (Winter 1999–2000), 8–9

приписывать напряженность, стоящую за этим феноменом, средствам массовой информации и общественности.

Средства массовой информации и неприятие людских потерь

Имея дело со средствами массовой информации и фобией людских потерь, во-первых, требуется определить, чем в действительности являются средства массовой информации. Они представляют собой и группу, и средства. Как группа, они заинтересованы в том, чтобы их яркие заголовки активно способствовали продаже. Как средство, их цель состоит в передаче информации, а также в регулярном анализе. Является признанным фактом, что их власть существенно возросла, и многие выпуски средств массовой информации сейчас характеризуются мировым масштабом, начиная от их источников (журналисты) до их предназначения (разнообразие информационных средств).

Было бы неверным говорить, что средства массовой информации совсем не приемлют людские потери. Они настолько разнообразны, что не могут быть классифицированы в отдельную категорию. Как средства, они являются главным орудием, с помощью которого распространяются концепции неприятия людских потерь. Прежде всего, они хотят историй и, если возможно, человеческих историй. Тезис Кори Даубер, которая относит выражение “боязнь людских потерь” к людям, а “неприятие людских потерь” к средствам массовой информации, получил свое дальнейшее развитие. В центре этого явления – сила изображения. В частности, предполагаемая общественная поддержка “может стать нерелевантной в случае, если будет передано неправильное изображение”.¹¹ Действительно, средства массовой информации производят “метафорический” эффект. Все доводы концентрируются на человеческих телах, и, метафорически, этих людей начинают отождествлять с нацией в целом. Более того, средства массовой информации включают контекст участия в действительных политических дебатах.¹² Если у них нет историй, которые можно было бы отнести к кому-либо, то они сами создают такие истории. Это дает им невероятную власть, особенно, когда стратегия какого-либо правительства слаба или непоследовательна. Вьетнам рассматривают в качестве первой прямой телевизионной войны, где средства массовой информации нашли для себя пространство при отсутствии ясности в информации, предоставляемой американским руководством.

В конечном счете, в той правде, которую несут средства массовой информации, есть своя закономерность. Передавая опросы или рассле-

¹¹ Dauber, цитируемое произведение, 2.

¹² Dauber, цитируемое произведение, 3 – 6. Кори Даубер развивает эти идеи, анализируя средства массовой информации и неприятие людских потерь.

дования, они отражают общественное мнение. Тем не менее, они могут – преднамеренно или нет – повести людей к совершенно противоположному направлению их первоначальному намерению. Стивен Калл и Клэй Рамси рассказывают, как в газете “Нью-Йорк Таймс” от 8 октября 1993 года сообщалось, что “опросы общественного мнения показывают, что большинство американцев выступают за вывод войск” из Могадишо. Это желание немедленного вывода войск было на самом деле противоположно результатам исследований.¹³ Отсюда, средства массовой информации как группа не могут быть определены как ярые противники людских потерь. Как средства, они подчеркивают свое неприятие людских потерь, если оно исходит от политических лидеров или от общественности, и для них фобия людских потерь определяется общественностью или правительствами.

Общественность и неприятие людских потерь

После правительства и средств массовой информации необходимо исследовать, существует ли фобия людских потерь среди населения. Сюзан Хербст определяет общественное мнение как “символ, риторическую сущность, на которые ссылаются профессионалы в области законодательства и журналисты в своих беседах друг с другом”.¹⁴ Поначалу кажется, что общественность – это любимый источник, которому можно приписать неприятие людских потерь. Однако, такое предположение было бы слишком простым. Например, некоторые проведенные исследования показывают, что общественность вовсе не питает отвращения к людским потерям. В своей книге “Мифы противодействующей общественности”, Калл и Рамси дают глубокий анализ опросов, проведенных во время недавних конфликтов. Результаты такого анализа просты: общественность более здравомысляще относится к людским потерям, чем ожидалось первоначально. В частности, авторы пришли к этому заключению, исходя из войны в Персидском заливе, кризиса в Могадишо и нападения на военно-морские казармы США в Ливане в 1986 году. После показа инцидента в Сомали общественность захотела более активного участия США и более суровых мер возмездия”.¹⁵ Подобным образом, поддержка американской общественности достигла своего пика, когда в Персидском заливе произошли крупные потери, а также в дни, последующие за террористической атакой в Ливане. Анализируя войну во Вьетнаме, Джеффри Рекорд приходит к неожиданному выво-

¹³ S. Kull and C. Ramsay, *The Myth of the Reactive Public: American Public Attitudes on Military Fatalities in the Post Cold War Period* (London: Routledge, 2001), 208

¹⁴ Dauber, цитируемое произведение, 14. Взято из Susan Herbst, *Reading the Public Opinion: How Political Actors View The Democratic Process* (Chicago: University of Chicago Press, 1998).

¹⁵ Kull and Ramsay, цитируемое произведение, 212.

ду: “В ретроспективе интересно отметить, что общественная поддержка оставалась сильной на протяжении всего времени, учитывая географическую удаленность войны и в основном абстрактный характер заявленных военных целей США”.¹⁶ Первоначально опросы общественного мнения были ясны: общественность не выражала свою реакцию, требуя немедленного вывода войск. Более того, они описывают случаи неправильного восприятия общественностью того, что касается количества погибших. Начальным пунктом их анализа было исследование, проведенное “Пи-Ай-Пи-Эй” (Программой по позициям в международной политике) в 1999 году, когда, по оценке американского народа, в Боснии погибли 172 американских солдата, в то время как США в действительности вообще не имели потерь. Данное исследование предусматривает различные сценарии деградации. Каждый раз, общественность реагировала таким образом, что внушительное большинство демонстрировало желание подкрепления сил или мести. Еще одно подобное исследование “Пи-Ай-Пи-Эй”, проведенное в 1999 году, привело к таким же выводам.

Теперь, зная, что общественность в своей основе не является ярким противником людских потерь, остается вопрос: “Каким образом общественность реагирует на людские потери? И вновь, здесь имеется несколько исследований. Описания наиболее общего плана показывают, что общественность анализирует каждую ситуацию в отношении интересов и удовлетворительных решений¹⁷ или взвешивает, что больше – потери или выгода.¹⁸ Понятия времени, решительные действия¹⁹ и идея “маргинальных” или “кумулятивных” людских потерь должны приниматься в расчет.²⁰ В конце концов, Ларсон представляет одну из наиболее всеобъемлющих моделей оценки общественного поведения. Ларсон утверждает, что неприятие людских потерь является фактически подсчетом воспринимаемой выгоды. Его модель “цели и средства” включает пять факторов:²¹

1. воспринимаемая выгода от интервенции;
2. перспективы на будущее;

¹⁶ Jeffrey Record, “Force Protection Fetishism,” *Aerospace Power Journal* (Summer 2000): 5.

¹⁷ там же, 4

¹⁸ Eric V. Larson, *Casualties and Consensus: the Historical Role of Casualties in Domestic Support for US Military Operations* (Santa Monica, CA: RAND, 1996), 1

¹⁹ Record, цитируемое произведение, 4.

²⁰ Wg. Cdr. DRP Balshaw, *What are the Implications for Britain of America’s Apparent Aversion to Casualties?* AC3 S3 (September 1999–July 2000), 7.

²¹ Larson, цитируемое произведение, 10–12.

3. перспективные и действительные затраты;
4. меняющиеся ожидания;
5. руководство и поведение со стороны политических лидеров.

Согласно Ларсону, США не стали более непримиримы к людским потерям со времен Второй мировой войны. Общественная поддержка может варьироваться в соответствии с каждой операцией, при этом отношение такой поддержки и выгодам остается всегда одним и тем же. Пятый пункт, руководство и поведение со стороны политических лидеров, вводит понятие демократического разговора. Это явление состоит из способности эффективно функционирующего руководства оформлять дебаты, опираясь на определенные формы сотрудничества со средствами массовой информации. Следовательно, при использовании такой коммуникационной стратегии общественность, как кажется, должным образом обусловлена и ориентирована политическими лидерами. Круг сейчас замыкается, и анализ возвращается назад, к исходной точке отправления – правительству.

Результаты первого анализа правительства, средств массовой информации и общественности

После поиска неприятия людских потерь среди трех столпов общества – правительства, средств массовой информации и общественности – выясняется, что находки связаны ограничениями. Неприятие людских потерь появляется сразу же, как только возникает угроза жизненным интересам. Средства массовой информации как средства являются ключевым фактором в создании чувствительности по отношению к людским потерям и управлению ею. В конечном счете, общественность является более здравомыслящей, чем думалось ранее. Она направляется демократическим разговором и берет на вооружение образец поведения политических лидеров.

Однако, поиск причин неприятия людских потерь не должен ограничиваться этим уровнем, а должен идти дальше. Интересной областью исследования являются политическая и военная элиты. Кажется, что это единственная группа, которая может действительно быть ярким противником людских потерь. В действительности, убитые и раненые воспринимаются как символ их несостоятельности в достижении целей. Джеффри Рекорд, в своей статье, опубликованной в журнале “Аэро-спейс Пауэр Джорнал”, пишет об интересных опросах, изучавших три воображаемых кризисных сценария, а именно.²²

²² Record, цитируемое произведение, 5.

1. стабилизацию демократического правительства в Конго;
2. препятствование Ираку в приобретении оружия массового поражения;
3. защиту Тайваня против вторжения Китая.

В каждом случае, военная элита оказывалась самым большим противником людских потерь. Достаточно близко к ней стояли политические лидеры. Однако, отношение общественности характеризовалось высокой степенью принятия людских потерь. Рекорд предлагает очень язвительное объяснение этим результатам, ставя вопрос: “Не потому ли это, что исходное положение о нетерпимости общественности к людским потерям освобождает президентов и генералов от принятия на себя боевых рисков, которые могли бы повлечь за собой убитых и раненых? Не потому ли это, что фобия людских потерь вновь усиливает довод против использования силы как средства коэрситивной дипломатии?”²³ Отсюда, окончательный результат этого поиска определяет военную и политическую элиту как группу, которая потенциально более других подпадает под эту фобию. Неудивительно обнаружить, что в демократиях эта группа также состоит из тех, кто берет на себя ответственность за какое-нибудь участие в боевых действиях. Сейчас, когда действующие субъекты четко оговорены, мы продолжим анализировать последствия неприятия людских потерь.

Вывод войск

Наиболее признанное последствие неприятия людских потерь состоит в том, что оно вынуждает выводить войска с места боевых действий и снимать с себя обязательства. С этой точки зрения, Сомали являются для США апофеозом этого явления. Однако, этот прямой, видимый и решительный результат не является единственным. Все современные статьи описывают другие скрытые последствия возможности использования военной мощи.

Изменения характера военной мощи

Если ставить на первое место сохранение человеческой жизни при проведении миссии, то меняется характер военной мощи, выдвигая приоритет защиты над достижением военных целей. Коэн и Шелтон утверждают: “Основной урок, который был преподан союзными войсками НАТО, состоял в том, чтобы благосостояние нашего народа оставалось нашим первым приоритетом”.²⁴ Кори Даубер даже утверждает,

²³ там же, б.

²⁴ Record, цитируемое произведение, 3, цитата из William S. Cohen and Gen. Shelton, “Joint statement on Kosovo after-action review,” October 14, 1999.

что миссия в Косово проводилась как воздушная кампания в результате неприятия людских потерь.²⁵ Сейчас форму военной деятельности придает общественное мнение, и этот факт будет иметь долгосрочное воздействие на силовую структуру. Другой аспект состоит в крушении принуждения и применения силы. Из-за их нежелания вводить свои войска западные государства становятся не в состоянии подчинять или принуждать. Фобия людских потерь воспринимается как существенный недостаток, который препятствует интервенции со стороны Соединенных Штатов. Однако, господа Милошевич и Хуссейн были слишком самонадеянны в восприятии западного неприятия людских потерь в отношении своих собственных ситуаций. Другим важным последствием неприятия людских потерь является изменение в применении военной мощи. Если более полагаться на технологии и менее – на войска, то возможен следующий результат: Запад, и в особенности США, могут ограничить свои действия борьбой в технической части войны, где их превосходство асимметрично. В этом случае человеческая часть может быть делегирована заменителям. Это отношение часто критикуется, потому что, несмотря на то, что оно предполагает широкий дипломатический консенсус с государствами, которые соглашаются брать на себя ответственность за жизни своих солдат, оно в то же время уменьшает гибкость любой интервенции.

Уменьшение военной эффективности

Неприятие людских потерь не только изменяет военную мощь, но также и уменьшает ее. Оппоненты концентрируют свое внимание на этом новом недостатке западного мира. Для Соединенных Штатов это порождает силовой фетишизм защиты и даже, как упоминает Роберно Суро, ведет к отсутствию маневренности и приводит к совершенно противоположным результатам в отличие от тех, которые задумывались.²⁶ Также доказано, что неприятие людских потерь подрывает силу коалиции. Подполковник Сухопутных сил США Р. Канилья демонстрирует, что положение защиты американских войск в Косово снизило их эффективность в выполнении миссии. По его мнению, британские солдаты, у которых самозащита меньше, были более интегрированы в свой сектор наблюдения, а это привело к большей способности выполнения их миссии.²⁷

²⁵ Dauber, цитируемое произведение, 12

²⁶ Roberto Suro, "Zeroing in on Zero Casualty Syndrome," *Washington Post*, August 21, 2000, 2.

²⁷ Lt. Col. Caniglia, *73 US and British Approaches to Force Protection*, доступно на сайте: www.cgsc.army.mil/milrev/English/JulAug01/canig.htm.

Косвенным результатом, оказываемым на вооруженные силы, является то, что некоторые авторы описывают как смещение ответственности за людские потери. “По существу, неприятие людских потерь приводит к смещению людских потерь, потому что те, на кого должно быть возложено бремя в отношении людских потерь по долгу их миссий и профессионального характера, перекладывают это обязательство на других людей, у которых более уязвимое положение”.²⁸ Смещение ответственности за людские потери также встречается в случаях, направленных против неприятеля. Военный выбор, направленный на сохранение дружественных жизней, может привести к возросшему сопутствующему урону. Этот вопрос поднимался во время воздушной кампании в Косово, где выбор воздушных атак с больших высот мог снизить точность определенных видов оружия. Более того, это порождает проблему совести для тех самых государств, которые заявляют свои претензии на защиту прав человека и на право вмешательства. Как утверждает Луттвак, имевший дело с различными вариантами выбора в Косово, “непосредственная возможность спасти тысячи албанцев от кровавой резни и сотни тысяч от депортации явно не стоила жизней нескольких летчиков”.²⁹ Даже если этот комментарий кажется крайностью, он тем не менее точно описывает истинное положение неприятия людских потерь, когда приходится выбирать между жизнями миротворцев и тех, кого они призваны защищать. В заключение, чтобы оценить последствия неприятия людских потерь, я процитирую К. Балшоу: “Неприятие людских потерь проявляется в четырех принципиальных аспектах: это чрезмерная осторожность, чрезмерная защищенность, градуализм и использование технически асимметричной технической огневой мощи”.³⁰

После такого первоначального описания неприятия людских потерь и анализа его последствий, необходимо задаться вопросом, не может ли, в конечном итоге, эта “болезнь” западных обществ быть в каком-то роде полезной для них или даже использоваться определенными действующими субъектами для легитимности их поведения и выбора. Наилучшим подходом к этому вопросу было бы вернуться назад к тому, что было описано как апофеоз неприятия людских потерь: выводу войск из Могадишо в 1993 году. Общее восприятие состоит в том, что после того, как погибли одиннадцать человек в единственной атаке, общественное давление, передавшееся от средств массовой информации, заставило президента Клинтона вывести американские войска из Сомали, что он

²⁸ Charles K. Hyde, “Casualty Aversion,” *Aerospace Power Journal* (Summer 2000): 1.

²⁹ Edward N. Luttwak, “Give War a Chance,” *Foreign Affairs* 78:4 (July/August 1999): 41.

³⁰ Balshaw, цитируемое произведение, 23.

и сделал через две недели после этого смертельного налета. Однако, другой анализ этого события демонстрирует, что общественная поддержка уже была слабой, менее 40 процентов, и это случилось по двум причинам: во-первых, изменение миссии от гуманитарных действий до борьбы с местными милитаристами, и, во-вторых, выражение желания общественности вслед за запросом обеих палат Конгресса с просьбой к президенту вывести войска. Более того, “специальный анализ”, проведенный некоторыми газетами, дает если не абсолютно противоположную информацию, то противоречит результатам опроса того времени.³¹ По сути, реакция общественности была на самом деле в пользу возрастающего участия и даже возмездия. Это событие четко показывает, что именно санкционирует демократический разговор – лидеры добавляют текст к снимкам, и “они контекстуализируются”.³² Лидеры направляют и управляют. Как замечает Рекорд, “общественное отношение к убитым и раненым податливое, а не жесткое”.³³ Именно в области демократического разговора может использоваться неприятие людских потерь. Оно обосновывает решения о выводе войск или недопущения вторжения. Общественность, умело направляемая действенным демократическим разговором, будет реагировать как ярый противник людских потерь, когда это нужно правительству.

Сейчас мы подошли к поворотной точке нашего анализа. Сейчас настало время закончить разбирать описания, симптомы и последствия, отклонения, отказы и даже случаи применения этого явления. В следующем подходе допускается существование неприятия людских потерь и задается вопрос, почему. Откуда оно берется?

Часть вторая: поиски причин неприятия людских потерь

Первым шагом данного анализа будет попытка описать то, что можно найти в современных статьях, объясняющих происхождение фобии людских потерь. Хотя и необходимо признать общее нежелание авторов заниматься этой областью, также ясно, что каждая статья соотносит неприятие людских потерь с каким-то определенным происхождением. Это может вызвать некоторую путаницу, когда акцент делается на этом вопросе, даже несмотря на общепринятое мнение, что травма во Вьетнаме уникальна по своему происхождению.

В своей работе “Британские военно-гражданские отношения” д-р Стивен Дейкин предлагает всеохватывающее описание характера взаимоотношений между политическими и военными властями. Хотя это анализ британского общества, он содержит основные характерные осо-

³¹ Kull and Ramsay, цитируемое произведение, 208.

³² Dauber, цитируемое произведение, 6.

³³ Record, цитируемое произведение, 4.

бенности, которые могут быть перенесены на западные демократии в целом. Более конкретно, Дейкин представляет некоторые ключевые элементы, существенные для анализа действительного происхождения фобии людских потерь. Описание Дейкином общества, склонного к неприятию людских потерь, выделяет шесть факторов, которые являются принципиально важными и на которых следует остановиться:

1. низкая рождаемость (подход Луттвака);
2. длительные мирные периоды, которые подавляют желание воевать;
3. отвращение к крови, пролитой в Первой мировой войне, и акцент на военных технологиях со времен Второй мировой войны;
4. западная амбивалентность в отношении смерти;
5. аспект интересов, не являющихся жизненно важными;
6. огромные изменения в моральных ценностях в западных обществах с 1950-х годов.

Первые три идеи могут быть сразу же прокомментированы без какого-либо исследования философских аспектов этих вопросов. Последние три будут обсуждаться ниже, с привлечением аргументации, основанной на философии и теологии. Демократический аспект может интерпретироваться как серьезная причина неприятия людских потерь. Отсюда, все западные общества уже давно завершили свой демократический переход от высокой к низкой смертности и рождаемости. Короче говоря, у них меньше детей, и они не готовы терять их. Следовательно, защитники этого тезиса всегда приводят доводы, спрашивая: “Каким образом семья, имеющая одного ребенка, может принять смерть своего единственного ребенка?” Эта математическая демонстрация на самом деле имеет ограниченный характер и требует дальнейшего рассмотрения. Фактически, она скрыто предполагает то, что когда в некоторых семьях четверо, пятеро или шестеро детей, то этим семьям легче потерять одного. Было бы целесообразно задать тот же самый простой вопрос большим семьям в западных обществах, просто чтобы определить, действительно ли они более склонны принять потерю на войне одного из своих детей. Общее восприятие таково, что в западном обществе один ребенок не является заменой другому, который может погибнуть на войне. Обычно контроль над рождаемостью со стороны медицины, а также религиозное поведение позволяют родителям иметь желаемое ими количество детей. Есть совсем немного “нежеланных” детей, и они

больше не представляют какой-либо экономической ценности или не позволяют простую замену одного на другого по экономическим целям.

Второй довод, что длительный мирный период подавляет желание идти на войну, требует некоторого исследования. Для западных стран длительный мирный период имел несколько результатов. Он способствовал развитию торговли, комфорта, материализма и отказу от применения прямого насилия за исключением обороны западным населением своей территории (и то, и другое рассматриваются жизненно важными интересами). Отсюда, представляется, что длительный период мира сам по себе не причина, а следствие, как растущий материализм или торговля. Возможно, что отказ от насилия и его механизмов (более конкретно, насилие, обусловленное понятиями мести) являются настоящими причинами. Ниже я более детально исследую этот вопрос.

Третий фактор, предложенный Дейкином, – отвращение к кровопролитию, последовавшее после Первой мировой войны и “омерзение к факту гибели людей”, которое оно вызвало.³⁴ Он утверждает, что “именно Вторая мировая война послужила тому, что западные общества приняли такие девизы, как “сталь не кровь” и “машины не люди”.³⁵ Это актуально и поныне, и западные общества сейчас высоко ценят жизни своих военных. Они приняли решения, связанные с применением высоких технологий по отношению к войне, отчасти, чтобы свести собственные потери к минимуму. Этот тезис также подробно описан в мировоззренческой позиции о войне генерала де Голля, которая приводится в его книге “Франция и ее армия” (*La France et Son Armée*), изданной в 1938 году.³⁶ Хотя, в некоторых случаях, де Голль и восхищается Наполеоном за его маневры, он в то же время был критически настроен к его кровавому методу ведения войны, которая превратила Европу в склеп. Филоненко говорит о том, что могло бы стать “наилучшей философией войны” для де Голля: “Нет ничего лучше, чем сочетание пропорциональности и науки”.³⁷ Следовательно, неприятие людских потерь может найти приют и в такой доктрине. Западные государства ставят в центр науку и могут использовать ее для уменьшения рисков для людей. Более того, пропорциональность дает дорогу градации в конфликтах и гибкости в применении военной силы на соответствующем уровне. Следовательно, неприятие людских потерь может появиться сразу же за возникновением военных инструментов и доктрины, включающей по-

³⁴ Dr. Stephen Deakin, “British Civil Military Relations: An Introduction,” в *Political Institution in Britain*, под ред. Lyton Robins (London: Longman, 1987), 10.

³⁵ там же

³⁶ A. Philonenko, *Essais sur la Philosophie de la Guerre* (Эссе по философии войны) (Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1988), 92.

³⁷ там же

нятие пропорциональности. Техническое превосходство такого рода не является причиной фобии людских потерь, но накладывает требования на тех, кто придерживается позиции уменьшения или вовсе исключения потерь убитыми и ранеными.

После такого краткого обзора общепринятых истоков неприятия людских потерь, вновь необходимо перейти к более глубокому анализу. Мы должны прочитать работы философов и мыслителей, чтобы обнаружить другие пути, ведущие к причинам неприятия людских потерь в западных обществах. Эти компоненты поведут нас к истокам, связывающим людей с их отношением к насилию и смерти. Однако, прежде чем посмотреть на само неприятие людских потерь, позвольте нам начать с его антитезы: расположенности к людским потерям.

Антитеза: расположенность к людским потерям

Многие философы считают насилие, войну или смерть основными характеристиками человеческой природы. Следующие идеи, представленные Филоненко, позволяют нам начать наш анализ с этого феномена. Толстой считал, что “истинная сущность истории – это не благоразумие, а сумасшествие и убийство”.³⁸ Он заявлял, что люди убивают друг друга, потому что это заложено у них на биологическом уровне и этого невозможно избежать, а также, что люди не могут жить в мирном мире: “человек живет мгновением, как животное”.³⁹

Гегель провел различие между “простой смелостью” и “военной смелостью”. Современный мир также дает дополнительное измерение смелости. Отсюда, смелость больше не является индивидуальной; она стала коллективной. Человек действует как член сообщества, и его смелость больше, чем личностная. Более того, Гегель заявлял, что “военное государство – это государство универсальности: его собственная защита возложена на него самого”, и у него есть обязанность идти вперед вплоть до жертвования собой”.⁴⁰ Это больше, чем просто смелость, которая состоит в защите собственной чести, – “настоящая смелость цивилизованных людей состоит в том, чтобы быть готовыми к жертвованию собой ради государства, с тем, чтобы один человек был не более, чем один среди множества”.⁴¹ В заключение, заметим, что Гегель, как и Руссо, обожал войну и героизм. Оба они очень скептически относились к понятию вечного мира. Восхваление войны, которое также существовало

³⁸ Philonenko, цитируемое произведение, 182, цитата из Leo Tolstoy, *Que devons nous faire?* Vol. XXIX, Œuvres complètes (Paris: J. W. Bienstock), 296.

³⁹ там же, 212.

⁴⁰ Philonenko, цитируемое произведение, 56, цитата из Hegel, *Philosophie du droit*, 327.

⁴¹ там же

у обоих авторов, говорит о том, что истинное существование индивидуума возможно только тогда, когда тот живет вместе с обществом, ради которого он жертвует собой”.⁴²

После того, как мы увидели, что сумасшествие и убийство – это часть человеческой природы (по Толстому) и что принесение себя в жертву – это основа смелости цивилизованного человека (по Гегелю), необходимо задать себе вопрос, почему так трудно избежать войны и смертей. Кревелд предоставляет некоторые потенциальные ответы. По его мнению, “война – это как вечная, неизменяемая ось, вокруг которой вращается все человеческое существование”.⁴³ Война не подлежит замене, потому что все замены цивилизованны. Хотя война также в определенном смысле является искусственной деятельностью, она отличается от всех остальных тем, что предлагает полную свободу, включая, как ни парадоксально, свободу смерти”.⁴⁴ Истинная сущность войны состоит не просто в том, что одна группа убивает другую, но в готовности его членов быть убитыми в ответ, если это понадобится. Следовательно, единственной возможностью прийти к вечному миру было бы каким-то образом искоренить готовность человека, даже его рвение, рисковать по каждому поводу вплоть до смерти и включая ее”.⁴⁵ Затем, Кревелд утверждает, что это рвение принадлежит самому индивидууму. Как говорят психотерапевты, попытка истребить такое рвение также приведет к подавлению “других таких качеств, рассматриваемых в качестве существенных для человека, как веселье, любопытство, изобретательство, созидательность, даже простая радость жизни. Общим для всех этих видов деятельности является то, что все они вовлекают человека в область неизведанного”.⁴⁶ Этот последний довод переносит аналитиков назад к исходной точке, то есть к самому индивидууму и его отношениям со смертью. Кажется, что индивидуум или общество связаны жертвенностью, и оба далеки от того, чтобы выказывать знаки неприятия потерь ранеными и убитыми. Можно ли вообще найти основу для неприятия людских потерь в какой-нибудь теории?

Среди философов – это Кант с его идеей вечного мира, который открывает возможность для понятия “неприятия людских потерь” занять свою нишу. Хотя Кант и заявляет, что война пересажена на человеческий характер, он идет дальше, говоря, что этот характер также питает склонность к идее справедливости. Его проект вечного мира

⁴² там же, 59.

⁴³ Creveld, цитируемое произведение, 218.

⁴⁴ там же

⁴⁵ там же, 221.

⁴⁶ там же

пытается примирить этих два противостоящих необходимых условия.⁴⁷ Отсюда, общества склонны придерживаться чувства справедливости, которое служит противовесом расположенности к войне. Власть правосудия, особенно если она исходит от главной власти, предоставляет объяснение неприятия людских потерь. Роль правосудия является решающей в понимании отношения к насилию и смерти в западных обществах.

Неприятие людских потерь и отношения Запада с насилием

Роль судебной власти в западном обществе нуждается в исследовании, если мы собираемся понять значение ее причастности к фобии людских потерь. Основа таких рассуждений будет идентична рассуждениям Шаманя, который подошел к вопросу неприятия людских потерь, используя “Насилие и сакральность” (*La Violence et le Sacré*) Рене Жирара.⁴⁸ Западное общество характеризуется приходом судебной власти. В других формах цивилизации, и особенно в античных, роль жертвенности была в центре регулирования насилия. Жертвенность – это субститут насилия, которое исчезло в западном мире. Однако, насилие должно регулироваться иными, отточенными обществом инструментами, чтобы сохранить своей структуру. Проблема состоит не в том, чтобы исключить или отрицать насилие, а в обладании верховной властью “законной монополии”, которая может применяться к определенным формам насилия. Судебная власть управляет насилием, отводя угрозу мести или то, что Жирар называет побуждаемой и ответной мстостью за несправедливо пострадавших: “Это судебная система, которая отвращает угрозу мести”.⁴⁹ Законность не заменяет мщение, но, скорее, ставит его под верховную власть. Более того, использование судебной власти позволяет избежать эскалации насилия через его отрицание или ответную месть.

В “Размышлениях о насилии” (*Réflexion sur la Violence*), написанных в 1908 году, Сорель подчеркивает такую же мировоззренческую позицию западного общества. Правила и законы являются мерами предосторожности против насилия. Сорель добавляет измерение воспитания к такому управлению насилием. С его точки зрения, западный путь воспитания детей все в большей степени исключает использование насилия. Насилию не только не обучают, западное общество не воспитывает детей в духе рассмотрения самопожертвования как фундаментального

⁴⁷ там же, 34.

⁴⁸ R. Chamagne, “Le Concept Zéro Mort: l’Arbre qui Cache la Forêt” (Концепция нулевой смерти: дерево, за которым не видно леса), *Le Piège* (September 2000).

⁴⁹ R. Girard, *La violence et le Sacré* (Насилие и сакральность). (Paris: Editions Bernard Grasset, Hachette Littératures, 1972), 29.

положения. В дополнение к этому, практика телесных наказаний полностью исчезла.

Отсюда, насилие более не затрагивает жизни людей. Западные люди образованны и обладают судебной властью, чтобы избежать индивидуальных отношений с насилием и соблазном ответной мести. И неприятие людских потерь находит свое место в этом процессе. Как только жизненные интересы, то есть граждане или родная территория не находятся в опасности, западный менталитет диктует, чтобы общество стремилось избежать жертв. Оно пытается применять законы, которые минимизируют насилие. Такой набор мировоззренческих понятий применяется не только к западным людям, но также и к любому потенциальному противнику, так как это может уменьшить потери с обеих сторон. Отсюда появляется проблема сопутствующего ущерба. Хотя зачастую возникает путаница между неприятием людских потерь и сопутствующим ущербом, теория в том виде, в каком она разработана до сих пор, предлагает, что оба этих феномена исходят от отрицания понятия жертвенности в западном мире. Более конкретно, для операций по поддержанию мира эта готовность уменьшить насилие и минимизировать количество убитых и раненых уменьшает желание на ответное мщение и инициирует первый шаг к судебной власти, являющейся окончательной и высшей властью. Приход к эффективному правосудию, таким образом, объясняет возможную причину неприятия людских потерь не в качестве негативного фактора, а как простого продукта западного общества и его способа управления насилием. Тем не менее, правосудие является не единственной характеристикой, которая может помочь объяснить фобию к людским потерям, однако, сейчас необходимо приступить к центральной проблеме отношений Запада со смертью.

Неприятие людских жертв и отношения Запада со смертью

В своем “Эссе о познании смерти и моральной проблеме самоубийства” (*Essai sur l'Expérience de la Mort et le Problème Moral du Suicide*) Поль Луи Ландсберг представляет анализ познания смерти. Это познание описывается как переход от предсмертных страданий к отсутствию, наступающему после смерти:

“Имеется один доминирующий фактор: живущий труп страдает, наш труп ощущает плотское сострадание с этим агонизирующим товарищем. И затем, наступает мгновение, когда все становится спокойным, когда все кажется закончившимся, когда отвердевают черты этого некогда любимого лица. Именно в этот момент, когда жизнь покидает нас, мы получим опыт загадочного отсутствия духовного лица. Еще мгновение, и мы освобождены. Боль плотского сострадания заканчивается, но сразу же, мы чувствуем, как мы переносимся в чужой и холодный мир наступившей смер-

ти... Если смерть до этого была отсутствующим присутствием, безжизненность сейчас – присутствующее отсутствие”.⁵⁰

Познание необязательно приходит одновременно с самой смертью, оно может наступить позднее.

После описания познания смерти Ландсберг предлагает сделать паузу в этих дебатах. Он описывает страдания родителей солдата, который погиб на войне. Их познания смерти являются усеченными. Когда приходит печальная новость о смерти, эти родители напрямую сталкиваются с фактом духовной смерти своего ребенка. Они предпринимают невероятные попытки, чтобы осознать это обстоятельство. “Перед лицом случившейся смерти мы как чужеземцы в нашем собственном мире” и, в соответствии с Ландсбергом, только религия может помочь нам справиться с этим чувством”.⁵¹ В основном Ландсберг концентрирует свое внимание на роли, выполняемой погребальными церемониями, так как они позволяют иметь связь с умершим путем проведения окончательных церемониальных действий. Это описание дает нам глубокий анализ травмы после смерти. Более конкретно, оно объясняет вьетнамскую травму: семьи получили очень мало утешения в ответ на свои поиски объяснений. Более конкретно, родители были не в состоянии связать смерть своего ребенка со справедливой и благородной причиной. В этих случаях родители не терпят неясности.

Теперь, когда познание смерти рассмотрено, философский подход ведет нас к описанию своих двух главных традиций: стоицизма и эпикурейства. Для стоиков, смерть, как и рождение, принадлежит порядку космоса. Смерть не является абсолютным концом; человек принадлежит космосу, где ничто не исчезает бесследно. Существует вечное посредничество, которое позволяет отдельному человеку стать неподвластным смерти. “Стоицизм является по существу доктриной свободы, и эта свобода основана на возможности свободной смерти”.⁵² “Нужно умереть, чтобы быть способным избавиться от смерти”, и, в соответствии с Сенекой, нужно даже, чтобы смерть переросла в деятельность.⁵³

В то время, как стойки сталкиваются со смертью, эпикурейцы игнорируют ее. Доктрину эпикурейства часто называют софизмом несущ-

⁵⁰ P. L. Landsberg, *Essais sur l'Expérience de la Mort et le Problème Moral du Suicide* (Эссе о познании смерти и моральной проблеме самоубийства). (Paris: Seuil, 1951), 33ff.

⁵¹ там же, 41.

⁵² там же, 72.

⁵³ там же, 72.

ществования смерти. “Смерть ни с чем не сравнима для нас. Если мы существуем, то смерть не существует; если смерть существует, то нас больше нет”.⁵⁴ “Сейчас остается проблема в том, как умереть наиболее красивым образом: по традиции, эпикурейцы воспринимали для себя, что смерть лучше всего принять пьющими вино в горячей ванне”.⁵⁵

После обзора этих двух традиций в отношении познания смерти, сейчас необходимо перейти от индивидуума к обществу. Сорель добавляет еще одно измерение к этому объяснению отношений со смертью в либеральном обществе. Он проводит детальный анализ либерального общества и его эволюции, особенно в отношении развития социалистических идей. Как и Жирар, он признает, что античные общества опирались на принесение в жертву своих членов для выживания и сохранения сплоченности. Но для либеральных обществ такие отношения с жертвенностью несовместимы:

“Либеральное общество, перед лицом своих врагов, может выжить, только жертвуя, в какой-то определенный момент, частью своих членов. Этот факт непостижим для либеральной мысли как таковой и может быть постигнут только через внешние ощущения к этой системе, такие как преданность, жертвенность и даже героизм. . . . То есть либеральное общество не может быть только либеральным. . . . Правда состоит в том, что либерализм “паразитирует” на обществах, предшествовавших ему”.⁵⁶

Отсюда, на этом уровне общества существует напряженность между либерализмом, который ставит индивидуальные интересы превыше всего, и возможностями выживания самого такого общества. Затем, Сорель описывает эволюцию этого общества в том, что он называет дегенерацией капитализма. Согласно его взглядам, несовместимость либерализма и жертвенности ведет к идеологии материализма, комфорта и страха. И даже сам класс буржуазии, чьи самоуверенные лидеры создали капитализм, становится боязливым и гуманным. Этот класс поддается аристократии, желая жить в мире, любя порядок и спокойствие. Анализ, данный Сорелем, демонстрирует, что либеральное общество не только не приемлет жертвенность, но также движется по направлению к материализму. Этот материализм не только экономического плана, но также структуральный, свойственный каждому аспекту общества.

С этой точки зрения, познание смерти на индивидуальном уровне, выделенное Ландсбергом, должно быть связано с размышлениями Со-

⁵⁴ там же, 68.

⁵⁵ там же, 69.

⁵⁶ Julliard, в предисловии к A. Sorel, *Réflexions sur la Violence* (Размышления о насилии) (Paris: Seuil, 1990), xi

реля о познании смерти на уровне общества. Либеральное общество не только отрицает жертвенность, но также своим материализмом благоволит эпикурейскому отношению. Индивидуумы не желают иметь дело со смертью и все менее и менее становятся стойками. Либерализм создает условия для эпикурейства. Вследствие этого процесса проблема смерти уходит из центра познания. Плотское страдание и отсутствие духовности отрицаются. Человеческие отношения со смертью становятся искусственными и трансформируются в ложные восприятия. Этот подход помогает нам понять поведение западных обществ во многих областях. Большое количество примеров за пределами военной области иллюстрирует эту характеристику западных государств: желание жить как можно дольше, отодвинуть смерть как можно дальше, или желание оставаться молодым, а также непринятие боли. Таким образом, неприятие людских потерь также коренится в той же самой дилемме либерального общества. Это познание смерти склонно к эпикурейству, то есть, игнорируя смерть, индивидуум помещается в центр общества. Приемлемости страдания, как и готовности пожертвовать собой, просто более не существует. Неприятие людских потерь является симптомом либерализма и эпикурейства, применяемых к военной области.

Религия

До настоящего момента анализ был очень осторожен, чтобы не затронуть один ключевой элемент, когда приходится иметь дело с обществом, насилием и смертью. В этой дискуссии нельзя больше игнорировать религию, которая, разумеется, содержит обширную область размышлений о гуманности и своих отношениях со смертью.

Как было отмечено Прудоном, религия не может отмежеваться от войны. Для него, война и мир – божественные факты, и он идет даже далее:

“Мир – это божественный факт, потому что он остался для нас мифом. Мы никогда не видели его тень, мы не знаем ни его субстанцию, ни его законы. . . как и война, он занимает свое место в наших размышлениях. . . Война – наиболее древняя из всех религий; и она останется последней. Поясним: возникнет новая религия: человеческая”.⁵⁷

В этом смысле, Филоненко констатирует, что работа Прудона намного больше, чем просто анализ войны и мира как таковых: “на самом

⁵⁷ Philonenko, цитируемое произведение, 120.

деле, целью этой работы была фундаментальная теория человеческого разума”.⁵⁸

Предлагаемый далее подход к религии будет очень простым. Прочтение Багават-Гиты и ее теорий Жаном Эрбером, анализ познания смерти в христианской религии, выполненный Ландсбергом, или подход, не выходящий за рамки Корана и отношений ислама со смертью, ведет нас к тому, чтобы уйти от оригинальности каждой религии. Поэтому, мы будем концентрировать наше внимание вообще на религии как таковой. Такой подход не только избегает дилемм или стерильных сравнений между религиями, но также концентрируется на проблеме поиска возможных религиозных причин неприятия людских потерь. Данный анализ приводит нас к удивительному заключению: как это было и в ранее исследованных областях, фобия людских потерь не имеет никаких корней в религии. Религии противоречивы, когда речь идет об этом феномене. Во-первых, многие мыслители признают, что религии всегда нацелены на уменьшение насилия. “Религия далеко не бесполезна. Она делает насилие бесчеловечным, она отводит человека от его собственного насилия, чтобы защитить его, будучи трансцендентальной и всегда присутствующей как грозное предзнаменование, которое требует успокоенности, придерживаясь соответствующих церемоний, а также скромного и благоразумного поведения”.⁵⁹ Филоненко упоминает о затруднениях Макьявелли, когда тот попытался охватить проблему устройства армии: “Он не игнорировал, что христианская религия является единственной, которая способна победить веру в армию, сея мирную традицию Его религия, наша религия, противостояла воинственному характеру”.⁶⁰ В этом комментарии мы можем видеть, что религии вступают в дело на том же самом уровне, что и судебная власть и образование, которые упоминались ранее. В действительности, религии управляют насилием и страданием. Отсюда, религиозные люди должны быть всегда миролюбивыми и проявлять неприятие людских потерь своим желанием ограничить боль. Было неудивительно обнаружить множество религиозных действующих лиц в демонстрациях или бесчинствах, которые имели место во время Вьетнамской войны, или в более общем плане против любого вооруженного конфликта.

Тем не менее, нужно отметить неоднозначность религии. Религия не только стремится уменьшить боль и старания, но также помогает верующему прийти к согласию относительно смерти. “Высшие формы веры, которые устояли, находятся в полном согласии с этим познанием (смерти). Они представляют нам духовную личность . . . но только

⁵⁸ там же

⁵⁹ Girard, цитируемое произведение, 201 – 202

⁶⁰ Philonenko, цитируемое произведение, 25.

как исчезнувшую, как живущую в отсутствии. . . . Вера в выживание обещает нам, что наша собственная смерть предоставит нам встречу с умершим соседом, что мы снова услышим его голос . . . свободный от этого старого тела”.⁶¹ Ландсберг упоминает далее, дискутируя о христианском познании смерти, что “вечные муки являются, таким образом, единственно истинной смертью, единственно вечной смертью”.⁶² Двусмысленность религиозного фактора состоит в том, что он зачастую предлагает нам конечную, справедливую и высшую причину, по которой умирают. Доведение этой теории до крайности отрицает неприятие людских потерь путем придания законности человеческой жертвенности. Шериф Мохаммед в своей главе о джихаде пишет:

“Эта позиция – помнить о смерти и предпочитать почетную смерть любой другой смерти – коренится во всех славных делах раннего ислама. Бесстрашные спутники Пророка распространили ислам до берегов Атлантики и до границ Китая менее, чем за одно столетие. Они привели к наиболее впечатляющим военным кампаниям в истории, и их стимулы были очень простыми: поиск мученичества, наиболее почетной смерти для мусульманина”.⁶³

Отсюда, религии по своему экспансионистскому характеру – христианизация во время крестовых походов или джихад для ислама, например, – не обязательно имеют своей целью уменьшение насилия. Они могут предложить “оправдывающее обстоятельство” для того, чтобы убивать или быть убитым, давая последнюю надежду на то, чтобы быть спасенным и попасть в рай. В этом смысле они далеки от неприятия людских потерь. Две эти оценки демонстрируют противоречивый характер религий в отношении неприятия людских потерь. Следовательно, невозможно начертить никакой вид простых отношений между западными обществами, неприятием людских потерь и христианством, например. Более того, конечный аспект дискуссии о религии здесь состоит в том, чтобы признать, что ее значение на протяжении всего двадцатого века неуклонно идет на убыль. Те самые общества, которые склонны к неприятию людских потерь – либеральные демократы, – все менее практикуют воскресные молитвы. Можно ли установить соотношения между двумя этими факторами? Хотя это потребует разностороннего изучения, противоречивость религий кажется слишком силь-

⁶¹ Landsberg, цитируемое произведение, 34.

⁶² там же, 90.

⁶³ Mohammed Sherif, *Preparing for Death*, доступно на сайте: www.unn.ac.uk/societies/islamic/misc/death1.htm.

ной, чтобы позволить реальную оценку в отношении того, являются ли менее религиозные люди более непримиримыми к людским потерям.

Мы нашли возможные корни неприятия людских потерь в появлении судебной власти в обществе и во взаимоотношениях либерального общества со смертью. Противоречивый характер религий не позволяет нам найти какие-либо очевидные истоки неприятия людских потерь в самих религиях. В последней части, которая последует сейчас, будут описаны другие факторы, которые благоприятствуют этому феномену; они являются, скорее, предоставляющими возможность факторами, чем оригинальными причинами.

Часть третья: ключевые факторы, допускающие неприятие людских потерь

Демократии как “пацифистские” общества

Нежелание демократий идти к войне может быть интерпретировано как фактор, который способствует неприятию людских потерь. Хотя Токвиль и признает, что демократии подвержены войне, как аристократические общества, он демонстрирует их нежелание участвовать в войне. Когда люди становятся все более равными, их готовность воевать снижается. Токвиль пишет, что “существуют две вещи, которые всегда трудны для исполнения людьми демократического общества: начинать и заканчивать войны”.⁶⁴ По его мнению, промышленность и торговля являются истинными заменителями войны. Война является бедствием и для тех, кто проиграл, и для тех, кто выиграл. В заключение, Токвиль утверждает, что материализм демократических людей является препятствием на пути к войне: “Война беспокоит и доводит до отчаяния это огромное множество граждан, чей душевный настрой требует мира”.⁶⁵ Продолжая говорить о Токвилле, интересно отметить, что его позиция в отношении вопроса смерти является исключительно благосклонной к идее людских потерь. Фактически, он также описывает этот симптом, и его заключения не совпадают с тем, что мы видим сейчас в современных западных демократиях. Токвиль пишет:

“У людей, живущих в демократиях, есть страстное желание обладать благами сразу и с легкостью пользоваться ими. Большинство из них предпочтет неприятностям риск и страх смерти. В этом же духе они осуществляют свое промышленное производство и торговлю, в том же самом духе они ведут себя и на поле боя, что ведет их к тому, чтобы добровольно подвергать свои жизни опасности, но чтобы сразу

⁶⁴ Alexis de Tocqueville, *De la Démocratie en Amérique*, 2 (Демократия в Америке, 2) (Paris: Garnier Flammarion, 1991), 329.

⁶⁵ там же, 330.

же завоевать победу. Нет величия, более удобного для людей в демократиях, чем военное величие, сияющее величие, которое достается без труда, а только с риском для жизни”.⁶⁶

С высоты двадцать первого века удивительно видеть способность этого французского путешественника девятнадцатого века описывать современные проблемы. Тем не менее, его ошибка в этом случае, конечно, исходит из исторического контекста. Отсюда, хотя его анализ согласуется с миром национальных государств, военное величие больше не является первостепенной ценностью. Экономическое, а сейчас даже культурное величие, вытеснило военный фактор. Это, возможно, причина для объяснения появления неприятия людских потерь, в то время как военное величие перестает быть самой главной ценностью.

Аналогичный подход в том же духе мы находим и у Прудона: военный героизм будет заменен промышленным героизмом. Но Прудон полагает, что смерть является постоянным фактором на протяжении всей истории.⁶⁷ Отсюда, даже в индустриальных конфликтах, смерть будет присутствовать и оставаться в центре. Прудон ставит этот вопрос в заключении своей четвертой книги: “В этих новых битвах нам не придется показывать меньше решимости, меньше преданности, или презирать меньше смерть и удовольствия. У нас не будет меньше убитых и раненых”.⁶⁸ Таким образом, Прудон уже описал приемлемость неприятия людских потерь на том самом уровне, который окружает нас сегодня.

Оба этих исследователя, которые занимались проблемой фобии людских потерь в прошлые столетия, подчеркивают свойственное демократической системе нежелание проводить войну. Это исходное положение часто приводит к неправильному восприятию того, что демократии не преуспевают в ведении войны. Как продемонстрировал Токвилль в одной из своих глав, вывод о том, “[что] делает демократические армии слабее других в начале кампании и сильнее в длительной войне”,⁶⁹ неправилен. Если применить такое обоснование к концу двадцатого века, кажется, что нежелание демократий вести войну благоволит неприятию людских потерь в мирное время. Это увековечивает имидж демократий как пацифистов. Это может объяснить неправильное восприя-

⁶⁶ там же, 331.

⁶⁷ Philonenko, цитируемое произведение, 176 – 180.

⁶⁸ Philonenko, цитируемое произведение, 154, цитата из Proudhon, *The War and the Peace*, édition des œuvres complètes, 483.

⁶⁹ Tocqueville, цитируемое произведение, 337.

тие господ Милошевича и Хуссейна, которые избрали акцент на этом симптоме, так и не поняв настоящее решение западных демократий.

Случаи использования военной силы, которые способствуют неприятию людских потерь

Роль, отведенная политиками военной силе, сильно влияет на вероятность нахождения среди населения неприятия людских потерь. Кажется очевидным, что фобию людских потерь будет легче увидеть у стран интервенционного толка с глобальными обязательствами, а не среди более нейтральных действующих субъектов. Имея дело с использованием военной мощи, необходимо установить ключевые принципы, которые, вероятно, позволят прогнозировать наличие неприятия людских потерь в обществе.

Сначала в качестве первого пункта вернемся к самому простому исходному положению: для того, чтобы возникли возможные дебаты об убитых и раненых, солдат должен находиться на поле боя и рисковать своей жизнью. Этот аспект уже упоминался в отношении технического предрасположения западных государств. Отсюда, если БПЛА,⁷⁰ спутники и ракеты могут вести войну, то человеческий аспект проблемы моментально исчезнет.

Второй пункт заключается в том, что физический конфликт должен быть действительно возможным. «Холодная война» и ее основной принцип взаимного ядерного устрашения заморозил возможность конфликта. Как отмечал Арон, «уничтожение Хиросимы и Нагасаки ядерными бомбами свидетельствует о кульминационном пункте . . . варварского применения принципа уничтожения, интерпретируемого в его материальном смысле».⁷¹ Далее он указывает, что ядерная война создает разрыв между политикой и военными: «война не является более продолжением политики иными средствами».⁷² Создавая возможность абсолютной войны, ядерное оружие замораживает способность государства вести войну и анализировать войны с применением обычных видов вооружения. «При отсутствии ссылок на абсолютную войну, какие критерии будут использоваться для переговоров между противниками, которые традиционно отражают отношения силы и результатов предыдущих или последующих боев?»⁷³ Как только лед «холодной войны» растаял, когда ядерное устрашение перестало быть первостепенным фактором в балансе, государства вернулись к прежним критериям ведения

⁷⁰ беспилотные летательные аппараты

⁷¹ R. Aron, *Penser la Guerre, Clausewitz II, l'âge planétaire* (Размышления о войне, Клаузевице II, планетарной эпохе). (Paris: Editions Gallimard, 1976), 139.

⁷² там же

⁷³ там же, 232.

войны. Отсюда, война с настоящими солдатами и настоящими полями сражений снова становится возможной. Если роль солдат вновь становится центральной, тогда неприятие людских жертв – способность или нежелание ввернуть судьбе свои жизни или погибнуть на войне – возвращает нас в центр дискуссии. Ядерное устрашение и возможность абсолютной войны не только подавляет проблему убитых и раненых, но также замораживает возможность иметь дело с вверенными жизнями людей.

Третий пункт, на котором нужно остановиться, – активная дипломатия. Когда дипломатия включает насилие в свои инструменты, кажется очевидным, что проблема риска для “дипломата-солдата” становится первостепенным фактором любой интервенции. Отсюда, наступательная дипломатия, такая как принуждение и сдерживание силой, часто бросает людей на линию конфликта. И, с этой точки зрения, политические лидеры должны сделать выбор. Критическая точка в эскалации от принуждения до сдерживания силой – это не повышение затрат на интервенцию, а сам момент, когда человеческие жизни подвергаются опасности. Цена, которую готовы платить за человеческую жизнь сегодня, трактуется как очень сильный политический сигнал.

Отсюда, состояние “прохладной войны”, в которой возможности конфликта не заморожены, помещает человеческую жизнь в центр этой проблемы. Политический и дипломатический выбор, такой как стратегические варианты, оформляет масштаб неприятия людских потерь, потому что именно человек всегда играет центральную роль.

Заключение

Анализ, приведенный выше, содержал три основных этапа. Первый этап: дискуссия началась с обзора симптомов и проявлений фобии людских потерь. Второй этап: дискуссия затронула философскую мысль в поисках обнаружения истоков этого феномена. И, наконец, последний этап: в представлении ключевых способствующих факторов были описаны решающие факторы, являющиеся важными в оценке этого вопроса. Позвольте вернуться к основной идее данного анализа: неприятие людских потерь не может быть понято посредством простого описания его симптомов. Его истинные корни – во взаимоотношениях между обществом, насилием и смертью.

Если ограничить наше исследование анализом правительства, средств массовой информации и общественностью, то результат будет простым. Неприятие людских потерь существует тогда, когда жизненные интересы не находятся в опасности, и средства массовой информации являясь решающим инструментом в распространении этого неприятия. В конечном итоге, кажется, что военные и политиче-

ские элиты являются единственными группами, которые на самом деле не приемлют людские потери, теми самыми группами, которые окончательно решают судьбу вверенных им жизней солдат. Наибольшим предметом озабоченности для западных обществ было бы то, если бы проблеме людских потерь не позволили бы быть проблемой. Они бы прекратили быть демократиями и возвратились бы к жертвенным обществам, где жизни граждан находились бы в руках их повелителей. Может быть, еще хуже было бы полное отрицание этой концепции, подобно эпикурейскому отрицанию смерти. Неприятие людских потерь существовало всегда, как внутри военного, так и внутри гражданского общества, от уровня отдельного человека до целого народа, от солдата, которого тошнит от страха в окопах, до начальника штаба.

Последствия фобии людских потерь возникают на двух основных уровнях. На политическом уровне, лидеры должны принимать во внимание управление средствами массовой информации и общественностью. Это должно сопровождаться сильным руководством, где нет места двусмысленности. Отсюда, демократический разговор в сотрудничестве со средствами массовой информации позволяет правительствам моделировать отношение общественности к людским потерям в соответствии с задачами правительств. На военном уровне, фобия людских потерь должна управляться соответствующим образом. Иерархия не может отрицать этот факт. Она изменяет применение военной мощи и в каком-то роде может уменьшить его эффективность. Тем не менее, первоначальное описание неприятия людских потерь, если рассматривать его симптомы отдельно, вырисовывает неполную картину. Интересно заметить, что, будучи слишком частыми, дебаты вращаются вокруг его проявлений и последствий, ограничивая вопрос безнадежным отказом в этом феномене. В этом случае, неприятие людских потерь воспринимается как слабое место, подлежащее исключению.

Начало поисков истинных причин неприятия людских потерь демонстрирует, насколько нужно быть осторожным в обоснованиях, когда ищешь эти причины. Несмотря на то, что низкая рождаемость, длительные периоды мира и неприятие кровопролития, которые ведут к определенным техническим вариантам выбора, кажутся привлекательными объяснениями, они нуждаются в осторожном подходе. Анализ быстро перемещается в иное измерение, когда вводятся философские и религиозные мысли. Отношения, которые складываются у человека с насилием и смертью, являются фундаментальными компонентами для этой дискуссии. Они объясняют, каким образом насилие прививается человеку и каким образом выживание общества может зависеть от принесения в жертву некоторых его членов. Однако, отношения между индивидуумом и обществом не всегда носят жертвенный характер, и приход су-

дебной власти, а также образования приоткрывает завесу для большего понимания неприятия людских потерь. Отсюда, либеральное общество, посредством своего метода управления насилием, склонно благоволить эпикурейскому отношению к смерти. Проявлением этой идеи в военной области служит неприятие людских потерь.

Представленный здесь и основанный на философии и теологии анализ может подлежать критике как частичный и избирательный. Платон, Клаузевиц, Сун Дзу (так часто цитируемые в англоязычных статьях), Лидделл Харт – никто из этих мыслителей не пролил свет на этот вопрос. Почему я затронул только эпикурейство и стоицизм, когда существует так много других философских течений, рассматривающих наши отношения со смертью? Позвольте напомнить, что нашей первоначальной целью было нахождение корней неприятия людских потерь или, по крайней мере, некоторых из них. Важно подчеркнуть, что пути, по которым мы шли в обнаружении истоков, не так важны, поскольку мы приняли тот факт, что в каждом из них есть свои ограничения. Тем не менее, побочной целью было также показать, что неприятие людских потерь намного больше, чем просто дебаты о симптомах, которые могут быть подытожены примерами Вьетнама и Могадишо. На фундаментальном уровне неприятие людских потерь является вопросом того, как относиться к реальности смерти на войне, какой бы она ни была – “холодной”, “горячей” или “прохладной”, которая существует с 1990-х годов. Этого вопроса не избежать. Концепция нулевых потерь является лишь модным термином, вошедшим в употребление только в конце двадцатого века, чтобы комментировать и анализировать вечную проблему отношений человека с насилием и смертью. Неприятие людских потерь – один из путей описания проблемы смерти на войне, но сейчас его требуется выделить отдельно из этого узкого контекста. Данный анализ позволяет нам также подойти к состоянию “прохладной войны”; не “холодной войны”, где возможность конфликта заморожена или очень ограничена, и не “горячей войны”, в которой жизненно важные интересы находятся в опасности и которая дает несоответствующий счет погибшим и раненым. “Прохладная война” возникла с началом двадцатого века – постоянного состояния, где роль человека является центральной и где в океане дипломатии встречается смерть.

Можно в это верить или нет, но религия помогает нам сделать отношения человека со смертью центральной проблемой, потому что не существует путей, чтобы избежать ее. Следующая цитата, несмотря на то, что не должна была бы интерпретироваться исходя из своего основного значения, особенно после событий 11 сентября 2001 года, возвращает

нас назад к простой реальности: “Кем бы ты ни был, смерть настигнет тебя, даже если ты находишься в неприступной крепости”.⁷⁴

Библиография

Философские и религиозные труды:

Aron, R. *Penser la Guerre, Clausewitz II, l'âge planétaire* (Размышления о войне, Клаузевице II, планетарной эпохе). Paris: Editions Gallimard, 1976.

Esroul, A. M. and Lacombe, O. *La Bhagavad Gita*. Paris: Editions du Seuil, 1976. (Французский перевод “Багават-Гиты”).

Girard, R. *La violence et le Sacré* (Насилие и сакральность). Paris: Editions Bernard Grasset, Hachette Littératures, 1972.

Herbert, J. *Réflexion sur le Bhagavad Gita* (Размышления о “Багават-Гите”). Paris: Albin Michel, 1994.

Landsberg, P. L. *Essais sur l'Expérience de la Mort et le Problème Moral du Suicide* (Эссе о познании смерти и моральной проблеме самоубийства). Paris: Editions du Seuil, 1951.

Philonenko, A. *Essais sur la Philosophie de la Guerre* (Эссе о философии войны). Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1988.

Sorel, A. *Réflexions sur la Violence* (Размышления о насилии). Paris: Seuil, 1990.

Tocqueville (de), A. *De la Démocratie en Amérique, 2* (Демократия в Америке, 2). Paris: Garnier Flammarion, 1991.

Zafrulla Khan, M. *The Quran*. Арабский текст с новым английским переводом, выполненным Мухаммадом Зафруллой Ханом. London/Dublin: Curzon Press Ltd., 1970.

Книги и брошюры:

Chief of Joint Operations. “Peace Support Operations.” *Joint Warfare Publication 3–50*. Northwood: PJHQ, 1998.

Coker, C. Dr. *Humane Warfare: the New Ethic of Post Modern War*. London: Routledge, 2001.

Creveld, M., *On Future War*. London: Brassey, 1991.

Deakin, S., Dr. “British Civil Military Relations: An Introduction.” В *Political Institution in Britain*, под ред. Lyton Robins. London: Longman, 1987.

Everts, Phillip, and Isernia “Public opinion and the international use of force.” В книге S. Kull and C. Ramsay, *The Myth of the Reactive Public: American Public Attitudes on Military Fatalities in the Post Cold War Period*. London: Routledge, 2001.

⁷⁴ *The Koran*, al Nisa, 4:78.

Handel, M. I. “Masters of War. В *Classical Strategic Thoughts*, 3-е издание. London/Portland: Frank Cass, 2001.

Kull, S. and Destler, I. M., *Misreading the Public: the Myth of a New Isolationism*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1999.

Ministry of Defence. *British Defence Doctrine*. Joint Warfare Publication 0-01. London: HMSO, 2001.

Ministry of Defence, *The Strategic Defence Review*. London: Stationery Office, 1998.

Статьи:

Baer, A. “RMA Zero-Mort et Guerre du Kosovo où Tout le Monde peut se Tromper.” (Нулевая смерть “революции военного дела” и война в Косово, или каждый может ошибиться). *Le Piège*, (December 1999).

Blair, Rt. Hon. Anthony. “Doctrine of the International Community.” Речь перед Экономическим клубом Чикаго, Вашингтон, 22 апреля 1999 г.

Bonsignore, Enzo. “A Wimpy Society Are We.” *Military Technology* (September 1999).

Bressy (de), B. “La Guerre Zéro Mort: un Rêve Américain.” (Война без убитых: американская мечта). *Défense Nationale* (April 1999).

Chamagne, R. “Le Concept Zéro Mort: l’Arbre qui Cache la Forêt.” (Концепция нулевой смерти: дерево, за которым не видно леса). *Le Piège* (September 2000).

Conversino, Major Mark P. “Sawdust Superpower: Perceptions of U.S. Casualty Tolerance.” *Strategic Review* 25:1 (Winter 1997) 15–23.

Da Rocha, Alexander. “The Ethical Problem in Pluralistic Societies and Dr Toner’s Mistakes.” *Aerospace Power Journal* (Spring 2001).

Dauber, Cory. “The Impact of Mogadishu on U.S. Military Intervention.” *Armed Forces and Society* (Winter 2001).

Dietrich, Robert. “Casualty Sensitivity and the Indirect Approach.” *Aerospace Power Journal* (Spring 2001).

Duclos, L. J. “Paix de Compromis et Tradition Musulmane.” (Мир компромисса и мусульманские традиции). *Défense Nationale* (August–September 2000).

Girard, René. “Ce qui se joue aujourd’hui est une rivalité mimétique à l’échelle planétaire.” *Le Monde Interactif*, November 5, 2001.

Hyde, Charles. K. “Casualty Aversion.” *Aerospace Power Journal* (Summer 2000).

Kent, D. Johnson. “Political Military Engagement Policy: Casualty Avoidance and the American Public.” *Aerospace Power Journal* (Spring 2001).

- Lambert, D.** “Les Armes de Désorganisation Massive: un Concept Novateur.” (Оружие массовой дезорганизации: новая концепция). *Défense Nationale* (July 2000).
- Larson, Eric, V.** *Casualties and Consensus: the Historical Role of Casualties in Domestic Support for US Military Operations*. Santa Monica, CA: RAND, 1996.
- Larson, Eric, V.** *Ends and Means in the Democratic Conversation: Understanding the Role of Casualties in Support for the Military*. Santa Monica, CA: RAND, 1996.
- Luttwak, Edward N.** “Give War a Chance.” *Foreign Affairs* 78:4 (July/August 1999): 36–45.
- Luttwak, Edward N.** “A Post-Heroic Military Policy.” *Foreign Affairs* 75:4 (July/Aug 1996): 33–44.
- Mortensen, Daniel. R.** “An Ethos of Casualty Sensitivity.” *Aerospace Power Journal* (Summer 2000).
- Record, Jeffrey.** “Force Protection Fetishism.” *Aerospace Power Journal* (Summer 2000).
- Reiss, Charles.** “Britain Must Wage War With No Casualties.” *Evening Standard*, February 7, 2001.
- Robinson, S.** “America Mourns Soldiers Killed by ‘Friendly Fire.’” *The Independent*, December 7, 2001.
- Suro, Roberto.** “Zeroing in on Zero Casualty Syndrome.” *Washington Post*, August 21, 2000.
- U.S. National Security Strategy for a New Century*. The White House, December 1999.

Научные доклады:

- Balshaw, Wg. Cdr. DRP.** “What are the Implications for Britain of America’s Apparent Aversion to Casualties?” *AC3 S3* (September 1999–July 2000).
- Clark, General Wesley.** “The United States and NATO: The way ahead.” *Parameters* 29:4 (Winter 1999–2000).

Интернет:

- Caniglia, R., Lt Col.** *73 US and British Approaches to Force Protection*. www.cgsc.army.mil/milrev/English/JulAug01/canig.htm
- Sherif, Mohammed.** *Preparing for Death*. www.unn.ac.uk/societies/islamic/misc/death1.htm
- Pellerin, Alain.** *Fallout from the Air and Missile Offensive against Yugoslavia*. Директор Конференции оборонного сообщества; работа представлена на тематическом симпозиуме “После Косово: смысл стратегии США и коалиционного ведения войны”, проходившем в 1999 г.; www.ndu.edu/inss/symposia.topical99/pellerin.html.

RAND, *Public Support for US Military Operations*.

www.rand.org/publications/rb.rb2502.rb2502.html. March 1996.

White, M. *Source List and Detailed Death Tolls for the Man-Made Mega Deaths of the Twentieth Century*.

www.users.erols.com/mwhite28/warstats.htm

Телевидение:

Документальный фильм, *The Falklands War (Фолклендская война)*, BBC Channel 4, январь/февраль 2002.

Личные интервью:

Пользуясь тем преимуществом, что в Командно-штабном колледже объединенных сил Великобритании обучаются представители различных государств, я провел следующие интервью, чтобы понять, как неприятие людских потерь воспринимается в мире. Все интервьюируемые являются учащимися Командно-штабного колледжа ВВС Великобритании № 5. Их понимание неприятия людских потерь как таковое не может служить точным представлением о культуре их стран в целом. Тем не менее, они люди с очень широким кругозором, хорошо знакомые с этим вопросом и обладающие фантастическим историческим знанием военной культуры своей страны. В конце концов, эти интервью проводились уже после того, как были собраны все данные и основной анализ этого эссе был завершен. Отсюда, данный анализ не ориентировался на находки, которые могли бы предложить военные сотрудники. Эти интервью послужили *bouquet final* (своего рода приданием завершенности) в понимании этой темы в целом и проверкой анализа, сделанного ранее. В любом случае, эти интервью были лучшим временем курса моего обучения, и я хотел бы поблагодарить моих товарищей за их вклад. Все интервью придерживались определенного формата. После представления определения неприятия людских потерь, которое приводится в этой работе, я просил ответить на следующие вопросы:

Каково ваше определение неприятия людских потерь?

Как вы думаете, эволюционирует ли ваше общество, с точки зрения материализма, религиозных обычаев и отношений со смертью?

Думаете ли вы, что ваша страна или ваше общество не приемлет людских потерь?

В недавнем кризисе, в котором была задействована ваша страна, наблюдали ли вы неприятие людских потерь?

Как вы думаете, является ли неприятие людских потерь в основном проблемой Запада или даже проблемой США?